

Цикл Э-магия

Дмитрий Лазарев

РУНА ТИБЕТИ

Э-магия

Дмитрий Лазарев

Руна гибели

«Автор»

2018

Лазарев Д. В.

Руна гибели / Д. В. Лазарев — «Автор», 2018 — (Э-магия)

Кромешников осталось только трое, но потери их не останавливают. Продолжают гибнуть хранители Осколков, а силы, противостоящие Пустоте, все никак не могут договориться. Игорю Логинову и его команде приходится сражаться с теми, с кем следовало бы сотрудничать – со светлыми Вторыми. Более того – стараниями многочисленных недругов спутники Э-мага постепенно покидают его, и все идет к тому, что отцу и дочери в итоге придется остаться вдвоем против всех. А между тем уже тикает обратный отсчет запущенного таймера апокалипсиса, и вот-вот вспыхнет в небесах грозным знаменем неисчислимых бед Руна Гибели.

© Лазарев Д. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Ретроспекция 1 – Оборванная Нить	5
Почти идеальный план	11
Тревога	16
Человек «Не»	23
Угроза надвигается (из воспоминаний Игоря Логинова)	27
Свистать всех наверх!	34
В Норвегии становится жарко (из воспоминаний Игоря Логинова)	36
Предатель	40
Ярость Демиурга	43
Погоня (из воспоминаний Игоря Логинова)	45
Ночные призраки сельвы (номер шестой)	49
Смятение	56
Матка	61
Игорь и Моргана	72
Из воспоминаний Игоря Логинова	75
Смена караула	76
Дневник Елены Медниковой	78
Кромешник на поводке	81
Обратная связь (из воспоминаний Игоря Логинова)	84
Ретроспекция 2 – Заточение	92
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дмитрий Лазарев

Руна гибели

Ретроспекция 1 – Оборванная Нить

Где-то в Пустоте. Задолго до Войны Тринадцати.

Пустота... Она обволакивала Рагнара всего, прижимаясь к плоти Первого словно самая страстная любовница, и пыталась проникнуть внутрь его тела сквозь рот, нос, уши, глаза и даже мельчайшие поры кожи. Его защитная энергетическая оболочка пока держалась, но это стоило ему немалых усилий. Хотя, казалось бы, абсолютное ничто в принципе не может быть способно на подобные действия, но совсем пустой Она не была. В Ней струилась энергия, правда, темная и бесконечно чуждая всему, рожденному в материальной Вселенной, а также явно ощущалась разумность Ее действий, как будто вся Она была огромным, распределенным по чудовищному объему пространства сознанием – таким гигантским хищным мозгом. Неутолимый голод этого неопишуемого монстра Первый чувствовал буквально кожей, и от этого ему становилось здорово не по себе: как ни крути, а масштабы их были просто несопоставимы: он, микроскопическая частица материальной Вселенной, и безбрежное голодное ничто.

Пока Рагнара, видимо, спасало его собственное быстрое перемещение, а также то, что сущность Пустоты растеклась слишком широко, и Ее концентрации в данном конкретном месте не хватало, чтобы поглотить вторгшуюся в Ее владения одинокую золотистую искорку. Поэтому для Первого сейчас важнее всего было с максимальной возможной скоростью двигаться к цели, ради которой он, собственно, и забрался так глубоко в эту алчную тьму. Его цель – Вселенная Антагар, предыдущее детище Творца, до которой требовалось дотянуть Нить Творения. Впрочем, Нитью она только называется. На деле же это – энергоинформационный канал, который свяжет между собой обе Вселенные, чтобы Творец впоследствии смог накрепко стянуть их вместе. Двигаясь к заданной цели, Рагнар выпускал из себя Нить, словно паук свою паутину. Хотя подобное сравнение было бы непонятно Первому, ибо таких тварей еще не существовало в природе.

Нить Творения, заложенная внутри его сущности самим Творцом, в дальнейшем сослужит Рагнару еще одну службу – поможет вернуться назад, в свою родную Вселенную. Но она же является и источником великой опасности, ибо по ней течет чуждая Пустоте энергия творения, вызывая возмущение в тех ее частях, через которые проходит. Гигантская сущность Пустоты несомненно рано или поздно отреагирует на это раздражение и по следу энерговозмущений неминуемо обнаружит его, Рагнара. А вот тогда уже Первому не позавидуешь. Единственное, что он может сделать – это как можно скорее выполнить свою миссию и вернуться назад до того, как Пустота сконцентрирует в одном месте достаточно энергии, чтобы породить сущность Иерарха или двух, а также сотни тварей поменьше, назначением которых будет высасывать из него Силу. И если им это удастся, Первый обречен.

Битва с Пустотой – дело заведомо безнадежное. Вся надежда на инертность Ее громадного организма и невозможность быстрой концентрации энергии. Да и на порождение боевых сущностей (особенно уровня Иерархов) тоже потребуется время, ведь Пустота предельно рациональна и не тратит энергию на поддержание жизни тех, в ком нет насущной необходимости в данный момент. Она создает их, лишь когда в Ее гигантском организме возникают болевые точки: упорядоченные Вселенные, Нити Творения или незваные гости, вроде него. Эти сущности способны активно воздействовать на источники раздражения и подавлять их. Такие антитела, борющиеся с вирусами. Впрочем, аналогия не совсем верная. Вирусы для живого

организма опасны, ибо наносят ему вред и могут даже убить, в то время как материальные Вселенные Пустоту просто раздражают, словно мухи, летающие по комнате.

Через некоторое время Рагнар решил, на всякий случай, сменить направление размышлений. Кому, как не Первому, наделенному талантом Творения, знать о материальности мысли, тем более, если порождает ее такой, как он? Чем меньше думаешь о Пустоте, тем меньше шансов, что ожидание ее активного противодействия воплотится в реальность. Гораздо безопаснее и приятнее тема оставленной им молодой Вселенной. Собратья по поколению сейчас постепенно наращивают вокруг Базового плотность новых миров, призванных служить его защитой от Пустоты. Тем же самым занимался бы сейчас и он, причем с гораздо большим удовольствием, чем порученной ему, пусть даже чрезвычайно важной, но и настолько же опасной миссией. Но ничего, по возвращении он наверстает упущенное! Творец обещал ему выделить сектор пространства для реализации его творческих планов. Ох, и развернется же он там!

Посмаковав немного открывшуюся перед внутренним взором пленительную картину, Рагнар вернулся к окружающей действительности, которая мгновенно холодной волной тревоги смыла его фантазии: налицо было явное увеличение энергетической плотности окружающего, вроде бы пустого пространства. Это могло означать одно из двух: либо Пустоте надоел его рейд, и Она решила всерьез заняться дерзким пришельцем, либо приближается его цель – Вселенная Антагар, и возмущения порождены именно ею. Лучше бы второе.

Рагнар увеличил скорость передвижения. Надо заметить, что зрение в Пустоте практически бесполезно, так как там царит практически полная темнота. Поэтому найти Антагар, равно как и почуять присутствие рядом опасных существ, можно было лишь прибегнув к помощи совершенно особых чувств, к которым глаза не имели абсолютно никакого отношения. Эти-то чувства Первый сейчас и обострил до предела. Конечно, верное направление было вложено в его сознание Творцом, но на Создателя надейся, а сам тоже не расслабляйся.

Последняя мысль неожиданно понравилась Первому. Надо будет зафиксировать ее для себя на перспективу. Если, а точнее, когда он начнет создавать собственный мир, его обитатели получат эту мысль свыше в качестве божественной мудрости.

Вскоре, однако, его обостренные чувства забили тревогу. Он ощутил сравнительно недалеко мощные энергетические пульсации. Странные какие-то пульсации, совершенно не похожие на те сигналы, что обычно испускает материальная Вселенная. Скорее, подобные энергетические всплески было способно породить какое-то грандиозное сражение или судороги агонизирующего гигантского организма. Последнее предположение заставило Первого похолодеть: если искомая Вселенная действительно находится поблизости, то...

Додумывать эту мысль до конца он не стал: слишком ужасал возможный конечный результат. Рагнар просто до предела ускорился, наводясь на пульсации в качестве ориентира. Теперь можно было не опасаться, что он проскочит мимо Антагара. Опасаться следовало совсем другого.

Пустота пожирает свет, излучаемый творениями Создателя, с удивительной жадностью, и он не может распространяться в ней далеко. Именно поэтому Первый буквально налетел на объект своих поисков, словно перед ним вдруг отдернулся громадный черный полог, и Вселенная возникла будто из ничего, заняв разом три четверти того, что принято называть небосводом. Даже обычное зрение Первого оказалось способным охватить сей громадный объект целиком, значит, расстояние до него, все же, было более чем велико. А потому обычному зрению остались недоступны детали вселенской трагедии, однако общая картина выглядела ужасающе и феерически одновременно. Впрочем, ужасающего в ней было, все-таки, больше.

Да, это был Антагар. Точнее, то, что от него осталось. Материальная Вселенная не светила ровным светом, а мерцала, готовая погаснуть. Насколько было известно Первому, изначально она обладала более или менее правильной формой слегка сплюсненного тора. Теперь же... Если бы в те далекие времена человечество Базового мира уже дошло до производ-

ства хлебобулочных изделий, и Рагнар взял бы на себя труд ознакомиться с их ассортиментом, он сказал бы, что Антагар сейчас напоминал бублик, здорово обгрызенный мышами. Но, поскольку сия разумная раса в Сфере Миров еще только зарождалась, и подобное развитие разве что брезжило в очень далекой перспективе, Первый лишь констатировал про себя, что в угасающем организме Антагара зияют чудовищные прорехи, в которых что-то двигалось.

И там, где спасовало обычное зрение, заработал на полную мощность гиперчувствительный магический взгляд Первого. Маги-зрение действует совсем в ином и намного более широком волновом диапазоне по сравнению с обычным, и владеющий этим бесценным даром способен видеть объекты и энергетические явления, недоступные простому взору. В данном же случае эта способность эксплуатировалась на абсолютном потолке своих возможностей. Рагнар, словно с помощью невероятно мощного телескопа, приблизил одну из огромных рваных ран во внешней оболочке Антагара и обнаружил, что она заполнена бурлящей Пустотой, а точнее – порожденными Ею боевыми сущностями.

Причем разнообразие этих созданий было весьма широким – от мельчайших капель тьмы до гигантских черных пятен, казавшихся (хоть это и весьма сложно представить) еще чернее окружающего мрака. В гибнущую Вселенную вгрызались полчища тварей, созданных лишь для одного: поглотить, растворить в себе по кускам, но не для того, чтоб насытиться (ибо утолить их голод было невозможно), а чтобы объект их атаки просто перестал существовать. Вообще. Организм Антагара отчаянно сопротивлялся, однако ситуация выглядела абсолютно безнадежной.

Эти-то пульсации и уловил Рагнар «на подлете». И тут могучий Демиург сполна познал горечь бессилия и отчаяния. Ему невероятно больно было смотреть, как гибнет под натиском Пустоты творение Создателя, но сделать ничего не мог: силы были мало сказать «неравны», они были абсолютно несопоставимы. Рагнар окинул взглядом пожирающую Антагар орду крошечников, и ему стало плохо. Одних громадных черных клякс, представляющих собой Иерархов Пустоты, в данном конкретном месте было, как минимум, пять, не говоря уже о более мелких сущностях. А Первый не поставил бы на себя в схватке даже с одним из этих чудовищных монстров. Стоит парочке таких тварей ненадолго отвлечься от поглощения агонизирующей Вселенной – и ему конец. Для Антагара же его самопожертвование ровным счетом ничего не изменит.

Выходит, единственное, что ему оставалось – изо всех сил мчаться назад, вдоль Нити Творения к своей родной Вселенной. Где-то там, рядом с ней, находился и Творец, прикрывая свое еще беззащитное детище от атак Пустоты и давая возможность Первым завершить работу. Нужно сообщить все Ему – ведь если кто и сможет что-то сделать в сложившейся ситуации, то единственно Он. Хотя, что? Ведь Ему придется выбирать между двумя своими Вселенными – новой, только что созданной, и другой, которую Он сотворил миллионы временных единиц назад. Ведь даже Ему не под силу находиться в двух местах одновременно, иначе бы Он не послал Рагнара в столь далекую и опасную экспедицию. Впрочем, истинные замыслы Творца, равно как и пределы Его возможностей, оставались для Первых тайной за семью печатями. В общем, если у Антагара и есть хоть малейший шанс на спасение, то он связан только с Создателем.

Приняв такое решение, Демиург отвернулся от угнетающей его душу апокалиптической картины и резко прятнул прочь, в Пустоту. Пожалуй, слишком резко, ибо его маневр не остался незамеченным. Одна из гигантских черных клякс оторвалась от своего разрушительного занятия и, предоставив более мелким сущностям доделывать свою работу, устремилась в погоню.

* * *

Надо заметить, что обратный путь давался Рагнару значительно тяжелее. Ведь ему теперь приходилось вбирать в себя Нить Творения, дабы не утратить этот ценнейший дар Творца и не облегчить кромешникам поиск кратчайшего маршрута в погоне за ним. Правда, местонахождение того, что постепенно превращалось в Сферу Миров, естественно не являлось тайной для Пустоты, как человек безошибочно находит даже в темноте досаждающую ему болячку или зудящее место укуса насекомого. Только когда еще Она соберет силы, чтобы расправиться с ней! Поэтому сейчас, пока нарождающаяся Вселенная еще не окрепла и не окуталась прочной оболочкой, приводить эту свору к ее границам очень опасно, так как даже Творцу в этом случае пришлось бы нелегко.

Но Нить не очень-то хотела вбираться: ведь покидая тело Демиурга, она трансформировалась в энергоинформационный канал, занимающий куда больше места в пространстве. А Рагнар не обладал мощью Творца, который легко сжал Нить, чтобы с гарантией разместить ее внутри материальной оболочки Первого. Тем не менее, Демиург пока справлялся, однако скорость его передвижения вследствие борьбы с Нитью существенно замедлилась. Впрочем, будь Рагнар уверен, что за ним организована погоня, данное обстоятельство тревожило бы его куда сильнее. Но он не знал, хотя и не сбрасывал со счетов вероятность такого преследования.

Демиург продолжал двигаться, поглощая Нить, и занятие это требовало от него значительной концентрации внимания, практически не оставляя места для отвлеченных размышлений. Впрочем, темы для них периодически все равно возникали в его сознании. Одним из главных занимающих его вопросов был следующий: откуда изначально возник Творец, и где Он брал материю для создания своих Вселенных? Возможно ли, что Он трансформировал энергию в материю? А если так, подходит ли для Творения энергия Пустоты в чистом виде, или она нуждается в некотором преобразовании?

Чем при создании миров пользуются его собратья по поколению, Первый уже догадался. В качестве изначального источника в каждом из них присутствовала Нить Творения, аналогичная той, что сейчас пытался вобрать в себя Рагнар. Только тратили они ее по-другому. Но что будет, когда энергия Нити закончится? Смогут ли Демиурги производить энергию сами, по своему желанию? Ведь наверняка смогут, хотя у Рагнара пока не было возможности проверить эту теорию на практике. Но он непременно сделает это сразу же по возвращении домой.

Вторым (а по актуальности, скорее, первым) был вопрос о Пустоте. Почему Она, коль скоро материальные Вселенные так Ей досаждают, вообще допускает их появление? Почему не пресекает инициативы Творца в зародыше? Не может? Сомнительно. Вселенная творится далеко не мгновенно, и времени, требующегося для ее создания, более чем достаточно, чтобы сформировать хоть пару десятков Иерархов, с которыми, наверное, даже Творец не справится. Тогда, может быть, *не хочет*? Мысль эта отдавала крамолой, и первым побуждением Рагнара было отогнать ее прочь. Но что-то помешало ему. Каким-то незаметным крючком мысль эта уцепилась за его сознание, не позволяя от нее избавиться.

Ведь если Пустота действительно не хочет препятствовать Творцу в созидательной деятельности, а предпочитает разрушать и поглощать уже готовые его творения, возможно, это в Ее интересах. Ведь Рагнар сам почувствовал терзающий Ее жуткий голод. А чем его утешать, коль скоро материальное в Ней отсутствует как класс? Только вот такими порождениями якобы противостоящей Ей силы.

Простота и ужас этой мысли едва не приморозили Рагнара к месту. Если он прав, значит, у Творца с Пустотой существует некий симбиоз, нарушать который не хочет ни одна сторона. Тогда выходит, что создав Вселенную и вдоволь с ней наигравшись, Он просто отходит в сторону, бросая тех, кто помогал Ему в создании, на произвол судьбы. Пусть сами баракта-

ются, пытаясь отстоять право своего дома на существование! Не получится – Пустота утолит свой голод. А получится – честь им и хвала, хотя вероятность этого невелика: нет в Пустоте такой материальной Вселенной, о которую бы Она могла сломать зубы. Но даже если допустить невозможное, проблема решается. Он ведь всегда может создать другую Вселенную, послабее, Ей на пропитание.

Вот только зачем же тогда Создатель отправил Рагнара с Нитью Творения к Антагару, если все равно планировал скормить свое детище Пустоте? Или не планировал? Может быть, Он на полном серьезе пытается сотворить Вселенную, неуязвимую для Нее, просто пока не получается? Пусть даже Она позволяет Ему творить, чтобы было что пожирать, но это вовсе не значит, что Творец в курсе Ее планов! А если даже в курсе, не факт, что Он с ними согласен.

Все эти мысли вызвали в мозгу Рагнара полный сумбур, что несколько ослабило концентрацию его внимания. В противном случае он бы гораздо раньше заметил происходящие угрожающие изменения. А так он их обнаружил, лишь приблизившись на критическое расстояние.

Нить Творения обрывалась! И виновницей этого была гигантская черная «амеба» Иерарха Пустоты. Оборвать Нить было не так-то просто, ибо текущая по ней чистая энергия Творения, в отличие от созданных с ее помощью материальных объектов, в пищу порождениям Пустоты не годилась. Более того – она была для них опасна. Неизвестно, каким образом твари удалось нарушить целостность энергоинформационного канала, но печальный факт был налицо: между двумя участками золотистой светящейся линии зияла широкая полоса черного ничто. Однако из-за отсутствия в Пустоте силы тяжести и особой природы самой Нити никаких явных признаков нарушения ее целостности вдали от места обрыва заметно не было.

Вот почему Рагнар ничего не почувствовал и продолжал спокойно двигаться вдоль энергоинформационного канала, туда, где Демиурга ждал в засаде Иерарх Пустоты. А другой такой же монстр следовал за ним на некотором отдалении, чтобы, в случае надобности, отрезать Рагнару путь к бегству.

Им это удалось в полной мере. Первый *почувствовал* двух смертельных врагов, лишь *увидев* оборванную Нить, то есть слишком поздно, чтобы уклониться от боя. А как насчет выжить? По прикидкам Рагнара выходило примерно один к двадцати. Не так плохо, учитывая обстоятельства. Причем, единица эта возникала лишь в том случае, если ему удастся вовремя выйти из схватки и оторваться от преследования. Мозг Демиурга работал на полную катушку, просчитывая варианты. Тихий, умирающий свет Нити Творения не давал возможности видеть Иерархов, но сверхчувственное зрение определяло их положение в пространстве с достаточной точностью. Две жуткие громады, являвшие собой квинтэссенцию чистой смерти и разрушения, двигались медленно, даже вальяжно, пребывая, по-видимому, в полной уверенности, что добыча никуда от них уже не уйдет.

Что же, нужно попытаться доказать им, что они ошибаются. И насчет «добычи», и насчет «не уйдет». Одолеть их в прямом силовом противостоянии нет никакой надежды. Значит, придется действовать хитрее и быстрее. Внутри Демиурга поднялась клокочущая волна ненависти к этим пожирателям миров. Он слегка придержал ее – сейчас требовались холодная голова и точный расчет. Рагнар резко прынул вперед, сокращая дистанцию с тварью, оборвавшей Нить. Иерарх, находившийся сзади, отреагировал на этот маневр с некоторым запозданием, что на ничтожно малый отрезок времени оставило Демиурга один на один с передним врагом.

Краткий обмен энергетическими ударами продемонстрировал превосходство порождения Пустоты: Рагнару сделалось плохо. Правда, волна целительной энергии, пришедшая изнутри, поправила ситуацию. Вопрос, надолго ли? Самое время припомнить инструкции Творца по поводу встреч с Иерархами. Первое: ни в коем случае не ввязываться в бой... Так, это уже неактуально. Второе: двигаться быстрее, чтобы не позволить им поймать себя в «тиски истощения», ибо если у них это получится – пищи пропало! Высосут всю Силу, как магиче-

скую, так и жизненную, и либо отбросят прочь пустую и высушенную оболочку, либо, что еще хуже, заполнят ее собой, чтобы затем явиться в ней в пределы материальной Вселенной.

И Демиург стал двигаться: стремительные, непредсказуемые рывки и жалящие удары. От «тисков истощения» пока удавалось уворачиваться, а смертоносные энергетические волны частично блокировать. Дела, однако, все равно развивались не лучшим образом: обойти переднего Иерарха, чтобы устремиться в прорыв, пока не удавалось, а выигранное за счет решительного маневра время подходило к концу. Второй враг уже приблизился почти вплотную, и с его стороны тоже стали прилетать энергетические атаки. Еще немного – и уклоняться от «тисков» станет в высшей степени проблематично... Вот сзади нахлынула «волна смерти», лишь чуть-чуть пригашенная защитным экраном Демиурга. Ох, как плохо! Плоть Рагнара балансировала на грани гибели, пока внутренняя Сила исцеления отчаянно боролась с губительными последствиями «волны», и на несколько секунд Демиург оказался почти беспомощным и неспособным к перемещению.

Иххватило, чтобы сомкнулись «тиски». Это была даже не боль. Просто чувство, словно умирает каждая клеточка твоего тела, и ты все это чувствуешь. Сила начала покидать его, поглощаемая мощным арканом Иерархов, а мрак вокруг стал даже осязаемым, пытаясь проникнуть внутрь тела Рагнара. Еще чуть-чуть – и у него это получится.

Идея родилась внезапно, вспышкой надежды разорвав холодную мглу обреченности, заполняющую душу Первого: Нить – вот путь к спасению! Ведь чистая энергия Творения предельно антагонистична монстрам, представляющих собой абсолютную гибель. И Рагнар исторг из себя Нить – всю, что успел поглотить на обратном пути. Ослепительный клинок света вспорол бездонный мрак Пустоты и псевдоплоть переднего Иерарха. Демиург едва не оглох от телепатического вопля боли, испущенного чудовищем. Хватка «тисков» ослабла, и тогда пришло время для ненависти. Можно даже сказать **НЕНАВИСТИ** – настолько сильной она была. Вот откуда могли брать Первые дополнительную энергию – из собственных эмоций! Волна уничтожения хлынула из Рагнара бурным потоком и обрушилась на второго Иерарха, стремясь сжечь, уничтожить самую его сущность.

И ведь это почти получилось! Исчадие Пустоты энергетически закрылось и отплыло в сторону, изо всех сил борясь за свою жизнь. Желание добить хоть кого-то из двух раненых врагов Рагнар подавил в зародыше. Во-первых, еще одного подобного залпа от его эмоциональной «батареи» ждать не приходилось. А во-вторых, теперь он свободен! И это важнее. Решение было единственно возможным и правильным, а потому Демиург последовал ему незамедлительно – рванул прочь, в Пустоту, на максимально возможной скорости, с каждой секундой все увеличивая расстояние между собой и двумя лихорадочно восстанавливающимися преследователями.

Он мчался в беспредельной тьме, стараясь, впрочем, держать остаток Нити Творения в зоне сверхчувственного восприятия – ведь она была единственным ориентиром, способным помочь ему добраться домой, в свою Вселенную. Путь еще предстоял очень долгий.

Почти идеальный план

Внутренний обод.

Форс осторожно кашлянул, пытаясь привлечь внимание главы Конклава. Влодмир поднял голову и вперил в начальника своей охраны вопросительный взгляд.

– Высокий престол, к вам властительница Диллина. Утверждает, что у нее очень срочное и важное дело.

Губы престола сложились таким образом, что стали представлять собой тонкую волнистую линию. Начальник охраны Влодмира, за долгие годы служения поднаторевший в расшифровке его мимики, определил данное выражение лица как изрядное неудовольствие. И не ошибся: престол в настоящее время пребывал в крайне дурном расположении духа, причем, вполне обоснованно. Буквально только что был потерян пятый Осколок из девяти. Погиб уже второй из семи форсов Тайной Стражи, отряженных оберегать хранителей частей Ключа. Еще один лишился материального тела и сейчас создавал новое. Утрачены три «расщепителя». И, наконец, форс Терон, занимавшийся делом Осколков автономно, бесследно исчез. Поиски предателя никак не продвинулись, а Э-маг пока тоже оставался неуловим, несмотря на то, что время от времени давал о себе знать мощными всплесками своей Силы, уровень которых неуклонно повышался. В общем, было от чего сделаться мрачным и вспыльчивым. И какого, спрашивается, крига, эти властители взяли моду лезть со своими мелкими проблемами непременно на самый верх?! Свое недоумение и раздражение Влодмир не замедлил воплотить в процеженный сквозь зубы вопрос:

– Значит, настолько важное и срочное, что с ним не могли разобраться даже доминаторы Конклава?

Но холодный и язвительный тон престола не смутил форса.

– Настолько, что она настаивает на встрече лично с вами.

– Настаивает, значит? – приподнял брови Влодмир. – И у нее есть на то основания?

– Она просила сообщить вам, что дело связано с Э-магом.

Глаза престола полыхнули зарницами.

– Немедленно впустите ее и позаботьтесь, чтобы нам никто не мешал!

Форс молча поклонился и вышел. Вместо него в кабинете появилась Диллина и сразу же стала на одно колено, опустив глаза – так у Вторых принято было приветствовать руководителя, чье положение выше на три или более ступени иерархии. Однако престол нетерпеливым жестом предложил ей подняться.

– Надеюсь, у вас действительно важные новости, властительница. У меня не так много времени.

– Тогда, с вашего позволения, я сразу к делу. Недавно состоялось большое магическое сражение в Базовом мире в районе Луксора.

– Скажите мне что-нибудь, чего я не знаю, – бросил Влодмир нетерпеливо. – На месте сражения вскоре по его окончании побывала мобильная группа Конклава. Так что, если у вас все...

– Отнюдь, высокий престол, отнюдь. Вашей мобильной группе, вероятно, стало известно лишь то, что можно было установить с помощью анализа остаточного магического возмущения и спектра энергетики в том месте.

– А вы, значит, можете предложить что-то еще?

– Именно. У меня есть свидетель, видевший битву воочию. Полагаю, некоторые подробности были бы вам небезынтересны.

– Вот как? – на лице Влодмира не дрогнул ни один мускул, только руки чуть сильнее сжали подлокотники кресла. – И кто этот свидетель?

– Смотрящий, высокий престол. Когда начались мощные магические всплески, он был неподалеку и решил проверить, в чем дело. Как вы понимаете, от его вмешательства в бой толку бы не было. А так у нас есть полная картина произошедшего.

– Любопытно, – проронил Влодмир. – Послушаем.

– Итак, в первом этапе сражения приняли участие четыре кромешника высокого уровня (предположительно – харры), криганка высшей касты, которая им помогала, принцип и форс с «расщепителем».

– Насчет криганки вы уверены?

– Вполне, высокий престол. Смотрящие великолепно умеют анализировать ауры.

– Что же, криги в своем репертуаре, – Влодмир с немалым усилием проглотил просящуюся на язык порцию проклятий в адрес темных Вторых. – Дальше.

– Принцип, насколько я понимаю, был хранителем Осколка. По крайней мере, описанный смотрящим спектр излучения не может соответствовать ничему другому.

Лицо Влодмира окаменело.

– Вы, надеюсь, понимаете, что данная информация принадлежит к высшей категории секретности?

– Разумеется, – кивнула Диллина. – Именно поэтому я просила встречи лично с вами.

На это престол ответил лишь едва заметной улыбкой и жестом попросил ее продолжать.

– Принцип, по-видимому, хранил Осколок внутри своего тела. Мне это показалось невероятным, и я дважды переспрашивала смотрящего. Он утверждает, что когда хранитель и форс проиграли бой, криганка извлекла Осколок из его груди.

Тут Влодмир слегка скрипнул зубами, но перебивать Диллину не стал.

– Ну а на втором этапе боя подоспела более чем странная компания – Э-маг, а с ним еще две криганки. Одна из них не представляла из себя ничего особенного – ламия или дива, не больше, зато вторая – куда более интересный персонаж. Она, как и та, что помогала кромешникам, по всем признакам принадлежала к касте архов, но вот аура у нее была какая-то необычная. Более того, смотрящий утверждает, что в бою она применяла Э-магию. Но тут он, возможно, что-то напутал – ведь ни один из Вторых такой Силой обладать не может.

Тут Диллина подняла глаза на престола, ища подтверждение своему предположению, но неожиданно увидела след угасающей молниевый вспышки в его взгляде. Влодмиру слишком хорошо помнилась та скоротечная схватка в Базовом мире, когда полный состав Конклава охотился за Игорем Логиновым, и неизвестная криганка пыталась их отвлечь, нанеся Э-магический удар. Не могло быть ни малейших сомнений, что она и участница битвы при Луксоре, о которой рассказывала Диллина – одно и то же лицо. Более того – у Влодмира даже имелись кое-какие догадки на тему того, каким образом криганка могла стать обладательницей несвойственной Вторым Силы. Впрочем, для властительницы вся эта информация была сугубо лишней.

Заметив, что Диллина пребывает в молчаливом замешательстве, глава Конклава подбодрил ее:

– Ну же, я вас внимательно слушаю!

– Бой, в общем, развивался не слишком успешно для Э-мага и компании, хотя высшая криганка с противной стороны в бою практически не участвовала, занимаясь извлечением Осколка из груди принципа. Кромешники уже почти взяли верх, когда низшая из двух сопровождавших Э-мага темных Вторых сумела подобрать «расщепитель» форса и выстрелила в одного из харров. Те в ответ буквально смели обеих криганок силовым ударом, но тут с Э-магом что-то произошло. Он будто обрел второе дыхание – и раненому «расщепителем» харру пришел конец. Да и остальным досталось.

– Так, значит, одним меньше, – как бы про себя отметил Влодмир. – Несколько лучше, чем я ожидал. И что же дальше?

– Уцелевшие харры и помогавшая им криганка ретировались, причем, последняя в результате удара Э-мага выронила Осколок.

Впервые за время разговора самообладание явно изменило престолу: его глаза сначала яростно вспыхнули, а затем словно рентгеном пронзили властительницу.

– То есть вы хотите сказать, – медленно проговорил он, – что Осколок в результате достался Э-магу?

– Да, высокий престол.

– Что же, это несколько меняет дело, – произнес он задумчиво. – Спасибо за ценную информацию, властительница. Можете не сомневаться, ваши заслуги будут должным образом отмечены.

– С вашего позволения, высокий престол, у меня еще не все.

– Вот как? Я весь – внимание!

– Как вам, быть может, известно, я контролирую европейско-средиземноморский контингент светлых Вторых в Базовом мире. А с ним, разумеется, и всех смотрящих этого региона. Так вот, едва получив доклад, только что предоставленный вашему вниманию, я взяла на себя смелость распространить среди своего контингента описание спектра излучения Осколка, разумеется, не уточняя, что это такое. Я подумала, что коль скоро часть Ключа покинула специальное экранированное хранилище и не досталось кромешникам, которые тоже грамотно маскируют свою добычу, ее можно будет запеленговать. На небольшом, разумеется, расстоянии. Мой штат достаточно многочисленный, что позволяло мне рассчитывать на успех. Всем было дано указание, в случае обнаружения объекта с описанными параметрами, ничего не предпринимать, а вести скрытное наблюдение, предварительно доложив мне. В случае, если через некоторое время результатов так и не будет, я планировала расширить зону поиска, подключив властителей, курирующих другие регионы Базового мира.

– И?.. – Влодмир затаил дыхание, боясь поверить в свою удачу.

– Нашли! – едва сдерживая так и рвущуюся наружу гордость, произнесла Диллина. – Э-маг, его криганские спутницы и Осколок в данный момент находятся в Норвегии на берегу Тронхеймс-фиорда, в окрестностях Риссы.

* * *

Перед Влодмиром в полный рост встала проблема выбора. Как действовать? Вновь собрать Конклав и отправиться в Норвегию в полном составе? С точки зрения результата так было разумнее и надежнее – все-таки, гарантированный перевес в силах. Но зато, учитывая весьма высокую вероятность присутствия предателя в высшем правящем совете, возникал риск, что Э-мага успеют предупредить. Снова. А ведь шанс поймать Логинова и заодно получить Осколок выдался просто редкостный. Такими не разбрасываются. Вот если бы еще этот провал позволил однозначно вычислить изменника, игра бы, пожалуй, стоила свеч. Но ведь не позволит! Единственный вывод, который можно будет сделать в данном случае – что вражеский осведомитель точно в Конклаве, а это и без того почти очевидно.

Вторым вариантом было нагрянуть в Норвегию лично в сопровождении отряда форсов и, может быть, парочки доминаторов, преданных ему лично. Причем, никого из своего эскорта в детали операции не посвящать – ни куда, ни зачем. Тут утечки информации можно не опасаться, зато есть риск не суметь сдержать Логинова. Как-никак, вспышка, которую он выдал в битве с кромешниками при Луксоре, была, ни много, ни мало, третьего уровня, а это уже не шутки. Да и та из криганок, что владеет Э-магией, – тоже не подарок.

Существовал, конечно, и третий вариант, хотя у Влодмира он вызывал инстинктивное отторжение. А именно – убийство Логинова. Не хотелось бы, конечно, уподобляться фанатикам из Святого Ордена, но в чрезвычайных обстоятельствах и данный метод решения про-

блемы вниманием обходить не следует. Итак, плюсы и минусы. Конечно, Э-маг, да еще такой силы на стороне светлых Вторых не помешает, но, если откровенно, велика ли такая вероятность, учитывая, что рядом с ним уже почти два земных года находится одна криганка, а теперь еще и вторая добавилась? Теоретически, можно подавить его Силу и попробовать затем произвести корректировку сознания, но не факт, что это получится. Корректировка сознания столь мощного Э-мага – задача как минимум для Демиурга, если она вообще выполнима. А что может получиться у Вторых, даже если вести речь об элите? Либо почти бесполезный зомби, способный выполнять лишь прямые команды и утративший значительную часть своего потенциала, либо раб, готовый в любой момент напасть на своего господина и нуждающийся в неусыпном контроле.

Превосходным средством давления на Э-мага могла бы стать его семья. Но увы... Тут Конклав допустил ошибку, решив просто понаблюдать за родственниками в надежде, что Э-маг захочет повидаться с близкими, и там его можно будет взять. А теперь поздно: вся его семья недавно исчезла при таинственных обстоятельствах. Остались только трое бесчувственных смотрящих, вырубленных оглушающими импульсами. Криги постарались или кто-то еще? В любом случае, сейчас шансов силой или уговорами переманить Э-мага на свою сторону почти нет.

А есть ли тогда смысл оставлять его в живых? Конечно, пока в эпопее с Осколками он выступил против кромешников, но это «пока» очень беспокоит – ведь Э-маги так непредсказуемы! А тут еще эти две криганки рядом с ним... И потом, кто знает, с какой целью Логинов забрал у харров Осколок?

Сейчас, конечно, в высшем свете Внутреннего обода даже модно ругать Святой Орден за экстремизм, но так ли уж неправы инквизиторы, радикально решающие подобные вопросы? Как ни противно это признавать, но в их действиях, похоже, есть рациональное зерно. По зрелому размышлению, со всех сторон будет лучше, если Э-маг и эта аномальная криганка, повсюду его сопровождающая, вдруг исчезнут.

Все это, конечно, хорошо, но как быть с посмертной волной? Если вспомнить последний успешный теракт Ордена против Э-мага... Да уж, катастрофа получилась знатная! Хорошо хоть эпицентр ее располагался в достаточно безлюдной местности. А ведь тот Э-маг по силе с Логиновым и рядом не стоял. К тому же, тут их двое... Влодмир специальным заклятием визуализировал в воздухе перед собой магическую карту указанной области Базового мира. Что же, могло быть и хуже. Много хуже. Можно даже считать, что повезло: место там не очень плотно населенное. Да и гор вокруг много, а такой рельеф будет неизбежно гасить волну. Все равно, конечно, гарантированная зона поражения получится радиусом не менее двухсот километров. Из более или менее крупных городов в нее попадает только Тронхейм, но непосредственно этот город, в конце концов, можно прикрыть. Он сам, Диллина, отряд форсов численностью не менее десятка, два-три доминатора... Короче вся та команда, которую Влодмир планировал собрать для действий по второму варианту. Их Силы вполне хватит, чтобы экранировать Тронхейм – все-таки в 27 километрах от эпицентра посмертная волна уже не будет столь страшна. А Рисса и другие населенные пункты в радиусе поражения... Что же, они – неизбежные жертвы.

Так, с этим более или менее ясно, а что с самими исполнителями? Им-то не выжить, как ни старайся. Но, в конце концов, всегда можно подобрать тех, кого не жалко. Например, фанатиков Ордена или банального киллера со снайперской винтовкой... А еще лучше двух, чтобы Логинова и криганку убрали одновременно. Только проинструктировать их чтобы стреляли непременно в голову. Даже доплатить, если потребуется – дескать, особая причуда заказчика. Реально? Вполне! Причем, никаких следов, так как оба киллера – гарантированные трупы. А дальше все еще проще. Когда схлынет посмертная волна, переместиться в эпицентр, забрать Осколок – и дело сделано. А неизбежные потери среди населения Базового мира всегда можно свалить на Святой Орден. Экстремисты – что с них взять?

В таких случаях к Влодмиру обычно приходило чувство вполне естественной гордости за столь совершенный план действий, но на сей раз ему что-то мешало. Какой-то странный неприятный осадок. И с чего бы? Да, погибнут люди, но ведь тут принцип меньшего зла в чистом виде. Понятно же: если оставить Логинова в живых, это может привести к гораздо большему числу жертв. Влодмир передернул плечами, словно стряхивая оставшиеся сомнения. Криг с ней, с гордостью! Главное, чтобы план сработал.

Глава Конклава телепатически связался с начальником своей охраны:

«Тиннар, пригласи ко мне еще раз властительницу Диллину».

Когда та вошла, Влодмир на сей раз не стал ее останавливать, терпеливо просмотрев полный вариант церемониального приветствия, и только потом мягко произнес:

– Властительница, вам не кажется, что вы вполне созрели для повышения по касте?

Диллина от избытка эмоций едва снова не бухнулась на колени, но на сей раз глава Конклава удержал ее резким жестом.

– Высокий престол, я... Это великая честь... Вы... предлагаете мне стать форсом?

– А как насчет доминатора?

Несколько секунд Влодмир наслаждался произведенным эффектом, а затем, видя, что в обморок Диллина падать не собирается, продолжил:

– Не секрет, что численность этой касты за последнее время несколько сократилась, в результате чего имеется определенный избыток свободно витающей Силы, а также есть пустующие особняки. Все это могло бы стать вашим.

– Что нужно сделать, высокий престол?

– Всего лишь выполнить одно мое деликатное поручение. Вы готовы?

– Конечно, высокий престол!

– Тогда слушайте меня внимательно.

Тревога

Аляска. Побережье залива Принс-Уильям в 180 километрах восточнее Анкориджа. 27 марта 1964 года

Холодный северо-восточный ветер обогнул нависшую над побережьем величественной громадой гору Маркус-Бейкер и с явным облегчением скатился с перевала вниз, в и без того беспокойные воды залива Принс-Уильям, заставив волны хмуриться гневными барашками пены.

Майклу Норрингтону не спалось. И причиной бессонницы был отнюдь не ветер. Нет, такая погода ему даже нравилась, особенно когда не приходилось ее дополнительно портить сбросом отрицательной энергии. Сегодня он как раз был ни при чем. Виновата была исключительно сама Аляска, которая нечасто баловала свое население погодными улыбками и добрым нравом. Может быть, поэтому желающих пустить здесь корни было не слишком много. Но это ее (Аляску), похоже, совсем не огорчало. Она как будто чувствовала, что ждать от людей чего-то хорошего глупо, и как могла защищала свои богатства от алчного и безжалостного к природе человечества. Майкл в этом был с ней вполне солидарен. Назвать его мизантропом, правда, было нельзя, но в отношениях с людьми он придерживался принципа необходимого минимализма. Слишком мало до сих пор те давали ему поводов любить себя. Поэтому домик на отшибе в столь глухом месте стал для него оптимальным решением.

Майкл выглянул в окно и поежился. В доме не было холодно, но если бы и было, для такого, как он, это не представляло бы ни малейшей проблемы. Дело не в холоде, не в ветре... Тогда в чем? Что заставляет его чувствовать себя столь неудобно? Тревога? С чего бы вдруг? Последнее время жизнь Майкла в этом захолустье протекала спокойно и размеренно. Что тут, в самом деле, могло ему угрожать? Дикие звери? Да, в окрестностях залива их хватало: гризли, волки, рыси, россомахи. Но последние три вида сами старались избегать человека – народ на Аляске суровый и шуток не любит, а те, что живут за пределами немногочисленных городов, практически не расстаются с ружьями. Что же до самого крупного хищника, то единственный медведь, обитающий в этом районе, однажды уже имел несчастье получить волну немочи высокой интенсивности и больше к домику Норрингтона не совался. Зверей Майкл не убивал принципиально – ни Э-магией, ни ружьем. Последнее у него имелось, но, правда, больше для вида, чтобы у местных лишних вопросов не возникало. К чему убивать, если он мог даже агрессивно настроенного хищника обратить в бегство или лишить его всякого желания и возможности нападать?

А вообще, к животным Норрингтон относился куда лучше, чем к двуногим собратам по биологическому виду, на что имел веские причины. Нет в мире более опасной, лживой и вероломной твари, чем человек разумный – за сорок с лишним лет своей жизни Майкл успел уже в этом убедиться неоднократно. Строго говоря, в споре за весьма нелестное первенство в вышеозначенной номинации у *homo sapiens*, все же, имелся сильный конкурент – крошечники. Вот только встречались они куда как реже, а в столь безлюдной местности и вовсе не появлялись: пустотные создания предпочитали места, где пища (то есть, человек) водилась в изобилии. А Норрингтон даже в ближайшем Уитиере, чье население и до двух сотен не дотягивало, появлялся не чаще раза в неделю, не говоря уже о куда более крупном Анкоридже, который удостаивался его посещения от силы дважды в год. Что же до большого мира, то Майкл уж и забыл, когда в последний раз туда выбирался. В общем, шансов встретить крошечника у него было не слишком много.

Другие угрозы? А какие? Конечно, в Уитиере и окрестности порой забредали всякие типы, с иными из которых лучше бы не встречаться на узкой дорожке. Но то обычному человеку. У Э-мага же достало бы силы, чтобы успокоить любого бандита, в том числе и навсегда. Впрочем,

пуля в голову есть пуля в голову, даже для такого, как он. И хотя Норрингтон старался не убивать даже из самообороны, однажды пришлось. Четыре года назад троим беглым заключенным весьма приглянулся его джип и дом в качестве убежища. Самого же Майкла они рассматривали как досадную помеху, от которой решили избавиться самым радикальным образом. Не вышло. Все трое нашли себе вечное пристанище в неприветливых серых водах залива Принс-Уильям, а привязанные к их ногам тяжелые камни стали гарантией сохранения тайны.

В общем, любить людей Норрингтону было особенно не за что, но и бояться незачем. За одним исключением, имя которому – Святой Орден. Именно члены этой организации стали главной причиной того, что Майкл избрал стезю добровольного отшельника. Именно они, декларирующие защиту человечества от всевозможных врагов, стали в глазах Норрингтона, тогда еще юного Э-мага, воплощением всего самого худшего в людской натуре.

* * *

Ему повезло родиться в маленьком городке – Роквилле, штат Индиана. Повезло, потому что в более крупном населенном пункте факт рождения Э-мага ни за что не ускользнул бы от внимания смотрящих или, что гораздо хуже, адептов и инквизиторов Святого Ордена, которые прочесывали роддома страны частым гребнем в поисках младенцев с паранормальными способностями. Впрочем, найди его смотрящие, жизнь Майкла наверняка оказалась бы куда спокойнее и счастливее, чем сейчас, ибо его необычный дар был бы просто заблокирован. От Ордена же не приходилось ожидать ничего, кроме смерти. Но вышло так, как вышло, потому что он появился на свет в семье врача, который просто не повез его в роддом. А выброс положительной энергии, который всегда происходит при рождении Э-мага, к счастью, оказался недостаточно силен, чтобы его можно было засечь со значительного расстояния. Выброса этого, впрочем, хватило, чтобы вылечить у проживающей с ними матери отца застарелый артрит, хотя причина сего чудесного исцеления тогда осталась тайной для семьи Норрингтонов.

Майкл рос спокойным мальчиком и эмоции проявлял довольно редко и скупно. Единственный раз слезы на его глазах родители увидели в шесть лет, когда грузовик переехал его любимого пса Бада. Самого момента наезда Майкл не видел, к счастью для водителя грузовика, иначе бы ему не поздоровилось. А так только скамейка по непонятным причинам пополам треснула, да тяжеленная урна опрокинулась. Случались, конечно, и другие спонтанные эмоциональные выбросы, но их воздействие либо оставалось незамеченным окружающими, либо просто приписывалось какому-то необъяснимому явлению природы.

Но когда Майклу исполнилось десять лет, для его родителей тайное стало явным. Это произошло, когда доктор Норрингтон, отец мальчика, упал с лестницы и сломал ногу. Майкл всего пять минут посидел рядом – и перелома как не бывало! К тому моменту он уже применял свою Силу вполне осознанно, хотя и не знал всех ее принципов. Одно ему было известно абсолютно точно: его гнев, страх и боль воплощаются во зло, а любовь, радость и удовольствие – в самое целительное и благотворное воздействие. И в момент исцеления доктора Норрингтона припомнились родителям многочисленные странные совпадения, связанные с сыном, в том числе и загадочная история в школе, когда двое старшеклассников, промышлявшие отбором карманных денег у младших, неожиданно оказались в больнице в состоянии достаточно тяжелом, хоть и не угрожавшем их жизни. А случилось это в тот самый день, когда они решили избрать своей целью юного Майкла. Полученные ими повреждения были таковы, что нанести их ногами или кулаками было абсолютно невозможно, поэтому к Майклу претензий не было. Правда, смотреть на него с тех пор все стали с опаской, стараясь лишний раз не связываться и даже не общаться.

Кто знает, как повернулось бы дело, не будь отец Майкла врачом. В один прекрасный день, убедившись, что ему не кажется, и сын действительно может лечить, он решил тайком

испробовать его необычный талант на одном из своих пациентов, которого почти уже списал в безнадежные. Принципа действия Силы Майкла доктор Норрингтон не знал, но догадывался, что она как-то связана с эмоциями. Поэтому, в качестве подготовительной фазы, он рассказал Майклу сочиненную на ходу душещипательную историю об этом человеке, чтобы пробудить к нему жалость и расположение. Результат превзошел все ожидания – полное исцеление!

Эдвард Норрингтон был хорошим врачом и к профессии своей относился в высшей степени серьезно. Вот и исцеления с помощью Майкла он решил поставить на поток, не подзревая, что тем самым оказывает всей своей семье, мягко говоря, медвежью услугу. Слухи о подобных делах разносятся быстро и, хотя большинство людей им не верило, но рано или поздно информация эта должна была дойти до ушей, которым ее слышать совсем бы не следовало.

Гром грянул, когда Майклу стукнуло тринадцать, примерно через неделю после дня рождения. Началось с того, что его попытались похитить из школы. Попытка полностью провалилась. В результате сильно пострадал инквизитор Святого Ордена, а машина его превратилась в груды покоренного металла. Но его соратники не успокоились. Через неделю, когда мальчик отправился в школу, орденцы нагрянули к нему домой, подчинили волю его родителей и заставили их дать сыну сильное снотворное. Они рассчитывали вывезти его в безлюдное место и там убить.

Вот только опыта в подобных делах инквизиторам не хватило: не так уж часто Э-маги проскальзывают сквозь мелкие ячейки поисковой сети смотрящих. С дозировкой снотворного орденцы ошиблись, и мальчик пришел в себя раньше, чем планировалось. Для двоих похитителей это закончилось фатально. В ответ разъяренные инквизиторы убили родителей Майкла и сожгли его дом.

Внезапно ставший объектом охоты, лишившийся дома и семьи, Майкл пребывал в отчаянии. Первым его побуждением было отправиться к своему дяде в Индианаполис, но, к счастью, он вовремя одумался: смерть следовала за ним по пятам и словно чума поражала всех его близких. Подставлять еще и дядю Роджера он не имел ни малейшего желания. В мальчишке боролись два стремления – отомстить убийцам его семьи и сбежать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы даже самая чуткая ищейка Святого Ордена не смогла его там отыскать. Второе постепенно одолевало, а окончательное решение помогла принять сама судьба, явившаяся в облике одного из бывших «пациентов» Майкла.

Звали спасителя Дональд Рассел, и до встречи с юным Э-магом он страдал тяжелой сердечной недостаточностью. Рассел возвращался домой из другого города, когда обнаружил полумертвого от усталости и переживаний мальчика, шагавшего куда глаза глядят по обочине шоссе. Естественно, он сразу же узнал его и мгновенно понял: случилось что-то ужасное. При тормозив рядом, он начал расспрашивать Майкла, и тот, слегка поколебавшись, рассказал ему свою историю. Не всю, разумеется, ибо во всю этот предельно рациональный человек и не поверил бы. Какие-то люди пришли к ним, убили отца, мать и бабушку, а сам он едва успел сбежать из занимавшегося пламенем дома – вот и все, что услышал от него Дональд Рассел.

Будучи от природы человеком чутким и, к тому же, испытывая к юному Э-магу немалую признательность, он проникся бедой мальчика и решил ему помочь. На свою беду, как выяснилось позже. Надо сказать, что риэлтор – профессия довольно прибыльная, особенно, в США. А кроме того, она имеет ряд существенных преимуществ, одним из которых является доступ к целому ряду пустующих домов. В данном случае важнейшим был именно этот фактор. В одном из таких домов Дональд и поселил Майкла. Там он и жил, стараясь не светиться перед соседями и прячась всякий раз, когда Рассел приводил своих клиентов осматривать дом, о чем он заблаговременно предупреждал мальчика телефонным звонком. Так Майкл привык вести скрытный образ жизни, что его в дальнейшем не раз выручало. Каждый день Рассел или его жена привозили мальчику еду. Они и одежду ему подобрали из вещей своих сыновей.

Конечно, дома время от времени продавались, в результате чего Майклу приходилось менять место жительства, но для него это не представляло ни малейшей проблемы: нищему собраться – только подпоясаться. Вещей он держал самый минимум, а потому был легок на подъем.

Даром есть свой хлеб юный Э-маг не хотел, а поскольку зарабатывать своим особым талантом было для него чревато смертельной опасностью, попросил Рассела подобрать ему какую-нибудь работу. В конце концов, он устроился помощником автомеханика в автосервисе. Его новый покровитель даже пошел на то, чтобы выправить ему липовые документы. Теперь Майкла звали Эдвард Грин. Руки у него росли откуда надо, схватывал он на лету, повышенной леностью не отличался, так что на работе его быстро зауважали.

Спокойная жизнь продолжалась два года, а прервалась как-то резко и вдруг. Святой Орден – не та организация, которая оставляет незавершенные дела. Не сумев найти юного Э-мага по горячим следам, они принялись методично шерстить его знакомства, пусть даже самые случайные и мимолетные. Начали, разумеется, с его дяди в Индианаполисе и пошли дальше, постепенно расширяя круг поисков. А занявшись, наконец, пациентами его отца, в один далеко не прекрасный день добрались и до Рассела.

Инквизиторы действовали по привычной схеме: подавив волю риэлтора, заставили сказать, где скрывается его подопечный, а потом забыть об этой встрече. Покушение подготовили грамотно: мощное взрывное устройство установили так, чтобы оно сработало, когда Майкл откроет дверь. Даже Э-маг не должен выжить после такого. Этот метод позволял самим убийцам остаться вне поля действия посмертной волны. А так как временное обиталище Майкла находилось на отшибе, особо большого количества жертв не ожидалось.

Однако всего не предусмотреть, и в тщательно разработанный план вмешалась случайность. Ничего не помня о встрече с инквизиторами, а следовательно, не подозревая подвоха, Дональд Рассел приехал с очередными клиентами осматривать дом в то время, когда Майкл был на работе, и открыл дверь...

Э-маг сразу понял, чьих рук это дело, да вот только сделать ничего не мог: враг был многолик и неуловим. Позвонив безутешной вдове Дональда, Майкл предупредил ее о своем срочном отъезде и попросил быть очень осторожной. Ни на какие вопросы несчастной женщины он отвечать не стал и вновь пустился в бега.

С тех пор жизнь немало помотала Майкла по городам и весям. Теперь он уже старался не сближаться с людьми, чтобы не навлечь на них несчастья. Впрочем, они и не вызвали в нем желания узнать их поближе. Таких людей, как его родители или чета Расселов ему больше встретить не довелось. И если к своим преследователям из Ордена Э-маг испытывал искреннюю и глубокую ненависть, то отношение ко всему остальному человечеству постепенно скатилось к границе между равнодушием и сдержанной неприязнью.

В итоге извилистый жизненный путь привел наконец Майкла Норрингтона на берега холодного залива Принс-Уильям на Аляске...

* * *

Беспокойство не унималось, а в груди появилось какое-то противное тянущее чувство. По пустякам его Э-магический сторожок никогда тревогу не поднимал, и потому возникшим предчувствиям стоило доверять. Значит, на сей раз все по-взрослому. Неужели снова Орден? Откуда они здесь? Как нашли? Ведь Э-магией Норрингтон за все годы проживания здесь пользовался крайне редко, да и то тщательно дозируя ее интенсивность. Не могли его засечь, не могли! Разве что случайно... Впрочем, жизнь никогда не давала Норрингтону поводов считать себя везунчиком. И очередным доказательством тому стало холодное дыхание угрозы, пришедшее с гор вместе с ветром.

Майкл осторожно приблизился к окну, собираясь выглянуть наружу, но в последний момент отпрянул, поежившись от внезапно нахлынувшей волны страха. Да откуда же идет опасность, черт возьми?! Невидимость угрозы нервировала его все сильнее.

А затем пришел гнев. На себя за этот самый страх. Чего он боится? Там, снаружи опасность? Орден? А хоть бы и так, что с того? Встреча с Орденом для Э-мага не обязательно означает смерть, особенно если он умеет защищаться. Майкл умел. Сколько раз он пересекался с охотящимися на него инквизиторами? Число этих встреч уже приближалось к десятку. И ничего – жив пока. А вот Орден нес потери и приличные. Однако ничто не вечно, и вполне возможно, что очередное рандеву с инквизиторами закончится для Норрингтона фатально.

И что же теперь – дрожать как мышь и забиваться в самую глубокую щель в надежде на то, что его не найдут? Но ведь Майкл уже почти так и поступил. Нашли. Однако больше бежать он не будет. Точка. Здесь его последний рубеж. И не станет он трястись в стенах своего дома, боясь нос высунуть наружу. Не дождутся.

Вот и все: решение принято, и даже на душе стало как-то легче. К черту окно – он на крыльцо выйдет! Здесь он у себя дома, и никакая шваль не заставит его превратить стены своего жилища в тюрьму. Внутри Майкла полыхнул самый настоящий вулкан ярости, и ему пришлось приложить нешуточное усилие воли, чтобы не допустить извержения. Рано. Пока рано. Вот когда источник угрозы будет определен...

Норрингтон решительно распахнул дверь и вышел на крыльцо. Тревога усилилась скачкообразно. Предчувствие непоправимой беды сжало душу ледяной хваткой. Все? Отбегался? А может быть, оно и к лучшему. Умереть на пороге своего дома все-таки предпочтительнее, чем всю жизнь скрываться. Надоело!

Майкл спустился со ступенек. Угрозой веяло откуда-то с гор. А надо бы поточнее локализовать положение врага, хотя бы с точностью до нескольких метров. Нельзя же излучать волну немочи на столь большую территорию – у него и Силы столько нет, хоть она и копится внутри с приличной скоростью. Норрингтон знал свой потолок, ибо уже дважды выходил на него во время своих смертельных пятнашек с инквизиторами. На такой подвиг его точно не хватит. Где же враг? Где?!

И тут Норрингтон, осененный неожиданной мыслью, быстро скрылся в доме, но вскоре вернулся, вооруженный мощным морским биноклем, приобретенным по случаю в Анкоридже два года назад. Направив оптический прибор в сторону горы Маркус-Бейкер, Майкл принялся методично «прочесывать» взглядом ее склоны и расположившийся у подножия лес. Внезапно он вздрогнул от ясного ощущения, что смотрит прямо на врага, но зрение этого не подтверждало. Пребывая в волнении на грани паники, Э-маг лихорадочно решал: бить сейчас, доверившись ощущениям, или, все же, попытаться найти источник угрозы визуально. Эти колебания стоили ему жизни.

Выстрел из снайперской винтовки, благодаря навинченному на ствол глушителю, не был слышен даже поблизости от местоположения стрелка. Чего уж говорить о его цели, находящейся почти в двухстах метрах! Свинцовый посланец смерти был расторопен и точен: маленькое темное пятнышко появилось между глаз Э-мага, его тело дернулось и упало ничком на крыльце собственного дома.

* * *

Довольный собой снайпер начал сноровисто спускаться со своей позиции, расположенной в нескольких метрах над землей в развилке старой сосны, даже не подозревая, что жить ему осталось всего несколько секунд. Естественно, наниматели и не подумали предупредить его о посмертной волне – Святому Ордену не нужны были свидетели. Таким образом, «зачистка» произойдет сама собой, не потребовав от заказчика никаких дополнительных усилий.

Незримая смерть с сумасшедшей скоростью стала распространяться во все стороны от эпицентра, коим стало тело павшего Э-мага. И все, что попадало в зону ее действия, мгновенно прекращало свое существование. Первым буквально в пыль рассыпался домик Майкла Норрингтона. Затем пришла очередь окрестных деревьев: более крупные разлетались в щепки, от мелких не оставалось даже их. В отличие от кругов, расходящихся по воде от места падения камня, посмертная волна распространялась сферой, и от нее не было спасения ни в воздухе, ни под землей. Птицы, звери, насекомые – все живое гибло мгновенно. Снайпера смерть настигла на четвертой секунде после выстрела. Его тело буквально разлетелось на куски, словно он проглотил гранату с выдернутой чекой. Одновременно с ним было уничтожено его оружие и сосна, с которой он стрелял.

Волна достигла залива, и он буквально вскипел, словно при ураганном ветре. Рыбы и водоросли в глубинах залива погибали. Взбесилась и атмосфера, в которую уходил верхний фронт посмертной волны, и природе пришлось с ностальгией вспомнить недавний ветер с гор. Спонтанно возникший из ничего ураган обрушился на и без того уже мертвую местность. Не находя объектов для разрушения, разъярился от этого сверх всякой меры и понесся на запад. Но куда ему было угнаться за посмертной волной! Она уже достигла окраин Уйтиера, и крепкие постройки стали рушиться, словно были сделаны из игральных карт.

Правда, волна уже выдохлась: Аляске повезло, что Э-магическая Сила Норрингтона была не особенно велика. Незримая смерть прокатилась по Уйтиеру на западе, достигла Валдиза на востоке, опустошила острова в заливе Принс-Уильям и иссякла, чему способствовали и горы, стискивающие ее с трех сторон. Порожденный ею вихрь просуществовал несколько дольше: перевалив через горы, он скатился в залив Кука и, внезапно обрушившись с моря, крепко потрепал Анкоридж, после чего тоже выдохся.

Но это, к сожалению, было еще не все. Везение в одном обернулось катастрофическим нефартом в другом. Последним свое самое громкое и страшное слово сказал нижний фронт волны, уходящий под землю и под воду. Все дело в том, что в районе залива Принс-Уильям проходила граница тектонических плит. И вот на этот-то стык и обрушился могучий удар невидимого кулака.

Реакция последовала незамедлительно, причем значительно превосходящая по силе исходный удар. Она заключалась в тектоническом сдвиге. К северу от стыка земля опустилась на три с половиной метра, а южнее – поднялась на два. Дальше вступил в дело расвирепевший океан. Волны цунами, в сравнении с которыми только что бушевавший из-за посмертной волны шторм казался теперь бурей в стакане, обрушились на побережья Аляски, Британской Колумбии, Орегона и даже северной Калифорнии. Суша тоже не осталась в стороне от разборки. Свое отношение к происходящему она выразила посредством лавин, обвалов и сильнейших снегопадов.

В общем, изрядно разозлившаяся природа оторвалась по полной. Надо сказать, во все века такое понятие, как справедливость, считалось исключительно человеческим, не имеющим к стихийным бедствиям никакого отношения. И в самом деле, неживая природа не знакома с такими чувствами, как месть, жалость или сострадание. Когда приходит время, она просто беспощадно разит всех без разбора – и правых, и виноватых, и добрых, и злых.

Но в данном случае было сделано странное исключение. Во-первых, количество жертв для столь крупного стихийного бедствия было на удивление малым – оно не превышало полутора сотен. Но в их число попал один человек, имевший к произошедшему самое непосредственное отношение.

В Джуно, расположенном в шестистах километрах от эпицентра катастрофы, инквизитор Джон Дэвенпорт чувствовал себя в полной безопасности. Именно он нанял стрелка, чья пуля оборвала жизнь Майкла Норрингтона, и теперь испытывал вполне объяснимое удовлетворение хорошо сделанной работой и выполненным долгом перед Орденом. Дэвенпорт нахо-

дился неподалеку от пристаней, когда на них обрушилась цунами, вызванная землетрясением в заливе Принс-Уильям. Часть пристаней была разрушена, и пятикилограммовый кусок бетона от одного из рухнувших строений могучая волна швырнула просто со снайперской точностью, разmozжив ему голову. Инквизитор стал единственным погибшим в столице штата Аляска.

* * *

Норвегия. Берег Тронхеймс-фьорда в окрестностях Риссы. 15 декабря 2010 года

Меня резко выбросило из чересчур уж реалистичного сна. Голову в районе верхней части переносицы терзала сильная боль, а ртом я жадно хватал воздух, вдобавок, поеживаясь от холода. Что за?.. Рвущийся наружу спонтанный эмоциональный выброс укротить было довольно трудно, но я справился – пришлось постараться. Главная причина моей особой старательности лежала рядом, а в данный момент оторвала голову от подушки и сонно осведомилась:

– Что-то случилось?

– Пока не понял. – Мой взгляд упал на ее рассыпавшиеся по плечам волнистые черные волосы, и на лицо сама собой поползла улыбка.

Но пульсирующая во лбу боль никак не унималась, и мне пришлось напустить на нее положительную волну. Снова поежился. Странно, ведь благодаря Э-магической терморегуляции, я давно успел забыть, что такое холод. Это что же – сон с последствиями? Или не сон вовсе, а...

– Кошмар приснился? – спросила Алиса, положив руку мне на плечо.

– Пока не понял, – я обнял ее и прижал к себе. Боль из головы ушла, а вот холод остался. И тревога тоже. Дежа вю, однако: как тогда в сне про Демарг. – Что-то вроде того, да не совсем.

– А что это может быть? – Алиса уже совсем проснулась. Более того, моя тревога, кажется, передалась и ей.

– Предчувствие, – медленно произнес я.

Человек «Не»

Екатеринбург, 16 декабря 2010 года.

Скоротать ожидание было нечем. В узком коридоре с серыми стенами и безликими одинаковыми дверями решительно не на чем было задержаться взгляду. Обычное заштатное конторское здание, в котором снимают офисы мелкие фирмы или индивидуальные предприниматели. Увидишь одно из таких зданий – и можешь считать, что видел их все. Как правило, это старые дома, иногда с колоннами у входа, иногда без. Будка с равнодушным ко всему вахтером внизу. Ну и, конечно же, такие вот коридоры.

«Какого черта я здесь делаю?» – в который уж раз подумал Роман Солодовников, молодой человек лет тридцати, уставившись на дверь с табличкой «55». На ней, в отличие от других дверей на этом этаже, больше никаких пометок не было, и Роман прекрасно понимал почему. «Магическая помощь с гарантией», как гласило объявление в газете, не очень нуждалась в излишнем внимании к себе. Это на западе всякие предсказамусы, колдуны и гадалки давно перестали быть экзотикой, почти поголовно имеют государственные лицензии и вешают на своих дверях красочные и загадочные вывески, привлекающие посетителей. У нас же этот бизнес пока не набрал силу, поэтому большинство подобных индивидуальных предпринимателей стараются излишне не афишировать свою деятельность. Им вполне хватает короткого объявления в газете, вроде «Быстрого курьера». Но подобных объявлений там довольно-таки много.

Они осторожничают и реальных своих координат в газете не дают. Обычно, это телефон, часто сотовый, по которому вы можете поговорить с диспетчером и записаться на прием. Только после записи вам сообщат адрес конторского дома и номер офиса, где вы сможете встретиться с тем, кто, собственно и будет оказывать вам эту «магическую помощь с гарантией». Они, впрочем, и сами не особенно интересуются вашей реальной личностью. Диспетчер при записи просто спрашивает ваше имя и возраст. Этого достаточно. Имя лучше назвать подлинное, так как магия в таких местах имеет привязку к имени, о чем вам сразу же заявляют. Но имя есть имя. Само по себе оно еще ничего не значит – мало ли в таком городе, как Екатеринбург, людей с именами Дмитрий, Сергей, Роман, Юлия, Елена?

В такие места обращаются либо свято верящие в реальное существование магии, либо отчаявшиеся добиться желаемого обычными средствами. Роман Солодовников принадлежал ко второй категории. Он был атеистом и очень долго считал поголовно всех экстрасенсов, магов и гадалок шарлатанами. Ему с трудом верилось в то, что он позвонил по подобному объявлению, и не просто позвонил, а записался на прием и пришел на него.

– Да-а-а, совсем у вас крыша поехала, Роман Евгеньевич! – пробормотал про себя молодой человек. – Пора вам в сумасшедший дом!

Но отчаяние – страшная вещь. Оно порой толкает людей на абсолютно безумные поступки. И ведь Роман отнюдь не был сумасбродом, нет. Он был даже слишком благоразумен. Лень и Трусость (именно так – с большой буквы) были его основными качествами. Именно они определяли дорогу, которой он шел по жизни. Роман не делал карьеру, ибо ему было лень пихаться локтями. Не стремился создать семью, так как не хотел менять свой образ жизни ради кого-то другого и боялся ответственности. Не пытался даже крутить романы из страха получить отказ. Не пил на вечеринках, потому что боялся оказаться в смешном положении. Не танцевал, ибо стеснялся своего неумения, и не учился этому из-за собственной лени. Не играл ни в какие игры, требовавшие нескольких участников, из страха поражения. При этом был болезненно самолюбив, любую критику воспринимал крайне тяжело и не умел признавать свои ошибки. Из лени не терпел любые виды активного отдыха и не занимался спортом.

Он не имел близких друзей, ибо с ними нельзя было закрываться в скорлупу, а он опасался, что, открывшись, будет ими отвергнут. Не желал перемен, так как перемены влекли за

собой неизвестность, а неизвестность пугала его. Был осторожен до паранойи и никогда не предпринимал ничего, не убедившись предварительно, что это не грозит ему никакими неприятностями.

Он был законопослушен, но не по совести, а исключительно из страха наказания. Не интриговал и не подличал по той же причине. Ни с кем не конфликтовал и не дрался... понятно, почему. А если делал добрые дела, то не по велению души, а потому что чрезвычайно большое значение придавал тому, что о нем подумают другие. Его многое раздражало, но он никогда не давал выхода своим эмоциям, опять же опасаясь приговора общественного мнения. Таким образом, он закупоривал злобу и раздражение внутри себя, и они постепенно, подобно кислоте, разъедали его душу.

Он был «человеком не», и список того, что он делал, был существенно короче списка того, чего он всячески избегал. Единственное, чего Роману удалось добиться в жизни – это хорошо выглядеть в глазах окружающих, которые считали его милым парнем. А между тем, он обладал богатым воображением и любил мечтать. И в мечтах своих творил мир, в котором он был кем-то, а не безликим «милым парнем», «облаком в штанах» Маяковского, восхищающим престарелых кумушек, но ни у одной молодой женщины не вызывающим желания узнать его поближе. Он ненавидел себя такого, каким он был, но не пытался измениться, ибо это требовало немалого труда. Он предпочитал мечтать, лежа на диване, что когда-нибудь это произойдет само собой. Лень и Трусость убивали все хорошее, что в нем было, а точнее – не давали ему проявиться, загоняя в самую глубину его существа, безжалостно пресекая любую попытку поднять голову или подать голос.

И кто бы мог подумать, что такой человек влюбится столь безумно, что думать не сможет ни о чем, кроме своей возлюбленной. Но она, естественно, дала ему от ворот поворот... Естественно, потому что в подобных ему девушки не влюбляются, а, в лучшем случае, только дружат, да и то, сохраняя некоторую дистанцию. Но Роману дружбы было мало. Он стал одержим. Поначалу, Солодовников, правда, пытался ее забыть, вернувшись к своей прежней жизни «человека не», но, увы, не преуспел. Да и как забудешь, если живут они в соседних домах и на работу ходят в одно и то же время? Ее лицо было первым, что он представлял себе, проснувшись утром, и последним перед тем, как провалиться в ночной сон. А не видеть ее долгое время означало для него психологическую ломку, как у наркомана без дозы.

В какой момент созрело у него безумное решение добиться взаимности любой ценой? И когда ему на глаза попала та злосчастная газета? Имело ли это сейчас значение? Он долго сидел, высматривая в газете «магические» объявления с манящим, как запретный плод, словом «приворот». Таких оказалось штук восемь. Из них Роман отобрал те, что вызывали у него наибольшее доверие. Все это было бы смешно, коль не было бы так грустно. Потому что не далее как год назад он бы с презрительным фырканьем закрыл этот раздел газеты и сказал: «И ведь находятся дураки, которые им верят!». Не станем утверждать, что теперь скептицизм полностью покинул молодого человека, но, когда чувствуешь себя так, что в пору в петлю лезть, будешь цепляться за любую, даже самую безумную надежду. Вот он и уцепился.

Итак, после тщательного анализа осталось четыре варианта. Их-то он и стал обзванивать по порядку. Труднее всего было в первый раз набрать номер. Дальше пошло легче. Первые три варианта, по зрелому размышлению, пришлось отбросить: либо от них за версту несло мошенничеством и вытягиванием денег, либо офис располагался в районе, где был велик риск наткнуться на их общих знакомых, что Роману совершенно не улыбалось. Четвертый звонок, наконец, как показалось молодому человеку, принес что-то стоящее. Ему, для начала, предложили погадать на картах Таро, чтобы определить, возможен ли приворот, или дело безнадежно. Такой подход показался ему достаточно разумным. К тому же, гадание могло внести некоторую ясность в его перспективы. Итак, он записался.

На следующий день, когда Роману надо было идти на прием, ему везде чудились знаки свыше. С одной стороны, утром по радио он услышал песню «Сделай ход конем», которую можно было воспринять как руководство к действию, а с другой, по дороге на встречу Роман наблюдал довольно курьезную сценку, толкование которой могло быть только прямо противоположным. Одна собака преследовала другую с явно сексуальными намерениями. Та все время огрызалась и даже лаяла на преследователя, но тот не реагировал и продолжал свои домогательства. Смешно конечно, принимать подобную ерунду за некое предзнаменование, но именно так в его смятенном рассудке это и оформилось. Можно было только догадываться о силе страсти, которая превратила материалиста и прагматика в мистика и невротика, лишь время от времени пытающегося прислушиваться к голосу разума.

Когда он прибыл на место и нашел нужную комнату, она была закрыта, и на стук никто не отзывался. Впрочем, приехал он несколько раньше, чем было условлено, так что хозяйка офиса вполне могла еще не придти. Судьба давала ему еще один шанс одуматься и не совершить глупости, последствия которой (если, конечно, «магическая помощь с гарантией» не была чистейшей воды надувательством) предугадать было крайне сложно. За пятнадцать минут, что ему пришлось ждать колдунью, молодой человек несколько раз порывался уйти, но каждый раз что-то удерживало его. Маясь в ожидании в коридоре, Роман чувствовал себя крайне неловко. Ему казалось, что все вокруг прекрасно знают, ЧТО находится в комнате 55, и на него, маячащего у ее дверей, смотрят с недоумением, осуждением и насмешкой. В определенном смысле все это, как и та болезненная страсть, что привела его сюда, было для него шоком, который следовало еще преодолеть.

Она пришла всего за несколько секунд до того, как в Романа созрело решение плюнуть на все и уйти, словно стояла за углом и подслушивала его мысли. Внешность колдуньи несколько разочаровала Солодовникова: ни тебе бледного лица с глубокими темными глазами, ни длинных прямых волос цвета воронова крыла, ни других признаков ведьмы, которые сформировались в его сознании по результатам просмотра различных мистических триллеров. Обычная женщина лет сорока пяти, чуть полноватая, с русыми волосами, собранными на затылке в узел, и с совершенно непримечательным округлым лицом. Впрочем, черт с ней, с внешностью! Главное, чтобы дело свое хорошо знала.

– Вы ко мне? – осведомилась женщина, увидев ожидающего Романа.

– В комнату 55, – уточнил Солодовников.

– Значит, ко мне, – улыбнулась колдунья. – Будьте добры, подождите еще немного в коридоре. Сейчас я вас приму.

Солодовников безропотно кивнул, и женщина, открыв ключом дверь комнаты, скрылась за ней. Ну вот и все. Теперь уже поздно давать задний ход. Последний шанс он упустил полминуты назад, когда она еще поднималась по лестнице. Но ведь решение о привороте было принято не сейчас и не под влиянием эмоций, так что чего уж теперь сопли жевать?

– Проходите, – послышалось из-за двери, и Роман, глубоко вздохнув, последовал приглашению.

* * *

– Понятно, – задумчиво произнесла женщина, когда Солодовников закончил рассказ. – И все-таки, почему приворот? В любовных делах это – последнее средство, также как и война в политике. Все ли вы испробовали, чтобы решить дело естественным путем?

– Если бы не все, я б сюда не пришел! – огрызнулся Роман. – Думаете, мне здорово хочется к магии прибегать?

– А что, это был бы, мягко говоря, не первый случай, – невозмутимо отозвалась колдунья. – Кому-то просто лень добиваться предмета своего обожания собственными силами, кого-

то привлекает сам процесс приворота, а некоторым нужен покорный и безумно влюбленный в него человек, чего естественным образом достичь невозможно.

– Я не из таких! – отрезал Солодовников, в котором раздражение взяло верх над робостью. – У меня действительно безнадежная ситуация.

– Ладно, я вас поняла. Тогда, давайте разложим карты. Взглянем на ситуацию с точки зрения Высших Сил.

Она как-то даже буднично извлекла из сумки колоду Таро и принялась за расклад. Получившееся сочетание карт колдунья не поясняла, а просто изучала его с глубокомысленным видом.

– Что же, воздействие, о котором вы просите, в принципе возможно, и я попробую вам помочь, – женщина немного помолчала. – Подходите через три дня. Я разработаю для вас несколько ритуалов. Некоторые проведу сама, а остальные должны будете провести вы. Кроме того, у вас есть возможность угостить ее чем-нибудь? Чаем, например?

– Пожалуй, я это сумею.

– Хорошо. Тогда я принесу вам особым образом заряженную жидкость, которую вам нужно будет добавить ей в напиток. Ну а теперь мне потребуется ее фотография.

Роман залез в сумку и достал оттуда фото красивой кареглазой шатенки с короткой стрижкой.

– Хорошая фотография, – заметила колдунья, изучив карточку. – Глаза видны четко, а это – главное. Еще раз скажите, как зовут вашу избранницу?

– Лена, – медленно произнес Солодовников, смакуя каждую букву ее имени. – Лена Медникова.

Угроза надвигается (из воспоминаний Игоря Логинова)

Норвегия. Берег Тронхеймс-фьорда в окрестностях Риссы. 17 декабря 2010 года

– Снайпер? – в глазах Морганы стояло изумление. – Ты уверен, па?

– Примерно так же, как после ночной прогулки по Демаргу.

– Понятно... – моя дочь сделалась задумчивой. – Опять пророческое видение. И ты решил понять его буквально – как конкретное предупреждение?

– Именно. Вспомни прошлый раз, – тут я украдкой чуть скосил глаза в сторону Алисы (она все еще не знала всех подробностей своего спасения). – Тогда точность и конкретность получились просто-таки феноменальными!

– Согласна, но это не значит, что так будет всегда.

– А ты у нас, значит, большой специалист по пророческим видениям?

– Ладно, уел, – прекратила сопротивление Моргана. – Что предлагаешь делать?

К этому времени примерный план уже созрел в моей голове. Дело в том, что рассказать все дочери у меня получилось лишь через полтора дня после видения, поскольку она, воспользовавшись очередным периодом затишья, отлучилась в одну из своих «исследовательских экспедиций». Интерес к более глубокому познанию мира у нее до сих пор не угас, и Моргана старалась улучшить любой удобный момент для того, чтобы отправиться путешествовать. Мы (я и Алиса) не возражали, так как нам было чем заняться. Даниру я периодически подпитывал с помощью Э-магии, поэтому она перестала представлять собой бомбу замедленного действия и в постоянном жестком контроле уже не нуждалась. Характер у нее тоже несколько улучшился, но общение с бывшей инквизиторшей ламия все равно старалась свести к минимуму. В результате у нас с Алисой появилась масса времени друг для друга, чем мы и пользовались на полную катушку, подозревая, что подобная лафа долго не продлится. Память к Хохловой возвращалась чрезвычайно медленно и неохотно, хотя сеансы Э-магической терапии я проводил ежедневно. Правда, ее данная ситуация постепенно стала волновать все меньше и меньше. Новые впечатления, которые она пила жадными глотками, постепенно заполняли зияющую внутри нее пустоту, да и веру в то, что с моей помощью память вернется, Алиса сохраняла.

Ну а после пророческого видения наша идиллия омрачилась. Предаваться спокойному и безоблачному счастью мы уже не могли, ибо тревога меня не отпускала. В конце концов, беспокоиться было о чем: фанатизм Святого Ордена невозможно переоценить. Уж ежели они начали на меня охотиться, то по собственной воле не прекратят. А свои люди у этой организации по всему миру имеются. Вот и нашли, наконец. Рано или поздно это должно было случиться. Как с Майклом Норрингтоном. Я нимало не сомневался, что такой Э-маг реально существовал. Посидев пару часов в интернете, мне удалось выудить достаточно много информации, касающейся землетрясения на Аляске в 1964 году. Естественно, там ни словом, ни намеком не упоминалось о его истинных причинах. Единственным косвенным свидетельством можно было считать то, что оно произошло удивительно внезапно: никаких данных о постепенном возрастании сейсмической активности в том районе не имелось. Так что гипотеза об Э-маге и Святом Ордена была не хуже любой другой. А то и получше, так как объясняла практически все.

А ведь у нашего положения довольно много общего с тем, в котором находился Майкл Норрингтон. Мы тоже в бегах и числимся в розыске у Святого Ордена. Мы тоже поселились в достаточно уединенном месте среди гор, то есть там, где посмертная волна, вызванная гибелью Э-магов, причинит наименьший ущерб. Поэтому покушение с помощью наемника-снайпера для инквизиторов представлялось едва ли не оптимальным вариантом, который, к тому же, однажды уже сработал. Других же кандидатов на роль вероятного противника в данном случае я даже не рассматривал. Да и зачем, если все было достаточно очевидно? Подобная тактика вполне в духе Ордена.

Что касается Алисы, то перспектива очередного покушения на меня ее бывших коллег портила ей настроение едва ли не больше, чем мне. Да что там – она ее просто удручала! Улыбка стала настолько редким гостем на Алисином лице, что меня это не на шутку встревожило. Похоже, столь болезненной реакции немало способствовало непонятное чувство вины, которое Хохлова испытывала по поводу своей прошлой принадлежности к Ордену. И как я ни пытался что-то с этим сделать, все усилия были напрасны. В конце концов, не она же готовила на меня покушение сейчас и пыталась убить в прошлом! Я трижды заговаривал на эту тему, однако в двух случаях Алиса вежливо, но непреклонно сворачивала разговор, а в третьем внезапно разрыдалась, чем повергла меня в полную растерянность. Ничем, кроме позитивной волны я ей помочь был не в состоянии, но и моя Э-магия оказалась не всесильной: она смогла лишь унять слезы, но не вернуть Алисе нормальное расположение духа. Наконец, отчаявшись справиться с этой непонятной для меня ситуацией, я решил сосредоточиться на разработке плана противодействия надвигающейся опасности.

Ни я, ни Алиса не обладали способностями, позволяющими сканировать окружающую местность на предмет возможной угрозы, а потому для этой цели мне пришлось прибегнуть к услугам Даниры. Поначалу моя просьба не вызвала у нее особого энтузиазма, но узнав, что дело пахнет чрезвычайно мощной посмертной волной, которую она вряд ли переживет, ламия в корне изменила свое отношение и довольно ретиво занялась исполнением моей просьбы. Однако прямой и непосредственной угрозы в ближайших окрестностях нашего дома не обнаружилось. Но расслабляться никто не собирался. Мой Э-магический сторожок (если только я правильно толковал исходящие от него сигналы), веял отдаленным холодком тревоги, и это, вероятно, означало, что источник опасности приближается, но на исходную позицию еще не вышел. Однако сомнений в его скором появлении не было.

Данире я отдал распоряжение периодически повторять сканирование. Радиус – до полутора километров (насколько мне известно, это была предельная дальность прицельного снайперского огня). Теперь, когда вернулась Моргана, наши возможности в этом плане стали еще шире. Сканирование можно было проводить чаще и более тщательно, а в случае обнаружения угрозы, немедленно нейтрализовать ее волной немочи.

Выложив дочери все вышеупомянутые соображения, я стал развивать тему:

– Снайперов должно быть, как минимум, двое.

– Почему? – удивилась Моргана.

– Я думаю, что ты тоже являешься целью покушения, а для того, чтобы одному убийце с гарантией убить нас обоих, нажимать на курок требуется дважды и очень быстро. Учитывая скорость посмертной волны, после гибели одного из нас на второй выстрел киллеру может тупо не хватить времени. А кроме того, если первым умру я, ты сможешь попытаться спастись телепортацией. Им такой расклад вряд ли понравится. В Ордене дураков не держат, так что все это у них наверняка учтено и продумано. Итак, предлагаю следующее: какое-то время из дома носу не кажем, к окнам не подходим и сканируем местность. Как только ты или Данира обнаруживаете снайперов, вырубаем обоих. Тут возможны варианты. Либо я и ты работаем волной немочи (при этом нужно будет навести меня на цель), либо Э-магией действуешь только ты, а Данира перемещается к своему объекту телепортацией и разбирается с ним.

– Любым способом? – уточнила ламия.

– Любым, – решительно ответил я. – Жизнь снайперам сохранять необязательно.

– А допросить? – возразила Моргана.

– Можно, хотя сомневаюсь, что из этого выйдет толк. Вряд ли, нанимая киллеров, адепты Ордена общались с ними, не применяя отвод глаз. Так что на заказчика снайперы нас вряд ли выведут.

– Что же, план рабочий, – немного поразмыслив, сказала Моргана. – Но у меня есть несколько поправок.

– Излагай.

– Первое: сканировать, все же, лучше нам с Данирой одновременно – так больше шансов своевременно засечь обоих наемников. А поэтому шерстить местность постоянно мы не сможем – быстро выдохнемся. Да это, в общем-то, и не нужно. Достаточно будет проводить сканирование каждые три часа. Ночью реже.

– Принято, – ответил я. – хотя, не думаю, что данная ситуация затянется на несколько дней. Ордену нет смысла откладывать дело в долгий ящик.

– Но мы ведь не уверены на сто процентов, что опасность исходит именно от Ордена, – впервые за разговор подала голос Алиса.

– А от кого же еще? – удивилась Моргана. – Они – признанные мастера в деле загребания жара чужими руками.

Губы Хохловой плотно сжались, однако эту реплику она проглотила.

– Может, ты и права, однако Орден – не единственный наш враг.

– Только в подобной манере кроме него не действует никто. Знай анхоры, что мы здесь, сюда уже нагрянул бы Конклав. А Лилит и Сайферу мы нужны живыми.

– Ну а как насчет харров?

– А ведь верно! – поддержал я Алису. – Мы, грешным делом, совсем забыли про этих тварей, в то время как у них на нас здоровый зуб! После трепки, полученной в Египте, они вряд ли решатся атаковать нас в лоб, но вот на такой хитрый финт – вполне. Потом им только и останется, что забрать Осколок из центра мертвой зоны.

– Не знаю, не знаю, – весь вид Морганы олицетворял сомнение. – Все-таки, на Орден это похоже больше. И потом, я бы на месте харров сейчас продолжала собирать те Осколки, что еще в руках светлых Вторых, пока те не очухались и, плюнув на всякую секретность, не поставили у каждого из них целую армию. Ведь фора, которую кромешники получили, благодаря стремительности и внезапности своих действий, постепенно тает, и пружина противодействия анхоров вот-вот разожметя. Думаю, харры это прекрасно понимают, и заниматься нами им сейчас недосуг. Пусть лучше анхоры на нас отвлекаются. Наверняка и Лилит даст кромешникам такой совет, убедив, что им со всех сторон выгодно оставить наш Осколок напоследок.

– Что же, тебе виднее, – пожал плечами я. – Впрочем, в данном случае не слишком принципиально, кто именно нанял снайперов. Наши-то действия от этого зависят мало. У тебя, кажется, было несколько поправок. Ты пока сказала лишь об одной.

– Точно. Перехожу ко второй. Насчет носа из дому не показывать и к окнам не подходить – по-моему, явный перебор. Снайперы – просто снайперы, а пули – просто пули. И я, и Данира вполне могли бы держать отражающий экран, способный устоять даже против попадания из базуки.

– У меня два возражения. Во-первых, ни к чему даром тратить Силу на отражающие экраны: она может пригодиться потом, ибо неизвестно, кто именно стоит за этими стрелками. Кроме того, если заказчики до момента выхода снайперов на цель располагаются неподалеку и наблюдают, ваши экраны наведут их на мысль, что их замысел раскрыт. В таком случае, они сразу же свернут операцию, чтобы возобновить ее там и в то время, когда, устав от напряженного ожидания, мы чуток расслабимся. Лучше уж пусть покушаются сейчас, чтобы не растягивать это «удовольствие» во времени.

– А думаешь, наше постоянное сканирование пространства их не насторожит?

– Так ведь оно вовсе не означает, что мы в курсе насчет киллеров. Сканирование может оказаться простой мерой предосторожности, вроде периодического обхода периметра безопасности. А вот экраны – совсем другой коленкор.

– Что же, принимается. Но все равно «невыходной» режим должен касаться только нас с тобой. Кто бы там ни стоял за снайперами, Алиса с Данирой им не нужны, так что они вполне могут совершать разведывательные вылазки или, скажем, закупать продукты в Риссе.

– Резонно. Еще что-нибудь?

– Одно дополнение к твоему плану. Если ближайшее сканирование, которое мы проведем немедленно после нашего разговора, снайперов не обнаружит, я хотела бы со своей стороны несколько увеличить радиус.

– Намного?

– До Тронхейма.

– О! – приподнял бровь я. – А потянешь?

– Ты еще не знаешь всех моих возможностей, па! – самодовольно ухмыльнулась Моргана.

– Крута, крута! – улыбнулся я. – Только зачем тебе это?

– Просто пока снайперы не прибыли, надеюсь, есть возможность наткнуться там на заказчиков. Наверняка они захотят лично проконтролировать подготовительный этап, и смоются только непосредственно перед акцией.

– Согласен. У тебя все?

– Пожалуй.

– Тогда, дамы, на этом позвольте закруглить военный совет. Что делать, всем известно. Расходимся.

* * *

– Похоже, я никогда не стану для вас своей, – тусклым голосом произнесла Алиса, глядя в пол.

– Вот как? Интересно, на чем основано столь далеко идущее умозаключение?

– А ты разве не заметил? Моргана. Она не упускает случая ткнуть меня носом в мое прошлое, которого я, к тому же, еще и не помню. Не может мне простить принадлежности к организации, столь для вас враждебной.

– Глупости! Во-первых, никуда она тебя не тыкает. Просто разговор так пошел, что обойти тему Ордена не получилось. Да и не тот характер у Морганы, чтобы острые углы сглаживать. Говорит, как думает и как чувствует. Во-вторых, ты уже стала среди нас своей, и делимся мы с тобой практически всем. В-третьих то, кем ты была в прошлой жизни, нас с дочкой волнует мало. Главное, что сейчас ты – совсем другой человек. И в четвертых, прощать тебя не за что: лично ты нам нисколько не навредила.

– Откуда ты знаешь? Я ведь не помню себя в Ордене, и знакомы мы тогда не были. А если как раз навредила, твое мнение останется таким же?

– Откуда вдруг такие мысли? Вспомнила что-то?

– Да ничего я не вспомнила! – с досадой ответила Алиса. – Просто как представлю, что могла за тобой охотиться, мне плохо становится! А на мой вопрос ты так и не ответил.

Я сделал небольшую паузу, переваривая услышанное.

– Знаешь, Алиса, такие мысли приходили мне в голову. Но почему-то мне кажется, что ты не причинила бы мне вреда. Есть в тебе что-то... как бы это выразить?! Короче, ты очень тонко чувствуешь грань между добром и злом. Думаю, и всегда чувствовала. А потому должна была понять, что я – не тот злодей, каким меня, вероятно, расписывают ваши командоры и магистры. Пусть даже изначально ты могла быть в рядах моих врагов, потому что являлась бойцом Ордена и должна была исполнять приказы, но такая, какой я тебя знаю, не стала бы пытаться убить меня.

Впервые с начала этого разговора Алиса взглянула мне в лицо, и я ощутил, что мои слова ее убедили и растрогали до глубины души.

– А ты не слишком хорошо обо мне думаешь?

– В самый раз! – отрубил я. – В людях твой покорный слуга, слава богу, разбираться научился. Ты – женщина, которую я люблю, а значит – очень достойный человек. Моргана все это понимает и чувствует. А потому и она уже давно тебя приняла. Диспозиция ясна?

– Кристально, – на ее лицо взбежала робкая улыбка.

– Тогда завязывай с подобными разговорами! Чтобы я их больше не слышал!

– Есть, сэр! – она шутливо отдала мне честь.

Э-детектор говорил мне, что Алиса готова броситься ко мне в объятия, и против такого развития событий у меня не было ни малейших возражений. Однако очарование момента грубо разрушила леденящая волна нахлынувшей тревоги. Мое изменившееся лицо заставило Хохлову вздрогнуть.

– Что происходит?

– Похоже, началось, – ответил я, поворачиваясь к дверям.

Они тут же открылись. На пороге стояла Моргана.

– Прилетели голуби сизые, – усмехнувшись, ответила она на мой вопросительный взгляд. – Два снайпера, как ты и говорил. Вышли на позиции.

* * *

Действовать все-таки решили мы с Морганой, оставив Даниру в оперативном резерве. Окна уже с утра были предварительно закрыты жалюзи, чтоб хотя бы в пределах собственного дома перемещаться без опаски. Операцию мы решили проводить из гостиной, два окна которой выходили на горы. «Наводить на цель» меня не понадобилось, так как мой Э-магический сторожок сразу определил вектора угрозы. Их было два, и сходились они к нашему дому под небольшим углом, следовательно два киллера расположились неподалеку друг от друга. Моргана только уточнила примерное расстояние до цели, после чего мы поделили снайперов между собой и синхронно нанесли удар.

Волна немочи, в отличие от боевой Э-магии, не требует визуального контакта с объектом. Для нее достаточно знать примерное расположение цели с точностью до нескольких метров – такую территорию она накроет шутя. И, если вести речь о противниках-людях, волна немочи является достаточно эффективным средством для выведения их из строя. Интенсивность мы с Морганой дали близкую к максимальной для такого вида воздействия, а потому после нашего удара они должны были находиться в состоянии выброшенных на берег медуз...

Должны? Но я почему-то ничего не ощутил. В том смысле, что когда волна немочи «вырубает» кого-нибудь, мой Э-детектор, чья чувствительность в последнее время существенно возросла, должен воспринять отголоски этого события. Сейчас же – ничего! И холод угрозы не только не исчез, но даже не ослаб ни на йоту. Так в чем же дело, интересно?

Мои размышления были прерваны Морганой:

– Стоняю, проверю, как там наши киллеры.

– Ни с места! – свирепо прошипел я, за что удостоился удивленного взгляда дочери.

– Что такое?

– Разве ты ничего не чувствуешь? Не сработало!

– Быть не может! – усомнилась Моргана.

– А ты проверь. Только не лично, а сканированием.

Она сосредоточилась, и через несколько секунд на ее лице появилось выражение недоумения и досады.

– Какого...?

– Хороший вопрос, – согласился я. – У меня две мысли: либо мы промазали, либо волна не подействовала.

– Промазать не могли, – тут же безапелляционно отмела первое предположение Моргана. – Волной немочи мы накрыли приличную территорию, а снайперов я запеленговала достаточно точно.

– А не подействовать, – развил тему я, – волна немочи могла лишь в двух случаях: либо снайперы – не обычные люди, либо их кто-то прикрывает.

– Первое еще может быть, хотя и сомнительно. Снайперы – стопроцентные смертники, а разбрасываться своими бойцами ни Орден, ни любой другой из наших вероятных противников не станет. А вот насчет прикрытия... Извини, конечно, но это – бред!

– Почему?

– Ну посуди сам: магический щит на больших расстояниях не действует. Максимум – на двадцати-тридцати километрах, да и то, если работает серьезный маг. А в случае посмертной волны расстояние тридцать километров от эпицентра – однозначно в зоне поражения. Эти снайперы для того здесь и находятся, чтобы заказчики не подставлялись под раздачу. Какой, скажи мне, самоубийца полезет прикрывать гарантированных покойников?

– Думаю, тот, который может рассчитывать на выживание в подобных обстоятельствах.

– Таких не существует!

– Ой ли? Подумай хорошенько, Моргана. Тридцать километров – хорошее расстояние. В непосредственной близости наша совместная посмертная волна сметет кого угодно, но на тридцати километрах она, все же, ослабнет и если там находятся некие, как ты говоришь, «серьезные маги», то при совместной защите у них появляется неплохой шанс.

– Па, но, говоря о серьезных магах, я имела в виду уровень... Постой, ты же не думаешь...?

– Представь себе, думаю. Тут, дочка, не Орденом пахнет, а Конклавом.

– Или харрами.

– Почему-то мне кажется, что Лилит сделала бы все, чтобы не допустить нашей смерти, ибо она означает для нее крах всех надежд. В крайнем случае, попыталась бы предупредить нас об опасности через Даниру.

– Если только она не лгала тебе с самого начала.

– Я в это не верю. Желай она просто нашей смерти, вся эта затея с общением через Даниру и заманиванием нас в Египет выглядит явно избыточной по сложности. Подобное покушение она могла устроить давным-давно. Сайферу, насколько я понял, мы тоже нужны живыми.

– Как и Конклаву. И потом, снайперы – не их метод.

– Что я слышу?! – изумился я. – Ты защищаешь анхоров?!

– Не защищаю, а пытаюсь рассуждать логически. Они подвергли остракизму Орден как раз за подобные методы, а теперь сами опустили до их уровня?

– Возможно, они просто отчаялись заполучить нас на свою сторону. С тобой мы – разлей вода, а криганка светлым Вторым служить никогда не будет. Держать на строгом поводке пару бультерьеров, которые только и ждут момента, чтобы вцепиться тебе в горло – то еще удовольствие. Вот они и решили по принципу меньшего зла убить нас, чтобы исключить из игры непредсказуемых и опасных участников, способных встать на сторону врага. Да, будут жертвы среди людей, но местность тут не слишком населенная, а единственный крупный город – Тронхейм – находится аккурат в тридцати километрах от нас. Если там угнездились несколько престолов, то они вполне способны и своих киллеров прикрыть, и Тронхейм защитить от посмертной волны.

Моргана удивленно взглянула на меня.

– Ну и теория! И не подумаешь ведь, что я тебе про всю эту маги-политическую кухню Сферы Миров всего три месяца назад рассказала! Правда, сомнения у меня, все-таки, еще остались.

– Их можно рассеять. Ты Тронхейм успела просканировать?

- Нет. На снайперов напоролась и сразу к тебе пошла.
- Тогда сделай это сейчас. Самое время.

Свистать всех наверх!

Норвегия. Берег Тронхеймс-фьорда в окрестностях Риссы. 17 декабря 2010 года

«Провал!» – такая мысль мелькнула у Влодмира в тот миг, когда он ощутил сканирующую магию двух криганок и разбившиеся о защитный экран две волны немочи.

Идея обеспечить двум снайперам минимальное магическое прикрытие возникла в мозгу главы Конклава буквально перед самым началом операции, и никаких недостатков он в ней не увидел. Демаскировать снайперов такое прикрытие не могло, так как засечь его практически не представлялось возможным, зато некоторое минимальное магическое воздействие на них эта защита должна была блокировать. В конце концов, снайперы были обычными людьми, уязвимыми даже для самой примитивной магии. Теперь ничто не должно было помешать им исполнить свою миссию. Разумеется, от прямой боевой волны Э-магии этот щит бы не помог, но против волны немочи он вполне состоятелен. Правда, ее следовало ожидать лишь в одном случае: если бы снайперов засекли. Так сказать, страховка на крайний случай.

Похоже, этот крайний случай наступил. Что могло заставить их сканировать окрестности? Что-то почуяли? Но как? Ведь снайперы еще не вышли на позиции. Только в этом случае мог сработать Э-магический сторожок. Но они насторожились раньше. Неужели их кто-то предупредил?

Мозг престола работал со скоростью сверхмощного компьютера, в доли секунды прорабатывая огромное количество версий. Итак, кто? Кандидатур было немного, и все принадлежали к его команде, заслуживающей, по мнению престола, абсолютного доверия. Предательство кого-то из них было просто немыслимо, тем более что перед началом миссии каждый был просканирован Влодмиром на предмет влияния извне. Никто посторонний его плана узнать не мог, ибо глава Конклава принял максимальные меры к сохранению секретности. Просчитать его план также было практически невозможно, ведь престол со своей командой проявил в работе просто нереальную для светлых Вторых оперативность. Э-маги же к предвидению в принципе не способны... По крайней мере, были неспособны. Впрочем, Игорь Логинов стал уже исключением из стольких правил, что еще одно удивлять, вообще-то, не должно.

Мысли Влодмира сменили направление. Ну хорошо, снайперы обнаружены. Что Э-маг с криганками станут делать дальше? Попробуют еще раз волной немочи поразить убийц? Щит престола они ей не пробьют, и что затем? Будут упрямо повторять атаки, усиливая интенсивность? Постараются поточнее запеленговать киллеров, чтобы нанести удар уже боевой волной? Или две криганки просто телепортируются к наемникам, чтобы прикончить их в ближнем бою? Все это – очень вряд ли. Что такое эти два снайпера против Э-мага сотоварищи? Да ничто. Киллеры могли добиться успеха только благодаря внезапности – то есть, пока объектам устранения ничего о них не было известно. Теперь Логинов и криганки спокойно смогут поставить отражающий пули экран и разделаться со стрелками. А могут и не разделяться, так как поймут, что главная проблема – отнюдь не снайперы. А поймут они это просто-таки обязательно, так как Влодмир прикрыл киллеров от волны немочи. О, Творец, что за идиот?! Как он только сразу не подумал о таком раскладе?! «Плюсы без всяких минусов» оказались иллюзией. Такое прикрытие заставит Логинова и его спутниц искать поблизости более серьезных противников, владеющих Силой. Да, его прикрытие невозможно засечь сканированием, но о его наличии догадается любой, кто хоть что-нибудь смыслит в магии, по факту нулевой эффективности волны немочи.

Хорошо. То есть, не хорошо, конечно, но ладно. Догадались они о присутствии носителей Силы. Что дальше? Попытаются напасть на них или сбегут? Лучше первое, потому что второе означало бы полный провал операции. А может, они попытаются сначала понять, с кем имеют дело? Тогда у Влодмира появляется время, а вместе с ним и шанс. На что? А вот на что!

Едва ощутив новый сканирующий луч одной из криганок, направленный уже в сторону Тронхейма, престол максимально «закрылся», скомандовав сделать то же и своим подручным, а затем испустил в телепатическом диапазоне высших каст светлых Вторых экстренный глобальный зов первой категории, эквивалентный морской команде «Свистать всех наверх!». На такой зов имели право лишь входящие в Конклав престолы, и применялся он лишь в абсолютно аховых ситуациях, когда было не до обсуждений и разработки планов, на что высшие анхоры были куда как горазды. Услышав его, все доминаторы и престолы должны немедленно переместиться к зовущему. А по прибытии такой силищи можно будет не только заблокировать Э-магу и его команде пути к бегству (в том числе и телепортационные), но и полностью подавить его Силу.

Правда, за этот зов Конклав с него потом сурово спросит, и ему придется предоставить чрезвычайно веское основание для таких действий, но Влодмир этого не боялся: в конце концов, если в итоге Э-маг и Осколок окажутся в их руках, ничего иного и не потребуется. Как говорится, победа все спишет.

В Норвегии становится жарко (из воспоминаний Игоря Логинова)

Норвегия. Берег Тронхеймс-фьорда в окрестностях Риссы. 17 декабря 2010 года

Пока Моргана сосредотачивалась, чтобы приступить к сканированию Тронхейма, я спешно собирался, дав указание остальным заниматься тем же самым: интуиция подсказывала мне, что в самое ближайшее время отсюда придется бежать, что называется, сверкая пятками. Алиса и Данира подчинились, не задавая вопросов: ситуация к тому не располагала. Одновременно ламия по моей команде держала отражающий пули экран – как-никак, снайперов мы из игры не вывели, и не хотелось бы в ходе поспешных сборов ненароком подставиться под пулю. Разумеется, свои соображения насчет «не насторожить заказчиков» я помнил, но подозревал, что актуальность они уже утратили: коль скоро киллеров кто-то прикрывал, значит организаторы покушения уже почти наверняка обо всем догадались.

Собирались мы быстро, но, все же, не успели. В комнату, где находились мы с Алисой, вихрем ворвалась Моргана. На ней не было лица.

– Кажется, приплыли, па! – выдохнула она с порога.

– Что такое?

– На подмогу противнику прибыла тяжелая кавалерия.

Внутри у меня все сжалось.

– Конклав?

– Похоже на то, – мрачно кивнула Моргана.

– Валим! – решительно сказал я. – Где Данира?

– Я здесь. – В дверях появилась бледная, как смерть, ламия. – Куда телепортируемся?

– Да куда угодно! Лишь бы подальше отсюда. В Сибирь, на Амазонку, в пустыню Калahari! Уйдем от Конклава, тогда и выбирать будем.

– Хорошо, – сказала Моргана. – Возьмитесь все за руки.

Мы подчинились. Я ожидал мрака и чувства свободного падения, свойственного телепортации, но этого не произошло. Зато внезапно заломило в висках, а зрение затуманилось.

– Проклятие! – простонала моя дочь. – Опоздали!

Теперь я уже и сам это чувствовал. Холодный ветер угрозы дул сразу со всех сторон, приближаясь по интенсивности к урагану. Враг явно окружил дом и замкнул нас в пространственный «мешок», лишив возможности к телепортации (Моргана как-то рассказывала мне о таком приеме). А еще мгновение спустя на нас обрушился могучий пресс чужой Силы, стремящийся смять, раздавить, задушить, в корне пресекая любые магические всплески с нашей стороны. Мы бились отчаянно. Моргана и Данира по максимуму вкладывались в защитные поля, а я с бешеной яростью берсерка пытался разорвать душашую нас энергетическую петлю. Увы, безуспешно, хотя вышел я уже на третий уровень Силы.

Вот тут мне и пришлось познать беспомощность – ощущение, от которого я уже давно отвык: даже четверка харров, едва не одолевшая нас в Египте, по сравнению с полным составом Конклава анхоров явно не котировалась. На нас изливалась такая мощь, противостоять которой мы были пока не в состоянии (и неизвестно, будем ли когда-нибудь). Я чувствовал себя акулой, попавшейся в стальную сеть, неумолимо стягивающуюся все туже, и мог только бестолково шелкать своими страшными зубами, бессильный вырваться из губительной ловушки. Пресс все сжимался, и защитные экраны Морганы и Даниры (хотя, вклад последней был чрезвычайно мал) постепенно сминались, не выдерживая натиска.

У Алисы внезапно закатились глаза, и она лишилась сознания. Пожалуй, для нее это было даже к лучшему, но у меня ее обморок вызвал настоящий взрыв эмоций, который на мгновение

даже смог прорваться сквозь сжимающиеся тиски Силы анхоров. Правда, его хватило лишь на то, чтобы разнести в пыль стены нашего жилища (мне было не до того, чтобы делить Э-магию на составляющие, и гвоздил я всем, чем возможно). Единственным положительным эффектом стало то, что теперь я мог видеть нападавших. А их оказалось куда больше пятнадцати, то есть численности собственно Конклава. Дом окружало по меньшей мере три десятка темных фигур. На фоне серых ноябрьских сумерек было сложно различить их лица, да мне этого и не требовалось. Ясно, что по мою душу явились не только тузы и короли с дамами, но и валеты с десятками. Подстраховались гады основательно, нечего сказать!

После моего внезапно прорвавшегося энергетического выброса натиск врагов усилился. Казалось, самый воздух уплотнился так, что им стало трудно дышать из-за враждебной магии. А «стальные нити» душащей сети пресса анхоров впивались все сильнее, причиняя невыразимую боль. Боль эту как могло купировало мое инстинктивное самоисцеление, и она, к тому же, придавала сил отрицательной Э-магии, но их, все же, было категорически недостаточно, чтобы разорвать энергетическую удавку наших врагов. Магия Конклава гасила мою Силу, как углекислотный огнетушитель тушит пожар. Их средства были не столь эффективны, как те, что в свое время применили против меня десмоды, зато мощь моих нынешних врагов была неизмеримо выше, и потому они преуспевали.

В душу норвило змеей проскользнуть отчаяние, которое только и ждало момента, когда кто-либо из нас даст слабину. А уж там... «Все, конец. На этот раз не справиться». Судя по глазам Морганы, она пока держалась, хотя эта скользкая гадина досаждала и ей. Я же ощутил острый укол раскаяния. Ведь говорила дочь: «К чему нам лезть в эту мясорубку?» Могли бы еще спокойно жить и я, и она, и Алиса. Так нет же – меня тянуло на великие дела! Влезли в драку с харрами в Египте. Там чуть не погибли, но хотя бы Осколок добыли. Теперь же можем лишиться всего, включая жизнь. Ну что, Э-маг, нашел судьбоносный перекресток? Спас мир?

Так, стоп! К черту такие мысли! Для Э-мага они вреднее отчаяния и обреченности, ибо ведут к самобичеванию, которое часть отрицательной Силы направляет на себя, что уж вовсе никуда не годится. Ненависть к врагам куда полезнее. На ней и сосредоточусь.

Впрочем, несмотря на наше отчаянное сопротивление, анхоры медленно, но верно одолевали нас. Отключилась, не выдержав натиска, ламия. Моргана, демонстрировавшая удивительную силу духа, продолжала сопротивляться, хотя лицо ее заливала восковая бледность, а на лбу крупными каплями выступила испарина. У меня же темнело в глазах, мышцами овладевала противная слабость, а во рту стоял такой вкус, словно я ненароком разжевал какую-то горькую таблетку. Оно, конечно: позитивный настрой и все такое, но еще пара минут в подобном режиме – и я просто вырублюсь, рухнув под ноги врагам бесчувственной грудой плоти.

Между тем, они, похоже, теряли терпение, очевидно, изначально рассчитывая на куда более легкий и быстрый успех. Пределы же нашей с Морганой стойкости были анхорам неизвестны. И вот один из них (видимо, главный), шагнул вперед и пронзил меня двумя ледяными кинжалами своего взгляда. В голове зазвучал его лишенный всяких эмоций телепатический голос:

«Отдай Осколок!»

Мой ответ вряд ли был членораздельной ментальной речью (общаться телепатически я не умел). Скорее, он представлял собой бурную эмоцию, эквивалентную фразе:

«Хрен тебе!»

В телепатическом тоне престола появились оттенки, выдающие его ярость.

«Тогда ты сдохнешь, Э-маг! И никакой посмертной волны не последует, так как твою Силу мы подавим. А вот боли будет много – уж это я тебе обещаю!»

«Да пошел ты!»

Несмотря на магический натиск врага, я предельно четко ощутил, как престол немалым усилием подавил в себе гнев и постарался вернуть переговоры в русло холодной логики.

«Перестань сопротивляться, Логинов, и отдай Осколок! Тогда, быть может, мы оставим тебя и этих женщин в живых».

Вряд ли обещания этого высокопоставленного анхора в данной ситуации заслуживали доверия, но слова его заронили в мою душу сомнение. А может, в самом деле отдать ему Осколок? Авось второй раз они его не профукают. Да и Моргана с Алисой уцелеют... наверное. Вот только врет этот гад, как пить дать врет! Заберет часть Ключа и всех нас порешит. Чисто на всякий случай, так сказать, во избежание. Благо, возможность просто отличная. Когда еще такая представится? Или волю полностью подавит, сделав из нас зомби на своей службе. Лучше ли это смерти? Ой, вряд ли!

К счастью, колебания эти не заставили меня снизить интенсивность сопротивления, на что, вероятно, рассчитывал престол. Зато они спровоцировали событие, которое, скорее всего, не планировал никто из участников этого боя.

Натиск врага внезапно утратил синхронность, плотность и ту неодолимую всепоглощающую мощь, которой он до сих пор отличался. Анхоры, как будто, слегка смешались, и хватка их подавляющей Силу магии немного ослабла. Даже я, несмотря на свой дилетантский уровень в восприятии магических проявлений, и даже в условиях яростной атаки врага ощутил, что характер бушующих вокруг энергетических вихрей несколько поменялся, словно анхоры бились уже не только с нами, но и с кем-то еще. Вот только никого больше на поле боя я не видел. Неужели кто-то из Конклава взбунтовался? Такой вывод косвенно подтвердило замешательство во взгляде главного престола, который оглянулся назад, на своих. Естественно, Моргана с ее куда более разносторонними талантами ощущала перемену не в пример острее меня, и в глазах ее я увидел изумление.

Впрочем, удивляться и теряться в догадках можно будет позже, если, конечно, мы выскребемся из сложившейся пиковой ситуации. Пока же следовало попытаться по максимуму использовать изменившуюся обстановку для собственного спасения. Мысль эта одновременно пришла нам в головы (даром мы, что ли, отец и дочь?) и ярость нашего сопротивления возросла до того предела, на который мы только были способны.

Между тем магическая буря вокруг все меньше напоминала последовательно обрушивающиеся на прибрежные скалы многометровые волны и все больше казалась хаотически бурлящим гигантским котлом. Такое впечатление, что все новые и новые анхоры переключались на своего неожиданного противника, ослабляя натиск на нас. Мы по-прежнему не могли понять, кто именно из светлых Вторых вдруг стал лить воду на нашу мельницу, но нам, собственно, и не было до этого никакого дела: давление на нас все слабело. Мы продолжали, как безумные, рваться из сети, и она вдруг подалась! Пока ненамного, но лиха беда начало! Анхоры это тоже почувствовали и попробовали восстановить прежнее положение. Да только не возшло – необходимой слаженности достичь не удалось, да и в энергетической плотности атаки они явно сдали. Очевидно, слишком много сил и внимания требовал бой с новым врагом.

А мы рванулись еще сильнее. Еще и еще... Мы выдирались из сети, оставляя на ней кровь, кожу и ошметки мяса, но выдирались! Этот промежуточный успех вдохновил нас на новые свершения, и со следующими рывками мы уже вылезали выше той планки, которую до сих пор почитали для себя потолком. Сеть сделала еще одну попытку сжаться, встреченную очередным сверхусилием с нашей стороны, и... внезапно треснула!

Главный престол обернулся, и взгляд его был полон бессильного бешенства. Его магический удар я упредил, излив на него негативную волну страшной силы. Он вздрогнул, побелел и рухнул навзничь. Не мертвый, нет (на это интенсивности моей волны не хватило, так как большую часть удара отразил его щит), но точно выведенный из игры. И в то же мгновение мы с Морганой ощутили себя свободными.

«Ходу, дочка!» – мой выразительный взгляд, брошенный на нее, был понятен без слов. Мы ловко подхватили наших бессознательных спутниц и сомкнули свои руки. А в следующий миг нас уже там не было.

Предатель

Базовый мир – Внутренний обод.

Когда Влодмир пришел в себя, первыми ощущениями его были боль и слабость. А следом за ними нахлынула волна наичернейшей злобы. Считалось, что на такую способны лишь извечные враги светлых Вторых – криги и кромешники, но и анхоры оказались не лыком шиты. Впрочем, глава Конклава имел для подобных чувств более чем веские основания: блестяще задуманная операция сорвалась в самый последний момент, когда дело было уже практически сделано.

А ведь поначалу ничто не предвещало такого оглушительного фиаско. И почему только Влодмиру раньше не пришла в голову идея сперва лично отыскать Э-мага, а потом использовать экстренный зов, которому Конклав просто не мог не подчиниться?! В таком случае из операции исключались все организационные проволочки и долгое предварительное обсуждение на Конклаве. А главное – практически сводилась к нулю вероятность того, что предатель (если только он действительно состоял в правящем совете) предупредит Логинова об атаке, так как доминаторы и престолы до самого последнего момента не знали, зачем их призывает Влодмир. Ведь всего-то и нужен был стремительный и мощный удар в лучших традициях древних войн, когда светлые Вторые еще не поддались лени и не обрели пагубной привычки долго и нудно расточать словеса, перед тем как за что-то взяться.

Вдобавок, эта операция могла принести и еще одну пользу. Кто бы из верхушки анхоров ни был предателем, вряд ли в его планы входило то, что Влодмир завладеет одним из Осколков и прижмет к ногтю Э-мага. Такая вероятность почти наверняка спровоцировала бы этого гада на необдуманные действия, которые выдали бы его с головой. Вот такой двойной удар задумывал глава Конклава.

К сожалению, престол, отличавшийся известным пренебрежением к коренной расе Базового мира, не знал их расхожей поговорки о погоне за двумя зайцами. А ведь как хорошо все начиналось!

Э-мага с криганками грамотно взяли в кольцо и начали методично давить «глазом бури», подавляющим и высасывающим Силу. Даже Логинов со своими спутницами, взявшие верх над четверкой харров, не способны были противостоять объединенной мощи полного Конклава и отряда форсов. Они, конечно, сопротивлялись, как одержимые, но всем было ясно, чем в итоге закончится этот бой: у Э-мага не было ни малейшего шанса.

И вот, когда защитные возможности Логинова и его команды дошли уже до последнего предела (а Влодмир это отлично чувствовал), в дело вступил предатель, о котором глава Конклава в пылу боя, грешным делом, уже почти успел забыть. По его расчетам ренегат должен был либо проявить себя раньше, либо не проявить вообще. Более того, столь долгое бездействие скрытого врага наводило на обнадеживающую мысль, что Влодмир ошибся, и среди членов Конклава его просто нет.

Увы, все оказалось совсем не так, и враг ударил, когда этого уже никто не ожидал. Сначала Влодмир ощутил сбой в течении энергии, питавшей Силой «глаз бури». Затем он повторился, что привело к образованию в ткани аркана существенного разрыва. И вот тут последовала прямая атака на него, Влодмира и тех престолов из Конклава, которые принимали самое активное участие в давлении на Э-мага. Высший анхор почти физически ощутил напряжение и буквально стон сворачиваемого в тугую спираль пространства. Аркан такой мощи и изошренности даже для престолов был высшим пилотажем и почти никогда не применялся из-за своей сложности и энергоемкости. Вот Первые его активно использовали во время Войны Тринадцати. Поэтому Влодмир вряд ли успел бы среагировать и смог защититься от такой атаки. И быть бы ему сейчас покойником, если б не его форсовская гвардия. Двое его охранников из

касты сил всю свою жизненную энергию без остатка вложили в щит, спасший его от страшного удара.

Потом уже и ему, и остальным членам Конклава приходилось делить внимание и Силу между Э-магом и предателем, которого даже вычислили не сразу. В бушевавшей магической буре было не так-то просто определить, от кого из анхоров исходят волны враждебной магии. Однако новый удар изменника, ухитрившегося создать небольшую энергетическую черную дыру, престолы уже встретили во всеоружии. Они справились с его атакой, при этом изо всех сил пытаясь не упустить из своих сетей Э-мага сотоварищи.

Предатель, к счастью, был всего один, но даже при подавляющем численном преимуществе «правоверных» анхоров бой на два фронта давался им нелегко. Только теперь, наконец, стало ясно, с кем они воюют. Сарк – спокойный, лояльный и рассудительный, которого, казалось, вполне устраивало пребывание на вторых-третьих ролях в Конклаве, – именно он оказался тем злым гением, что причинил в последнее время столько бед. Секундный шок сменился у Влодмира вспышкой лютой злобы, и он обрушил на изменника свою мощь, телепатически скомандовав всем доминаторам не отвлекаться на Сарка и продолжать давить Логинова.

Казалось, двух-трех престолов против ренегата вполне хватит, но тот оказался неожиданно могучим противником, скользким как змея и таким же смертельно опасным. Влодмир никогда не подозревал, что этот во всем средний престол владеет такой мощью и магическим искусством. Даже втроем с Бракаром и Диттой они не могли его одолеть, а ведь оставался еще Э-маг со своей криганкой, которые, ощутив слабость в подавляющей магии, удвоили свои усилия в попытках освободиться.

Влодмир понимал, что предателя следует вывести из игры как можно скорее, иначе все будет потеряно. И он, скрепя сердце, дал команду еще двум престолом переключиться на Сарка. Только тогда они стали, наконец, одолевать, но именно в этот момент проклятый Э-маг разорвал сеть «глаза бури». Внутри Влодмира это отозвалось острой болью, и он повернулся к Логинову, чтобы нанести ему мощный силовой удар, но не успел: Э-маг атаковал первым. Удар его был страшен. Не потратить Логинов столько сил на сопротивление их натиску, престола ничто не спасло бы. Правда, он успел вложить всю собранную для атаки мощь в щит, но все равно Влодмира опрокинуло навзничь. В глазах его потемнело, и все тело охватила острая боль. Отчаянно борясь с беспомощностью, он в бессильной ярости наблюдал, как сначала исчезает со своими спутницами освободившийся Э-маг, а секундой позже – и Сарк, воспользовавшись тем, что после выведения из игры Влодмира натиск на него тоже заметно ослаб.

Глава Конклава, находясь в полубессознательном состоянии, руководить операцией уже не мог и превратился в стороннего наблюдателя. Дальнейшие действия его коллеги по правящему совету совершали уже по собственному разумению. Четверо престолов пустились преследовать Сарка, а весь остальной Конклав устремился за Э-магом. Вот только веры в успех хотя бы одной из двух этих погонь у Влодмира не было. Вне себя от гнева и собственной беспомощности, он изрыгнул в адрес своих врагов самое страшное из ведомых ему проклятий и, потратив на это последние силы, отключился на руках верных форсов.

* * *

Провал, катастрофа, фиаско... Эти и другие подобные слова приходили сейчас на ум Влодмиру, едва он начинал думать о столь бесславно завершившейся операции. Сбежал в неизвестном направлении предатель Сарк. Э-маг и его криганка вместе с Осколком тоже скрылись, и вряд ли в ближайшее время представится столь же замечательная возможность схватить их.

Кстати, властительницу Диллину, несмотря ни на что, следует поощрить повышением по касте. Уж кто-кто, а она-то в этой неудаче точно не виновата. Влодмир припомнил, что билась Диллина как львица, все свои скромные силы залив в «глаз бури». А сделала находчивая

властительница и впрямь немало. Если б не она, такого шанса поймать Логинова Конклаву не видать, как своих ушей. Пусть, пусть станет доминатором. Еще один безгранично преданный член этой касты Влодмиру в сложившихся обстоятельствах совсем не помешает.

А обстоятельства складывались куда как неблагоприятно. После двойного поражения авторитет главы Конклава пошатнулся. Конечно, причину для экстренного зова высшие анхоры признают вполне уважительной, но вот недостаточная подготовленность операции будет наверняка поставлена ему в вину. Хотя, сумей они скрутить одновременно Сарка и Логинова, сейчас бы Влодмира разве что на руках не носили и пели бы осанну. Но история сослагательного наклонения не приемлет. Случилось то, что случилось, и теперь придется иметь дело с последствиями. Сейчас его не преминут укусить как явные оппозиционеры (Тэйн и Сильвиана), так и тайные, которых в Конклаве наверняка хватает: его растущие власть и авторитет многим не по нутру. Да и повод есть просто замечательный – с какой стороны ни глянь, он кругом виноват. Точнее, все дело легко можно представить именно таким образом. Так что в ближайшее время ему предстоит заниматься политическими дрызгами, а не насущными делами: поиском харров, охотящихся за Осколками, Э-мага с командой и предателя Сарка.

Кстати, исчезновение последнего сейчас тревожило главу Конклава едва ли не больше всего остального. Где-то он сейчас и что замышляет? Вряд ли может быть что-то хуже, чем иметь врага, столь осведомленного о твоих делах! Впрочем, тут он не совсем прав: ситуация была бы куда более удручающей, если бы Влодмир до сих пор не знал имени предателя. А так, по крайней мере, враг из тайного стал явным и больше не сможет подрывать их дело изнутри. Да и новейшей информации из их лагеря теперь получать не будет. Так что кое-какие плюсы в данном положении все-таки есть. Неплохо бы еще, чтобы они стали аргументами в его пользу на ближайшем заседании Конклава.

Проклятие! Из-за этой боли и слабости мысли путаются. Удар Э-мага на третьем уровне Силы – очень неприятная штука. Так что первым делом следует заняться собственным исцелением, а уж потом – думать, думать и думать, благо, в темах для размышлений недостатка не наблюдается.

Ярость Демиурга

Метрополия Сокрытого.

Мощная отрицательная Э-волна обрушилась на вершину скалистого пика, молчаливым стражем нависшего над входом в Туманную долину. Покрытый ослепительно белым снегом клык, венчающий громадную гору, обломился словно гнилая деревяшка и с грохотом понесся вниз страшной силы обвалом. Но Сокрытому этого было мало: бездушный камень не страдает и не испытывает боли. Демиургу же было просто необходимо выместить на ком-то свое бешенство, иначе оно могло просто задушить его.

Хозяин мира всевидящим взглядом принялся обшаривать свои владения и вскоре обнаружил подходящую жертву – небольшой городок на окраине Силурийской империи. Волна злости Сокрытого ударила в каменистое плато, на котором и располагался этот населенный пункт, буквально расколов составляющие его породы. Трещина быстро побежала вглубь и в стороны, расширяясь и ветвясь. Прочнейшие пласты, ведущие отсчет своего существования с далеких дней Сотворения, стали смещаться друг относительно друга, и в спокойнейший городок, давным-давно не ведавший стихийных бедствий, пришло страшное землетрясение. Паутина трещин бежала по улицам и площадям, земля содрогалась, словно в конвульсиях, а каменные постройки рушились или исчезали в разверзавшихся там и сям жутких провалах в неведомые бездны. А затем оттуда выплескивалась раскаленная лава и огненными реками текла по улицам обреченного городка.

Жители в панике носились по улицам, лихорадочно пытаясь спасти своих близких и хоть какие-то ценные вещи, но разбушевавшаяся стихия была беспощадна, бросая все новые и новые жертвы на алтарь божественной ярости. Вопли ужаса и агонии, оглашавшие окрестности, сливались в один протяжный стон, который музыкой звучал в ушах Сокрытого. Землетрясение не унималось, пока городок не был полностью уничтожен, заплатив столь страшную цену за то, что хозяину мира здорово испортили настроение.

Только когда погиб последний житель, ярость несколько унялась в душе Сокрытого. Пламя погасло, залитое рекой крови, но осталась копоть досады и горестного недоумения. Как?! Ну как столь хорошо складывающееся дело могло в одночасье пойти наперекосяк?! Ведь все действующие лица были на виду, все, вроде бы, под контролем... Проклятый Логинов! Даже ошибаясь, он ухитряется причинить ему, Сокрытому, целую кучу неприятностей. Собственная беспечность и головотяпство Э-мага привели к тому, что он вместе с дочерью и Осколком вполне мог оказаться в руках Конклава. При этом стоит отдать должное хитрому Влодмиру: престол едва не обставил его, Демиурга!

Естественно, Сокрытый этого допустить не мог и вмешался, пожертвовав чрезвычайно ценной марионеткой, на создание которой потратил столько сил и времени, да еще и себя едва не раскрыл. Ведь во время боя с анхорами обстоятельства сложились так, что еще чуть-чуть и Демиургу осталось бы только воспользоваться Силой Первых, что превратило бы просто плохую ситуацию в ужасную. К счастью Логинову удалось вырубить Влодмира, что позволило Сокрытому выдернуть с поля боя свою марионетку. Правда, потом еще долго пришлось играть в пятнашки с преследующей его группой высших анхоров, и лишь особые трюки, известные одним Первым, дали возможность, наконец, стряхнуть с хвоста погоню.

Безусловно, телесная оболочка и воспоминания престола Сарка по-прежнему оставались в распоряжении Демиурга, но толку от этого теперь было немного: его больше нельзя использовать в качестве внедренного агента и держать через него руку на пульсе деятельности всех светлых Вторых. Да и ресурсов Внутреннего обода, к которым Сокрытый получал доступ посредством Сарка, будет очень не хватать.

И вот за все это вкупе следует «благодарить» Э-мага! Нет, с ним нужно покончить и чем быстрее, тем лучше. Конечно, заложенная в инквизитора Шестакова кармическая программа – штука хорошая, но когда-то она еще сработает? А Логинов уже сейчас как кость в горле. Но прежде, чем что-либо предпринимать по этому поводу, следует забрать у Э-мага Осколок. Как? Есть одно хорошее средство. Но...

Может быть, все-таки не торопиться? Эмоции, конечно, – почти идеальный источник Силы, но весьма плохой советчик. А сегодня один необдуманный поступок он уже совершил. Может быть, хватит? Возможно, пока Логинов жив, и Осколок у него, из этой ситуации еще можно будет извлечь некоторую выгоду. Э-маг, конечно, – серьезная головная боль, но кроме того – еще и весьма мощное средство воздействия на реальность. А такое очень даже может пригодиться. Да, харров стало на одного меньше, но и троица их на завершающей стадии станет изрядной помехой. А устранять ее с помощью анхоров или кригов – слишком затруднительно, да и опасно, так как это может привести к тому, что все Осколки окажутся в руках Вторых. Не вариант.

Выходит, Логинов пока нужен. Один из Осколков у него, и харры, вполне вероятно, попытаются его добыть, а тогда... возможны всякие варианты. Так что пусть себе работает кармическая программа инквизитора. Если понадобится, ей всегда можно будет помочь и забрать у Э-мага Осколок. Так что, живи, Логинов, пока тебе это дозволяется, и наслаждайся земным существованием, ибо осталось тебе ой как немного!

Погоня (из воспоминаний Игоря Логинова)

Где-то в Базовом мире. 17 декабря 2010 года

Вспышка... Тьма... Вспышка... Тьма... Во время вспышек перед моими глазами мелькали самые различные пейзажи, тут же поглощаемые мраком телепортации. Меня так и подмывало спросить дочь, сколько мы еще собираемся скакать с места на место, но я сдерживался: Моргана явно знала, что делала. Если она продолжает телепортироваться, значит, чувствует погоню, а опыт бегства от Конклава анхоров у нее уже есть, и неважно, что он печальный.

Вспышка... Тьма... Вспышка... Тьма... Как-то некстати припомнилось, что в прошлый раз сбросить с хвоста светлых Вторых ей так и не удалось, да и бегство от них куда более искусственной в таких делах Лилит также успеха не снискало. Анхоры были цепкими, словно клещи. К тому же, теперешнюю ситуацию отягчали сразу несколько обстоятельств. Во-первых, после схватки в Норвегии моя дочь была основательно вымотана. А во-вторых, на ней балластом висели сразу три «пассажира»: лишившиеся сознания Алиса и Данира, а также не умеющий телепортироваться отец. Так каковы же шансы на успех? Похоже, они совсем невелики.

Вспышка... Тьма... Вспышка... Тьма... Погоня, похоже, не отстаёт. На сколько же еще скачков хватит Морганы? Уже и меня-то начинает подташнивать с непривычки: столько раз распадаться на атомы и собираться вновь – не шутка. Так что же делать – принимать бой? Давайте считать. В Конклаве пятнадцать анхоров, хотя нападавших было явно больше. Видимо, враги усилились за счет низших каст. Некоторые в бою погибли, а главный анхор выведен из строя моим ударом. Надолго или нет – неизвестно, но в погоне, скорее всего, он участия не принял. Кто-то из низших должен был остаться с ним. При везении – даже все. Оставшиеся, скорее всего, разделились на две части. Первая, вероятно, занялась тем предателем, что неожиданно повернул против своих там, в Норвегии, вторая – погналась за нами. Итак, берем самый лучший для нас расклад. Таким образом, в преследовании участвует лишь Конклав без низших, а также за вычетом главного и предателя. То есть тринадцать анхоров высших каст. Разделились они вряд ли поровну: нас, все-таки, двое. Так что, исходим из расчета четверо или пятеро за предателем, а остальные – за нами. Тогда в сухом остатке получаем восемь или девять доминаторов и престолов против нас двоих. Многовато, однако! Боюсь, не сдюжим. И какой же выход?

Вспышка... Тьма... Вспышка... Тьма... Я уже перестал считать скачки, но их было уже верных несколько десятков. Еще немного – и Моргана выдохнется, если я сейчас ничего не придумаю. Эх, жаль, что при бегстве моя Сила полностью бесполезна, и ничем помочь своей дочери я не могу, кроме как слегка подпитать ее энергией... Стоп, как это не могу? А Данира? Она-то великолепно умеет телепортироваться, и если я ее сейчас приведу в чувство... (Вспышка... Тьма... Вспышка... Тьма...)...то наш отряд получит второго телепортанта. Мы разделимся. Я пойду с Данирой, тем более что связь «темных оков» продолжала работать, а Моргана продолжит таскать с собой бессознательную Алису. Мысль оставлять ее была мне совсем не по душе, но слишком нагружать ламию тоже не стоило: ее перемещательная выносливость наверняка уступала таковой у моей дочери.

Так, стоп! Это в принципе, а здесь имеют место два особых фактора. Первый: Моргана изрядно вымотана схваткой, а Данира почти все время пробыла в отключке, так что сейчас она будет практически свеженькой. Второй: если моя дочь таскала на себе всех троих спутников, то ламии придется перемещать лишь себя, так как меня за ней потащит магический поводок «темных оков», а бесчувственную Алису буду на себе таскать уже я. Таким образом, уставшей Моргане станет на порядок легче, да и я не буду тревожиться за *свою* женщину, ибо она будет со мной, и при первой же возможности приведу ее в чувство. А что получается на выходе? Враги тоже вынуждены будут разделиться, а четверо или пятеро – уже не так страшно. С таким

количеством я могу попробовать и схватиться, если только анхоры, прикинув расклады, сами не испугаются.

Вспышка...

– Тормозни-ка, дочка, ненадолго.

– Догонят ведь! – недовольно буркнула Моргана, но очередного скачка совершать не стала.

– А мне всего несколько секунд надо, – успокоил я, тут же принявшись активно излучать положительную Э-магию на Даниру.

– Зачем это тебе? – поинтересовалась Моргана.

– Разделимся, – бросил я в ответ, не отвлекаясь от процесса. – Я – с Данирой и Алисой, а ты – в одиночное плавание.

Сперва в глазах дочери вспыхнул протест, но мгновение спустя ее лицо просветлело. Как же, все-таки, здорово, когда кто-то понимает тебя с полуслова! Между тем, ламия очнулась и села на земле, ошеломленно озираясь по сторонам. И в этот миг вокруг стали материализовываться анхоры.

– Ходу! – приказал я Данире и от души шарахнул Э-магией по первой же возникшей фигуре преследователя. Анхор сложился пополам и полетел на землю.

Ответного удара мы не стали дожидаться и дружно исчезли: ламии тоже не пришлось десять раз объяснять задачу – видимо члены Конклава в непосредственной близости сработали как отличное наглядное пособие и мотиватор заодно.

Тьма... Вспышка... Нас теперь осталось трое: Моргана совершает скачки совсем в другом направлении. Надеюсь, сработает.

– Не останавливайся! – крикнул я криганке.

Послушалась – снова тьма... и вспышка. Еще примерно десяток скачков – и я дал команду «стоп». Если получилось, то анхоры уже должны были отстать. Если же нет, то продолжать бегство бесполезно – надо принимать бой. Подождали немного. Минуту... Две... Никого. Ура – отстали! Мы с Данирой обменялись радостными взглядами. Только тут я заметил, что в последние минуты даже дышать стал осторожно – еле-еле, словно это могло нам помочь. И немедленно вздохнул полной грудью. Надеюсь, у Морганы тоже все хорошо. Ладно, порядок – теперь можно и оглядеться... Вокруг простирался достаточно пустынный тропический пляж. Лазурные волны ласково набегали на берег и с тихим шелестом откатывались. Под ногами был мелкий песок, а метрах в двадцати – сплошная стена пышущей здоровьем зелени, среди коей преобладали пальмы. Отличный антураж а-ля «Последний герой». Было жарко, и я сразу же скинул свитер. Конечно, Э-магическая терморегуляция работала в обе стороны: не только согревала в холод, но и охлаждала в жару, однако положительная сторона моей Силы нужна была мне сейчас совсем для другого – ведь Алиса все еще пребывала в беспомощности. Вот вылечу ее, тогда и...

Я осторожно опустил на песок свою драгоценную ношу и принялся излучать позитивную волну. Тихо, аккуратно, постепенно наращивая интенсивность. Нас наверняка только что с собаками не ищут, и любые импульсы Э-магии выше первого уровня Силы могут выдать наше местоположение врагу. А новая битва нужна была мне сейчас, как торт диабетика. Спокойно, спокойно... Я чувствовал ее состояние: ничего особенно страшного, что могло бы потребовать целебных волн высокой мощности. При одном взгляде на Алису тепло поднималось из глубины души. Ангелов обычно изображают белокурами, но она в таком случае – исключение. В памяти сами собой всплыли слова известной песни:

Ты – не ангел, но для меня,
Но для меня ты стала святой.
Ты – не ангел, но видел я,

Но видел я твой свет неземной.
Пусть не ангел ты, но если мне темно
Приносишь ты счастливую весть.
Пусть не ангел ты, мне это все равно,
Ведь для меня сошла ты с небес.¹

Я стал их мысленно повторять, и мне показалось, что они заработали, подобно заклинанию, усиливающему действие положительной волны. И все же, только на пределе первого уровня Силы щеки ее наконец порозовели, дыхание стало ровным, а затем открылись глаза. В первое мгновение в их темно-серой, почти черной глубине вспыхнула радость узнавания, впрочем, тут же сменившаяся смятением и ошеломлением. Я ничего не понимал: откуда что взялось? Ведь все, вроде, нормально: она жива, мы в безопасности, и я с ней рядом. Или я ошибся в интерпретации ее взгляда? Да нет – мой Э-детектор однозначно подтверждал только что сделанные выводы, дополняя их еще и едким привкусом страха. Еще того не легче: боится-то она кого? Меня что ли?

– Алиса, ты в порядке?

Вопрос был из списка тех, что всегда раздражали меня в американских фильмах. Но тут он оказался единственным, пришедшим мне в голову. Я осторожно положил руку ей на плечо и вдруг почувствовал, как она напряглась. Такое впечатление, что она лишь огромным усилием воли поборолла настоящее желание отпрянуть.

– Алиса?..

– А?... Я – да, спасибо... Все закончилось?

– Вроде того. Мы сбежали.

– А где Моргана?

– Она скоро к нам присоединится.

Вид у Алисы был такой, словно она мучительно пытается сообразить, какой бы еще вопрос задать, так как молчание под моим испытующим взглядом было ей все же тягостнее разговора. Э-детектор подсказывал мне, что Хохлова отчаянно борется с бушующим внутри ураганом эмоций и не может с ним справиться. Глаза ее упорно избегали встречи с моими, но альтернатив было не слишком много: та же Данира мерила бывшую инквизиторшу взглядами, весьма далекими от дружелюбия. Готов биться об заклад, что ламия была бы просто счастлива, если б Алиса не пережила минувшего боя с Конклавом.

В общем, терзающие Хохлову эмоции я ощущал достаточно четко, а вот понять их причины никак не мог. Что случилось, пока она была без сознания? Память вернулась? Так я, вроде, ни ей, ни Ордену ничего плохого еще сделать не успел... Откуда же столь явный негатив? Тут поневоле и сам начнешь тревожиться... Нет, с этим надо что-то делать!

Мои пальцы нежно коснулись ее подбородка, легко и ненавязчиво поднимая ей голову и давая мне, наконец, возможность более внимательно посмотреть в недавно такие теплые и родные, а сейчас – холодные и чужие темно-серые глаза. Да, все так – страх, смятение, растерянность. Тут же излученная мною положительная волна средней интенсивности если и помогла, то незначительно.

– Милая, – тихо произнес я, окончательно теряясь в догадках, – тебя что-то беспокоит?

В глазах Алисы выступили слезы.

– Игорь, я...

Секунду спустя она резким, порывистым, если не судорожным движением рванулась вперед и обняла меня за шею, спрятав лицо на моей груди. Плечи Алисы вздрагивали от рыданий.

¹ Слова С. Осиашвили.

– Ну, ну, не надо, – стал приговаривать я, нежно поглаживая ее по волосам. – Все наладится, все будет хорошо...

Каждое свое слово я сопровождал положительной волной, окатывающей молодую женщину с головы до ног, и ощущал, как постепенно оставляет ее вцепившееся в сердце мертвой хваткой напряжение, как расслабляются почти сведенные судорогой мышцы спины, уходит дрожь и нехотя сдает свои позиции поселившийся в душе Алисы негатив. Только радоваться своей локальной победе я не мог, ибо знал, что все это вернется подобно тому, как неизменно возвращается боль, причина которой неизвестна, и которую лишь приглушили сильным лекарством.

Ночные призраки сельвы (номер шестой)

Бразилия. Бассейн реки Мадейра. Ночь с 17 на 18 декабря 2010 года.

Джунгли никогда не спят. И ночью их заполняет множество различных звуков, которые для того, кто умеет слушать и понимать, могут рассказать много интересного. Этакая драматическая повесть о жизни и смерти. Или (если слушатель романтично настроен) – ночная симфония сельвы².

Но принципа Даннела вряд ли можно было отнести к романтикам. Даже в известной своим прагматизмом касте начал он выделяться особым хладнокровием и расчетливостью. Как раз эти качества и побудили его, как хранителя Осколка, избрать в качестве своей штаб-квартиры самое сердце девственных джунглей в бассейне Амазонки. Тому было сразу несколько причин.

Начать с того, что местность, в которой он поселился, считалась весьма труднодоступной и интереса у обычных людей, как правило, не вызывала. Это и было первым кругом обороны – кто попало в такую глушь точно не ползет. А если учесть, к тому же, недружелюбность местной фауны – хищников, ядовитых змей и насекомых, которых тут водилось немало, то остается только поаплодировать выбору Даннела. Сам дом от всех неприятных местных обитателей принцип оградил сравнительно несложным и неэнергоемким отпугивающим арканом. Воздействовал он и на крайне редко появляющихся в этих краях людей, вызывая в них безотчетный страх и острое желание поскорее уйти отсюда подальше. Третьим плюсом амазонской сельвы являлось то, что в столь редко населенной местности засечь появившихся незваных гостей (особенно – обладающих Силой) не составляло ни малейшего труда, в то время как его жилище отыскать было весьма сложно, ибо магический фон от постоянно действующего отпугивающего аркана принцип тщательно маскировал. Девственные тропические леса позволяли также расставить в окрестностях дома большое количество магических ловушек в «спящем режиме». Выявить их сканированием возможным не представлялось, а риск того, что на них нарвется кто-нибудь случайный, тут стремился к нулю. К тому же, животный мир джунглей нес еще одну полезную функцию: на появление опасных чужаков голосистые птицы и обезьяны реагировали либо громкими воплями, либо напротив – гробовой тишиной.

Именно это побуждало Даннела время от времени вслушиваться в звуки экваториального леса, в которых он уже разобрался не хуже ученого-зоолога, всю жизнь посвятившего изучению фауны сельвы. Вот глухое гортанное ворчание ягуара, затем предсмертный визг попавшейся в лапы хищника пекари. Слышатся громкие вопли обезьян тити, крики попугаев, непрекращающийся стрекот насекомых. Обычный ночной концерт джунглей Амазонии. Ничего подозрительного. И *особые* чувства тоже молчат. Носители враждебной Силы Пустоты в окрестностях отсутствуют. А разлитая в воздухе темнота – всего лишь обычная темнота тропической ночи, без всякой примеси жуткого голодного мрака, источаемого кромешниками. Короче, никаких оснований для тревоги.

Даннел даже купол, блокирующий нестандартные перемещения вокруг своего дома, не ставил. Главной защитой его была скрытность: пока враги понятия не имеют, где он, им сюда и соваться незачем, а давать им дополнительный пеленг в виде излучения от стационарно действующего блокирующего аркана – верх глупости. Даже узнай харры примерный район обитания принципа, им придется для начала еще отыскать его, банально прочесывая многие гектары девственной сельвы. А в таком поиске купол «блокады перемещений» станет верным союзником... его врагов, ибо такое заклятие уже не замаскируешь, и отыскать его направленным сканированием ничего не стоит.

² Сельва – название влажных экваториальных лесов в Южной Америке, Африке и Азии.

Нет уж – скрытность, скрытность и еще раз скрытность. Порой, для обеспечения безопасности она служит куда эффективнее изошренных защитных заклятий или целой толпы охранников. Кстати, об охранниках – один такой у Даннела имелся, да не абы кто, а форс из элитного отряда, вооруженный, к тому же, «расщепителем». Чем не охрана? Правда, пришлось допустить его на свою территорию, но тут уж ничего не поделаешь – с престолом Влодмиром не поспоришь. Кроме того, все же, с таким асом боя он чувствовал себя куда спокойнее, чем в одиночестве. Форсу Дмиану было дано строгое указание сидеть тихо, не высовываться и магией пользоваться только в случае крайней необходимости.

Так что, в настоящий момент хранители Осколка находились в положении субмарины, лежащей на грунте. Но если для принципа подобный образ жизни был в порядке вещей, то форс явно страдал. К проблемам вынужденного заточения на ограниченной территории добавлялся весьма необщительный характер привыкшего к одиночеству принципа. Вот и сейчас последний оставил своего охранника в доме и вышел подышать ночным воздухом джунглей, в котором, в отличие от дневного, не так явно доминировала жаркая духота.

«Зона отчуждения», сформированная заклятием, отпугивающим представителей местной фауны, была не так уж велика: ее радиус не превышал двадцати метров. Так аркан требовал меньше энергии, и его проще было скрыть от чужого сканирования. Принцип, давно развивший сильное ночное зрение в своем созданном для условий Базового мира теле, без труда мог наблюдать, как кипит по ту сторону периметра «зоны» ночная жизнь сельвы.

Вот на ветвях гевеи застыл сапфирово-синим изваянием гиацинтовый ара – один из крупнейших и красивейших попугаев Земли. Постепенно сбавляют дневную активность обезьяны – тити, ревуны и капуцины. Первых скорее слышно, чем видно (их вопли раздаются в отдалении). Ревуны же, похоже, собираются выспаться перед утренними концертами, которые непривычного человека могли быстро довести до белого каления, но анхоры, способные блокировать доступ к своим ушам шума любого тембра и громкости, не обращали на этих «вокалистов» никакого внимания. Зато одного из ревунов человек, кажется весьма заинтересовал: обезьяна уселась на ветке и с вниманием прилежного студента-первокурсника уставилась на Даннела. Принцип ответил животному не менее пристальным взглядом: мало ли кто мог глядеть его глазами? Да нет – вроде, обычное обезьянье любопытство.

Где-то в вышине, среди широких листьев пятидесятиметровых пальм мелькнула злоеющая тень гарпии – крылатой грозы местных приматов. Активность обезьян в окрестностях «зоны» резко уменьшилась: они тоже заметили опасного хищника и попрятались. Только ревуны-«наблюдатель», да попугай остались на местах, хотя и тому и другому не поздоровилось бы, вздумай гарпия тут поохотиться. Однако той, похоже, было не до этого – она возвращалась к своему гнезду, которое (Даннел это точно знал) находилось в паре сотен метров к северу отсюда.

А вон в кроне кофейного дерева вспыхнули два изумрудных огонька. Там расположилась марги – мелкая пятнистая дикая кошка.

«Надо же, сколько сегодня посетителей! – несколько удивился принцип – прямо паломничество какое-то!» Подобное иногда происходило, однако довольно редко. Может, все-таки, совпадение? Надеяться на лучшее, конечно же, не возбраняется, но для душевного спокойствия необходимо все тщательно проверить.

Так, с кого же начать? Тень гарпии в небесах мелькнула и пропала. Значит, это был всего лишь хищник и ничего более. Одним объектом меньше. Теперь ревуны. Взгляд принципа без труда отыскал обезьяну в ветвях гевеи. Она сменила дислокацию, перебравшись повыше, однако наблюдать за домом не перестала. Подключаем маги-зрение... Да нет, все нормально. Никаких признаков дистанционного управления или прямого использования тела животного сторонней сущностью. И все же под особым взглядом принципа, ревуны поежился, сделал большой скачок на соседнее дерево и короткими перебежками скрылся во мраке ночи.

Переходим к попугаю. Но гиацинтовый ара не стал дожидаться сканирования, сорвался с ветки и улетел. Интересно, что бы это значило? Попугаем управляли и отвели своего разведчика, когда возникла угроза разоблачения? Или птице просто наскучило тут сидеть, и она полетела по своим делам? Лучше бы второе, но сейчас это уже никак не проверишь.

Ладно, нужно сосредоточиться на том, что доступно. Марги. Отыскать кошку было бы несложно даже обычному городскому жителю. Два ярко-зеленых огонька ее глаз в темноте были видны превосходно. Да она и не скрывалась. Сидела и смотрела не отрываясь. Ночь для таких кошек – самое активное время, когда они выходят на охоту. Эта же, казалось, объявила на сегодня выходной. То ли уже успела насытиться, то ли наблюдать за человеком и его жилищем ей сейчас было, почему-то, интереснее. Занятно...

В очередной раз снабдив свой взгляд магической присадкой, принцип попытался проанализировать, не скрывается ли в оболочке мелкого хищника нечто куда более опасное. Глаза анхора и кошки встретились. На мгновение принципу почудилось что-то странное, чужеродное, словно тень *присутствия*. Он попытался проникнуть своим взглядом глубже и тут же понял, что совершил ужасную ошибку. Сущность животного почти мгновенно исчезла, затопленная волной черноты. И в то же мгновение смолкли все звуки джунглей, сменившись буквально мертвой тишиной. Такое бывает, только если в лес приходит что-то настолько страшное, что необоримый ужас замораживает крики в горле каждого его обитателя, оставляя лишь беспомощное желание замереть на месте и надеяться, что это кошмарное нечто просто пройдет мимо, не заметив.

Даннел мгновенно рванулся прочь от сущности, обосновавшейся в кошке, вбирая в себя все свои маги-сенсоры, но было уже поздно: чужая воля словно тисками сдавила его сознание, не отпуская его. Принцип начал отчаянно биться, надеясь вырваться. И надежды эти не были беспочвенны: ведь столь малое существо вряд ли могло вместить полновесную сущность харра – плоть кошки просто не выдержала бы такого. Он оказался совершенно прав: внутри марги действительно находилась лишь часть темного сознания кромешника, позволявшая тому полностью контролировать эту материальную оболочку и наблюдать ее глазами за интересующим его объектом. Очевидно, так харры и отыскивали точное место обитания хранителя Осколка – задействовав в поиске множество подобных бессловесных тварей.

Но от этого запоздалого понимания толку было немного: сейчас, чтобы спастись, требовалось вначале вырваться. Однако частично вселенный в кошку кромешник клещом вцепился в сущность принципа, не в силах подавить его волю, но и не позволяя освободиться и начать вновь распоряжаться собственным телом, которое застыло, парализованное. А тем временем все остальные охотники за Осколками уже наверняка во весь дух мчались сюда, восприняв сигнал удачливого разведчика.

Вспышка! И черное нечто, оккупировавшее тело древесной кошки, в ужасе шарахнулось прочь, разжав хватку. В следующее мгновение принцип снова стал свободен и смог понять, что произошло. Это форс почувствовал неладное, вышел из дома и сразу же разобрался в силовых линиях, тянущихся к Даннелу от марги. Его энергетический удар и разорвал узы, пленившие принципа. Еще одна вспышка... теперь уже «расщепителя» – и тело кошки распалось в прах. Хотелось бы надеяться, что вместе с тем, что его наполняло.

Действовать надо было стремительно. Даннел ничуть не сомневался, что все харры и помогающая им высшая криганка вот-вот будут здесь. И он метнулся в дом, к тщательно замаскированному тайнику с Осколком. Устанавливать сейчас купол «блокады» не только не имело смысла, а было даже вредно, так как почти наверняка им самим вскоре придется спешным порядком бежать отсюда посредством тех же самых «прямых переходов», если, конечно, враг позволит.

Раз, два, три... Действовать четко по схеме. Доведенный до автоматизма алгоритм снятия довольно сложной вязи охранных и маскирующих чар на тайнике. Процесс облегчался тем,

что можно было уже не скрываться, так как крошечники теперь точно знали, кто, что и где. Пять, шесть, семь... Затаить дыхание – и последнее действие, требующее наибольшей точности, хладнокровия и аккуратности... Готово! И вот уже ледяной кусок металла с острыми краями, излучающий в чрезвычайно неприятном магическом спектре, находится в руках принца.

Теперь – отступать, и чем быстрее, тем лучше. Из-за пределов дома, между тем, ощущаются ударные магические импульсы. Форс уже вступил в бой? Это плохо, очень плохо! Спрятав Осколок под одеждой и наспех накиннув на него маскирующие чары, худо-бедно экранирующие его излучение, принцип выскочил за дверь. Для оценки обстановки ему хватило нескольких секунд. Где-то в «межэтажье», между верхним ярусом гигантских пальм и средним – гевей и кофейных деревьев – нарезала круги гарпия. Но это была не простая птица. Аура ее читалась на раз: использующий тело крылатой хищницы харр теперь даже не думал скрываться. Напротив – ему требовалось отвлечь хранителей Осколка, не дать им сбежать до тех пор, пока не придут основные силы. А те уже приближались, и принцип это явственно ощущал по растущей тяжести и боли в груди. Надвигалась страшная угроза.

«Гарпия», похоже, вмещала в себя куда большую часть сущности крошечника, чем несчастная марги, и время от времени с ее когтей срывались гибельные черные «капли». Подобная магия была знакома принцу, и он знал: попади такая «капля» на незащищенную плоть – и сколь угодно живучее тело долго не протянет. Ответные импульсы форса цели не достигали: «птица» совершала в воздухе стремительные маневры, в результате которых магия анхора либо просто «мазала», либо задевала харра лишь краем и вскользь, что позволяло тому даже с помощью своих невеликих защитных способностей экранировать такие удары. Заряды «расщепителя» форс не тратил, справедливо полагая, что от его луча крошечник тем более сумеет уйти, а оружие это окажется значительно полезнее, когда сюда придут главные силы врага. Между тем, у принца не было ни малейших сомнений, что решит он сейчас уйти «прямым переходом», тварь сделает все, чтобы им помешать и ведь почти наверняка преуспеет.

Ее нужно было срочно убить или... От пришедшей в голову мысли Даннел едва с размаху не хлопнул себя по лбу. Как он мог забыть?! Вызвать престола! Именно такая инструкция была дана ему главой Конклава Влодмиром на недавней встрече. В крайнем случае он имел право обращаться на самый верх. А все нарастающие тяжесть и боль внутри, которые свидетельствовали о том, что харры совсем близко, однозначно говорили, что этот случай – самый что ни на есть крайний. Сосредоточившись, принцип испустил телепатический вопль о помощи на той самой ментальной волне, о которой они договаривались с Влодмиром. В ответ – тишина. Вязкая и глухая, словно его зов ушел в гигантский мешок с ватой. Между тем, магии, которая блокирует телепатию, принцип не ощущал. В чем же дело? Снова зов – и снова тишина. Это что же – абонент временно недоступен?! Как же, Пустота побери, такое может быть?

Разумеется, принцип не мог знать, что в этот самый момент престол Влодмир пребывал без сознания, а все остальные в полном смятении занимались в высшей степени конфликтным обсуждением провалившейся погони за Э-магом и предательства Сарка. Короче, высшим анхором было не до него.

Секунд десять у Даннела ушло на осознание того страшного факта, что помощи не будет. Рука принца нырнула в карман и сжала там шестигранник «последнего прости», с которым Даннел не расставался уже месяц.

Во времена Войны Тринадцати артефакты с этим самоубийственным арканом были весьма распространены, ибо на стороне Разрушителя воевало много крошечников, способных вселиться в тело Второго и завладеть всеми его знаниями. Для предотвращения подобных случаев и предназначались эти артефакты. Чтобы активировать «последнее прости», было достаточно лишь осознанного ментального усилия носителя, после чего мощный взрыв уничтожал как его самого, так и тех, кто находился поблизости.

И применялись они в ходе войны неоднократно. Вот только с тех пор утекло столько воды... Актуальность их ушла, и новых, за ненадобностью, не выпускали. Из старых запасов больше половины было использовано в период Криганских войн, а часть – различными путями утрачена. Вдобавок, немалое число артефактов пришлось забраковать: их чувствительность к ментальным волнам оказалась очень завышенной и за «осознанное усилие» иногда принималось просто сильное чувство страха. После нескольких ложных срабатываний в арсеналах Внутреннего обода была проведена тотальная проверка «последних прости», в результате которой около трети их было подвергнуто деактивации и уничтожению.

Таким образом, до настоящего времени сохранились лишь считанные единицы. Одним таким удалось разжиться Даннелу. Сначала он собирался сдать его в арсенал, но потом захотел поизучать на досуге. Ну а после начала охоты за Осколками и вовсе решил оставить себе. Похоже, правильно решил.

Борьба с приступом отчаяния у Даннела продолжалась секунд пятнадцать. Затем, огромным усилием воли разжав свои пальцы на «последнем прости», он решил присоединиться к форсу в его охоте за «гарпией». Вдвоем у них было куда больше шансов накрыть тварь боевым заклятием. Поймать ее в перекрестие лучей, подведя их с двух сторон, чтобы некуда было метнуться, и...

«Вместе» – коротко телепатировал Даннел форсу Дмиану, и тот молча кивнул. Принцип был не слишком искушен в магических баталиях, но против неполной сущности кромешника хватит и примитивных прямолинейных боевых арканов вроде «луча света».

Однако только он сосредоточил в ладонях энергию для удара, как боль в груди стала просто нестерпимой, а из-за деревьев надвинулись три громадные крылатые тени, выделяющиеся чернотой даже во мраке экваториальной ночи. Харры. Все скрытые ловушки, которые Даннел с таким тщанием настораживал вокруг своего жилища, оказались бесполезны, ибо были рассчитаны на врага,двигающегося по земле. Какая наивность с его стороны! Тени с таким огромным размахом крыльев, будучи материальными, просто не смогли бы летать в этом зеленом лабиринте древесных стволов, ветвей и лиан. Но здесь присутствовали лишь чистые сущности пустотных тварей, не обремененные плотью. А материальные оболочки, видимо, остались где-то неподалеку, под охраной высшей криганки.

Внезапно гарпия вошла в крутое пике, подобно летчику-камикадзе, и рухнула на землю без признаков жизни, а лишивший ее управляющей силы клочок тьмы слился с одной из теней. Сущность харры снова стала единым целым. Ослепительный луч «расщепителя» вспорол ночной мрак и ударил в центрального из трех крылатых чудовищ. Ударил... и стрелок аж скрипнул зубами от досады: тень каким-то непостижимым образом успела разделиться на множество мелких фрагментов, из которых от силы два-три попали в зону поражения оружия форса и сгорели. Уцелевшие метнулись вверх и вновь собрались там воедино. А в следующий миг харры хоботами бурлящей тьмы низверглись на землю и в нескольких шагах от анхоров возникли фигурами, смутно напоминающими человеческие.

Даннел услышал телепатическое «Уходите!» форса, переданное за мгновение до того, как тот вступил в битву. Колебался он от силы секунду. В конце концов долг хранителя в нем возобладал над всеми остальными чувствами, так как значимость Осколка была неизмерима выше жизни не только конкретного форса, но даже и любого члена Конклава. Ведь если все части Ключа соберутся в одних руках, и Тринадцатый получит свободу, в небе вспыхнет Руна Гибели. А тогда на Сферу Миров обрушатся такие бедствия, по сравнению с которыми обе Криганские войны покажутся детскими играми в песочнице. А раз так, выбор очевиден – бежать и бежать немедленно, пока харры заняты форсом. И времени-то практически нет, поскольку очевидно, что надолго он их не задержит. Нужно только отбежать подальше, чтобы мощные импульсы боевых заклятий, которые пустили в ход сражающиеся, не помешали применить «прямой переход»...

Однако спастись принципу было не суждено. За его спиной один из кромешников опустил две резко удлинившиеся «конечности» своей псевдоплоти и вонзил их в землю. Гибельная энергия Пустоты способна распространяться практически в любой среде. Но если в воздухе черные «щупальца» был способен отсечь один из боевых арканов форса, то под землей они могли перемещаться практически невозбранно. Так и получилось, что в самый решительный момент прямо из-под ног бегущего принципа вынырнули две энергетические плети и в мгновение ока спеленали его и сдавили, словно анаконда³ свою добычу.

На Даннела разом обрушились боль, удушье и яростный ментальный натиск харра, стремившегося подавить его волю. А через три секунды рядом с ним гигантской чернильной кляксой вырос из земли и сам кромешник, оставивший своих собратьев сражаться с форсом. Тот попытался, было, помочь своему подопечному, но два харра, атаковавшие его одновременно, пресекли эту попытку.

«Конец!» – вспыхнула в мозгу Даннела обреченная мысль. Еще немного – и жалкая скорлупа его ментальной брони треснет в тисках могучего врага. И тогда его тело, душа, знания и память сделаются добычей пустотной твари. Что может быть хуже этого? Принцип не колебался ни секунды и за миг до падения своей защиты успел-таки применить «последнее прости».

В следующее мгновение ослепительная вспышка разорвала темноту ночной сельвы. О, это был не просто свет, а убийственная, разрушительная энергия в огромном количестве. Она должна была уничтожить как тело и душу носителя артефакта, так и атаковавшее его исчадие Пустоты.

Но харр словно почувал что-то и в последний миг отпрянул от своей жертвы, расплетая смертоносные объятия и отчаянно пытаясь «закрыться». Лучи сжигающего света вонзились в составляющий его мрак, стремясь стереть его с лица Земли, словно пятно чернил с чистого листа бумаги. Но не сумели. Не так прост оказался харр. Мобилизованные им для защиты энергетические ресурсы несколько притормозили натиск света, да и сама сущность пустотной твари обладала завидной стойкостью. Немало энергии поглотили харры, отправляясь на охоту в сельву. Очень немало. И теперь она придавала им дополнительные силы и живучесть. И все же вспышка, в конечном итоге, неминуемо dokonала бы кромешника, не предприимчив он экстренное бегство. Чернильная клякса харра ушла в землю на глубину, куда не достигали убийственные лучи. И уже там устремилась прочь – к своей материальной оболочке, оставленной на попечение Лилит. Только находясь в материальном теле, раненый кромешник мог восстановить силы и вновь обрести боевой тонус.

Его напарники к моменту самоуничтожения принципа уже почти справились со своим противником. Собственно и возились-то они так долго лишь потому, что хотели взять его живым. Но вспышка, едва не ставшая роковой для третьего харра, резко поменяла их планы. Разрушительные лучи не достигли сражающихся, ибо выброс «последнего прости» хоть и был очень мощным, но совсем недалёбойным: энергия заклития полностью рассеялась в радиусе нескольких метров. Зато теперь харры получили наглядный урок, чем чревата попытка подавить волю форса. Более того – вдохновленный самоотверженностью товарища, тот мог последовать его примеру, и не дожидаясь подобной ситуации. Разумеется, создания Пустоты не могли знать, что «последнее прости» у защитников Осколка имелось в единственном экземпляре.

Наученные горьким опытом, харры стали действовать совершенно иначе. Несколько секунд спустя, улучив момент, они почти парализовали энергоплетью руку противника, в которой он сжимал «расщепитель», а затем, без особого труда отразив его встречное боевое заклитие, нанесли свой удар. На поражение. Струя мрака ударила в грудь анхора, преодолела его

³ Анаконда – крупнейшая змея на Земле. Достигает в длину 11 метров.

защиту и проникла внутрь. А еще через пару секунд его тело буквально взорвалось, расцветив ближайшие окрестности фейерверком из крови и плоти.

Но кромешникам было уже не до него. Там, где распалось прахом тело принцепы, холодно мерцало на выжженной земле то, за чем они сюда явились. «Последнее прости» было бессильно перед Осколком, и теперь испускающая зловещее свечение часть Ключа к Темнице Тринадцатого лежала, дожидаясь новых хозяев. И те не стали медлить: энергетическая «конечность» одного из харров обвила Осколок и подняла его с земли.

Крылатые твари тут же взмыли вверх и полетели над замершими в безмолвном ужасе джунглями туда, где их ждала Лилит и восстанавливающийся третий компаньон. Скоро, скоро пустотные создания покинут девственный лес, куда они принесли смерть. Миссия их здесь была выполнена. Очередь за следующим Осколком. До выполнения главной цели оставалось все меньше и меньше.

Смятение

Индонезия. Северное побережье острова Сулавеси.

Ночь с 17 на 18 декабря 2010 года.

К Алисе Хохловой сон не шел. Поэтому она выскользнула из бунгало подышать свежим ночным воздухом и заодно хорошенько подумать. А тем для размышлений имелось в избытке. Сколько же всего произошло только за один день 17 декабря, который по количеству событий мог бы, пожалуй, поспорить с несколькими месяцами, а то и с годом! Но самым важным для Алисы стал даже не налет анхоров и их чудесное спасение, а то, что произошло после, когда она уже пришла в себя. Чудовищный стресс и последовавшее за ним воздействие положительной Э-магии сотворили то, что до сих пор не удавалось одной лишь Силе Игоря Логинова – проломили прочную стену, отгораживающую ее сознание от прошлого, и воспоминания хлынули в мозг бывшей инквизиторши, словно вода, прорвавшая плотину. Она вспомнила все! Однако радости ей это не принесло.

Если за последние полтора месяца Хохлова не переставала мысленно торопить это событие, считая его своей самой заветной мечтой, то когда оно сбылось, внезапно ухнула в пучину страха, растерянности и сомнений. И предложи ей кто-нибудь теперь выбор: полное восстановление памяти или та жизнь, которую она вела предыдущие две недели – Алиса серьезно бы задумалась, что предпочесть. С одной стороны, снова стать прежней, вернуть все воспоминания, навыки, способности – это прекрасно, но когда за это платишь полной утратой душевного покоя...

Еще вчера Хохловой казалось, что она знает, на каком свете находится, с кем она, кто – друзья, а кто – враги. Теперь же все смешалось и перепуталось, будто в рассыпанном на полу содержимом коробки с паззлом. Острой болью вернулось воспоминание о Валере, и Алиса вдруг почувствовала себя предательницей из-за того, что бросилась в объятия другого мужчины. В этом не было никакой логики – ведь с момента гибели ее спутника жизни прошло уже более двух лет. Но кто и когда ищет логику в чувствах и эмоциях, особенно женских?! А этот другой... Он уже несколько раз спасал ей жизнь, и, похоже, очень любит ее. Ведь исходящие от Э-мага положительные волны – это не слова, и солгать они не могут. Да и чувство Алисы к нему было, пожалуй, не менее сильным. Казалось бы, что еще нужно для счастья?

Но вернувшаяся память разрушила идиллию. Человек, успевший стать для нее самым важным во всей Вселенной, открылся совсем с другой стороны. С удивительной живостью стоял перед глазами Хохловой тот ужасный февральский день 2009 года, когда чудовищная сила ненависти молодого Э-мага рушила дома и десятками уничтожала боевиков какой-то криминальной группировки. Жертв его Хохлова не знала, и вполне могла допустить, что чем-то они даже заслужили подобное, но вспоминая сейчас ту жуткую злобу, изливавшуюся из человека, который сейчас находился рядом с ней, Алиса вся холодела. Да, Сергей Александрович Шестаков, который, как сейчас вспомнилось Хохловой, действительно был ее наставником, там, в каирской гостинице пытался раскрыть ей глаза на темную сторону Игоря Логинова, но она тогда не поверила ему. Не захотела поверить. А он сказал чистую правду...

Ну или почти чистую. Ведь Орден, если честно, был не совсем объективен к Э-магу, рисуя его образ исключительно черными красками. Он не являлся одним лишь злом, и теперь Хохлова это точно знала: чего стоят хотя бы его непримиримые схватки с кромешниками! Правда, мотивы, толкнувшие Игоря в это противостояние, так до сих пор и не были ей доподлинно известны. Теперь, вернув свое прошлое, инквизиторша (не бывшая, нет – инквизиторы Ордена бывшими не бывают!) уже совсем иначе относилась к словам своего наставника насчет истинных намерений Э-мага. Та Алиса, утратившая воспоминания и млеющая от счастья рядом с Игорем Логиновым, даже допустить не могла, что ее возлюбленный способен на что-то вроде

того безжалостного февральского истребления. Он оказался способен. Так где гарантия, что он, обладая такой Силой, не встанет на сторону зла? Ее нет, хотя еще вчера подобная мысль показалась бы ей чуть ли не кощунственной. Теперь же Хохлова вся пребывала во власти сомнений.

Способен на зло... Бесспорно, но и на добро тоже! Вытащил же он ее с того света после роковой схватки с Данирой. Кстати, а почему проклятая криганка до сих пор рядом с ним?! Даже Алису-без-прошлого, знающую о роли ламии в ее почти состоявшейся гибели, это напрягало. А у полноценной Алисы Хохловой, младшего инквизитора Святого Ордена, данный факт вызывал приступы сводящего скулы гнева. И причину этого ей так до сих пор вразумительно и не объяснили. Даже Игорь. Он, конечно, говорил что-то про связь с матерью Морганы – криганкой Лилит. Еще того не легче! Он хоть представляет, какое зло несут криги? Или ему наплевать – лишь бы добиться собственной цели?

Да нет же, не может быть! Теперь, вернув свои способности, любое притворство она бы тут же почувствовала, особенно в постели. Сегодня это у них тоже было, и Алиса, как всегда, испытала сумасшедшее наслаждение. Последний факт, конечно, говорит только о чувствах Э-мага к ней. Но такое эмоциональное слияние, которое происходит при акте любви двоих, владеющих Силой, вряд ли позволило бы одному из них скрыть тьму внутри. Нет, можно быть твердо уверенной, что *осознанно* Игорь на темную дорогу не встал... В конце концов, кремешники – зло даже более страшное, чем криги, и ради того, чтобы остановить их, можно пойти на альянс с кем угодно. Даже с темными Вторыми. И все же, все же...

Душа Хохловой металась из крайности в крайность, выступая поочередно то обвинителем возлюбленного, то его адвокатом.

Анхоры... Ведь не просто так Конклав напал на них сегодня! Видимо светлые Вторые ощущают угрозу со стороны Игоря, а им в этом плане очень даже стоит доверять! Анхоры!! Только сейчас в ее голову пришла мысль, отправившая инквизиторшу в нокдаун не хуже профессионального боксера. Сегодня она противостояла тем, кого всю жизнь почитала за носителей и защитников добра и справедливости, самого лучшего и светлого, что есть во Вселенной. Конечно, «противостояла» – это чересчур сильно сказано: что она могла без своих способностей? Но находилась в рядах их врагов, и этого уже достаточно. Как только она могла?! Всему виной проклятая потеря памяти, из-за которой Алиса-без-прошлого, как собачка на поводке, таскается за Э-магом, вызвавшим в ней такие сильные чувства! И это она – младший инквизитор Святого Ордена! Вот где кощунство-то!

Любовь... Поистине этим чувством судьба решила устроить краш-тест ее душе! Сначала Валера, потом Игорь. Гибель одного и такой переворот в восприятии другого. Ведь не даром говорят «любовь зла»! С кем она сейчас рядом? Да, возможно, он любит ее, и заблуждается вполне искренне, но идет по пути, ведущем во тьму. И что ей делать сейчас? Пытаться спасти его от самого себя или покинуть, пока не стало слишком поздно? Для нее, разумеется.

Как-то ведь она уже терзалась подобными сомнениями. Память услужливо подсунула ей картинки из того же злосчастного февральского дня, когда она, исполняя приказ командоров, охотилась за ним и даже хотела убить! Она!! Игоря!!! Новый удар был ничуть не слабее предыдущего. Ведь Игорь говорил, что любит ее и верит ей. Верит в то, что она не смогла бы причинить ему вред. А она смогла бы! И то, что тогда Хохлова так и не попыталась это сделать – вовсе не ее заслуга, а стечение обстоятельств. Алиса слишком долго терзалась сомнениями, а когда приняла решение – убивать, было уже поздно: Сила вернулась к Э-магу. А ведь случись это часом позже...

Создатель Всемогущий! Эмоции раздирали Хохлову на части, и, будь она обычной женщиной, имела бы сейчас все шансы хлопнуться в самый настоящий обморок. Хороша прокурорша, обвиняющая любимого человека во всех смертных грехах, в то время как сама... Пусть она тогда еще не знала его, но это ничего, по большому счету, не меняет. Сколько ею пере-

думано о целях и средствах, применительно к Игорю! Но чем лучше Орден и (страшно подумать!) анхоры? Ведь именно все эти силы, которые она привыкла считать светлыми, превентивно развязали охоту на Э-мага, тогда еще не дававшего для этого повода! Как знать, может быть именно покушения Ордена да атаки светлых Вторых и подталкивают Игоря на ту самую темную дорогу, которая всех так пугает? А окажись они лояльнее к Э-магу – глядишь, и не пришлось бы ему искать союзников во Внешнем ободe!

Ладно, все эти рассуждения – что называется, в пользу бедных. Значение имеет только одно: что делать сейчас, в данный момент? Игорь пока что ничего не знает о вернувшейся к ней памяти и способностях, и сам такое почувствовать не сможет, разве что она своим поведением натолкнет его на ненужные мысли. От Даниры она более или менее замаскировала изменение своего статуса, благо, этот навык вернулся к ней вместе со всем остальным, но вот Моргана... От нее такое уже не скроешь – высшая каста, как-никак! Тут уж волей-неволей придется все рассказать, причем лучше по собственной инициативе, чтобы не внушать спутникам лишних подозрений. Кроме того, ей и самой было противно лгать Игорю. Разговор, конечно, будет тяжелый, но его никак не избежать... если только она не решит покинуть Э-мага и его команду прямо сейчас, до возвращения Морганы, причем, по-английски – не прощаясь.

Вот только плохо это, недостойно, как ни посмотри. За все, что Игорь сделал для нее, и после всего, что между ними было, уж честности-то с ее стороны он точно заслуживает. Но сказать ему прямо в глаза, что она уходит... это было выше ее сил.

А нужно ли в таком случае вообще покидать его? Именно сейчас, когда против Э-мага ополчилась половина Вселенной, это иначе как предательством и не назовешь. Предоставить его той участи, которая уготована ему страшной дорогой, на которую он встал? Равнодушно отвернуться, когда можно спасти любимого человека? Да, да, именно любимого, что бы она тут ни говорила! Все ее существо тянулось к Игорю Логинову, но не потому, что он Э-маг, а потому что дороже его нет для нее никого на этом свете. Все-таки, она должна остаться с ним и помочь всем, чем только сможет.

Правда, с прагматической точки зрения может инквизиторша весьма немного. Что такое ее жалкие способности по сравнению с могучей Силой самого Игоря и Морганы? Но возможно, именно ее присутствие, любовь и поддержка помогут ему больше, чем целый полк форсов в качестве эскорта. Эта мысль необычайно воодушевила Алису. Да, именно так она и поступит – останется рядом с Игорем и пройдет с ним весь путь до конца, каким бы страшным он ни был!

«А сможешь? – вдруг вкрадчиво заговорил ее внутренний голос. – Ведь тебе почти наверняка придется сражаться не только с крошечниками, но и с теми, на чьей стороне ты воевала всю свою сознательную жизнь – с анхорами и Святым Орденом. Интересно, что ты станешь делать, если судьба сведет тебя на узкой дорожке с Сергеем Александровичем Шестаковым – человеком, который заменил тебе в свое время обоих родителей?»

«В этом случае я буду только защищаться. И защищать Игоря».

«Разве он стóит того? Кто такой вообще Игорь Логинов? Ты ведь едва его знаешь, но собираешься пустить ради него под откос всю свою жизнь».

«Я люблю его!»

«Любишь? Значит, ты абсолютно уверена, что это любовь, а не наваждение?»

Только что ведя бескомпромиссный спор со своим внутренним оппонентом, при этом аргументе Алиса заколебалась. В памяти всплыли слова, сказанные не кем-нибудь, а самим Игорем, там, на скале в Норвегии перед тем, как они впервые поцеловались:

«Есть риск так никогда и не понять, где ваши собственные чувства, а где просто ответная физиологическая реакция на позитивные волны со стороны Э-мага».

И в самом деле – является ли любовью то, что она испытывает к Игорю, или это просто «ответная реакция»? Хохловой хотелось бы думать, что первое, но голову на отсечение она бы не дала. Возможно, Алиса, как говорил Шестаков, уже прочно сидит на «игле» положительной

энергии, излучаемой Игорем, а потому просто не в состоянии рассуждать здраво и непредвзято. Правда, и с влюбленными дела обстоят точно так же, но...

О, Создатель, как же тяжело сделать выбор! Сейчас бы очень не помешал какой-нибудь знак свыше...

Конечно, о том, что наши мысли материальны, сейчас говорят многие и часто, и Алиса вполне разделяла это мнение, но все же немедленной реакции на свои чаяния она никак не ожидала. А потому хлынувший в мозг поток зрительных образов буквально парализовал ее.

Желтая прозрачная дымка... Корявые, уродливые деревья... Осока, камыш, мох и прочие атрибуты громадного, кажущегося бескрайним болота. Знакомая картина... до боли... Демарг. По воле судьбы, Хохловой довелось побывать в этом унылом и пугающем месте. К счастью, ненадолго... Легко ступающая по зыбкой поверхности человеческая фигура... Вся серая, словно болото высосало из нее все краски... Ничего удивительного для Демарга... Кажется, ноги фигуры совершенно не касаются болота, ибо следов позади не остается... Это мужчина... Он поднимает глаза и смотрит прямо на Алису, а у той вырывается потрясенный возглас: «Валера?!» Вырваться-то вырывается, но он бессилён нарушить мертвую тишину Демарга – Болото Смерти крадет все звуки. Но он понимает... Узнает ее и тут же принимается делать руками характерные сходящиеся движения, означающие: «Нет! Не надо! Ни в коем случае!» Шевеление его губ подтверждает жесты и даже дополняет их. По губам Валеры Алиса читает больше: «Уходи! Беги! Прочь, прочь!»

Смена декораций... Огромная пустынная равнина... Точнее, равнина ставшая пустынной после того, как на нее пришла Смерть. Да, именно Смерть с большой буквы. Пепел, развалины, безжизненная серая земля... Выгоревшие до углей деревья и кости, похоже, принадлежавшие людям... И две человеческие фигуры посреди всего этого... Мужская и женская. Обе – черные, как ночь... Они стоят спиной, но у Алисы складывается совершенно твердое ощущение, что она их знает. Обоих... Внезапно мужчина начинает оборачиваться, и душа Хохловой сжимается от жуткого предчувствия... Обернулся... Да, она не ошиблась – это Игорь. Только лицо его совсем чужое – жестокое, равнодушное. А в глазах тотальное Зло. Таким она его еще не знала. Крик медленно поднимается к горлу, а в это время оборачивается женщина... Моргана... Два пылающих ненавистью взгляда буквально впиваются в самую душу инквизиторши, и ее охватывает невыразимый ужас...

Алису буквально вышвырнуло из видения, опрокинув на траву. Рвущийся наружу вопль так и остался в ней, потому что горло перехватил неведомая откуда взявшийся сильный спазм. Хохлову всю колотило от пережитого, а лицо было покрыто холодной испариной. Позвоночник весь буквально заледенел. Слишком хорошо Алиса помнила свое первое видение – там, в машине, по дороге к Байкалу. Ее тоже предупреждали: «Не надо!» Не послушалась – поехала дальше. А что в результате? Чуть не погибла. Или, вернее, погибла, но была практически воскрешена, и оказалась в итоге рядом с ним. Теперь Хохлова знала, в кого превратится ее нынешний возлюбленный, и уже никакая сила на свете не заставит ее еще раз прикоснуться к нему. Справедливости ради, нужно сказать: он, похоже, понимал, что они слишком разные, и потому сначала просто уговаривал ее уйти, а в дальнейшем до последнего мгновения строил бастионы на пути их взаимной страсти. Хотел уберечь ее. Но она вновь не послушалась. Все – третьей ошибки совершать нельзя, ибо это уже будет необратимо.

Бежать, бежать немедленно, пока не проснулся Игорь, и не вернулась Моргана! Не возвращаться в бунгало за вещами, так как, выходя подышать, она оделась вполне подходяще для поездки, словно чувствовала, чем дело кончится. А ведь, наверное, действительно чувствовала! Очень кстати в кармане нашлись небольшие деньги. Правда, документы отсутствуют, ну да это дело поправимое: Сила-то инквизитора Святого Ордена теперь при ней, а значит, до родины она как-нибудь доберется.

Хохлова еще раз нерешительно оглянулась на бунгало, где спал ни о чем не подозревающий Игорь. Сделала даже движение в ту сторону, но тут на нее накатила такая волна ужаса и паники, что Алиса резко развернулась и почти бегом припустила в сторону леса, где, как она уже знала, пролегала узкая тропка, выводящая на какую-то мелкую промежуточную станцию железной дороги на Манадо...

Естественно, она не видела, как секунд через двадцать после ее ухода погасло яростное сияние в глазах Даниры, и ламия, упав на подушку, мгновенно заснула. Не видела она и того, как Игорь Логинов, вырванный внезапной тревогой из сна, поднялся на кровати, огляделся и, не обнаружив ее, улыбнулся горькой, но понимающей улыбкой.

* * *

Метрополия Сокрытого.

А в этот момент, «отключившись» от управления ламией, Сокрытый в своей метрополии довольно хохотал. Короткая операция завершилась блестящим успехом: ненавистный Э-маг лишился одной из своих точек опоры. Кто-нибудь, по недомыслию, мог бы счесть это мелкой мстью Демиурга за фиаско в Норвегии, но оказался бы прав лишь частично. Мсть, конечно, тоже присутствовала среди мотивов Сокрытого, но главным было иное: Демиург чувствовал, что, лишившись своих спутников, Э-маг потеряет больше, чем могло бы показаться на первый взгляд. А значит, его следует оставить в одиночестве. И начало этому процессу теперь положено.

Матка

Екатеринбург. 19 декабря 2011 г.

– Ну, как дела? – спросил Сергей Александрович Шестаков, входя в комнату, где расположились наблюдатели.

– У нее клиент, – отозвалась Наталья Громова, сорокалетняя светловолосая инквизиторша.

– Новый?

– Нет, он уже был здесь три дня назад. Некий Роман Солодовников.

– Повторный визит, значит, – задумчиво произнес Шестаков. – Тогда сегодня она наверняка вручит ему личинку. Кто предполагаемый объект притязаний этого парня, выяснили?

– Пока нет, а надо? – спросила Громова. – Мы ведь не собираемся позволить ему довести дело до конца?

– Конечно, нет! – с некоторым даже раздражением отозвался Шестаков. – Но всегда есть вероятность сбоя в операции. Думаю, никому тут не надо напоминать, что с кромешниками, подобными этой, с позволения сказать, даме, Орден не имел дел с самого его основания. А потому следует учитывать все возможные варианты развития событий. Например, такой, что сегодняшняя операция по захвату матки провалится.

Лица всех четырех инквизиторов, находящихся в комнате, посуровели. Сергей Александрович, как старший инквизитор, прошедший такие испытания, какие его нынешним подчиненным и не снились, пользовался среди них непререкаемым авторитетом. Если среди группы наблюдения и захвата до сих пор и царили некие шапкозакладательские настроения (дескать, нас же четверо, плюс старший инквизитор, а эта тварь всего одна – что тут может пойти не так?) то в этот момент они испарились напрочь. Все окончательно уразумели – схватка предстоит наисерьезнейшая.

* * *

На след этой «колдуньи, гадалки и ворожеи», выступавшей под именем Веры Григорьевны Камышиной, Орден напал около двух недель назад. Точнее, не совсем Орден. Дело в том, что руководство этой организации давно взяло курс на постепенное сближение со смотрящими, понимая, что по отдельности эффективность деятельности обеих структур будет существенно ниже. Сближению, однако, препятствовала строжайшая директива анхоров, отношения которых к Ордену оставляло желать много лучшего. Смотрящие, конечно, светлым Вторым подчинялись беспрекословно, однако и среди них находились прагматичные личности, видящие пользу от такого сотрудничества. Они-то и заключили с Орденем негласный «пакт о взаимопомощи».

В деле маги-поиска и вычисления кромешников смотрящим не было равных, если, конечно, не считать самих анхоров. Однако из-за малочисленности светлых Вторых в Базовом мире далеко не всегда представлялась возможность информировать их об этом и получить помощь, либо указания. С Орденем в этом плане работалось существенно проще. Смотрящие, согласные на сотрудничество, знали телефон «горячей линии», на который и сообщали всю информацию о выявленных угрозах. Именно таким образом командор Уральского отделения Святого Ордена и получил наводку на «Камышину».

«Колдунья», на первый взгляд, ничем не выделялась из толпы себе подобных, ведущих бизнес на этом поле. Восемьдесят процентов из них составляли шарлатаны и мошенники, еще девятнадцать – люди, действительно обладающие некоторыми экстрасенсорными способно-

стями. Те, кто принадлежал ко второй категории, подвергались тщательному дистанционному исследованию со стороны как смотрящих, так и Ордена на предмет возможности вовлечения их в свои ряды. В случае положительного решения человеку делалось предложение, «от которого он не мог отказаться». Ну а оставшийся процент – так называемые «особые случаи».

Именно в эту категорию и попадала «Вера Григорьевна Камышина». Смотрящий, которому выпало заняться ею, сразу же определил, что к шарлатанам и мошенникам эта дама не относится. Она явно обладала Силой, только по какой-то причине тщательно маскировала ее, в результате чего большую часть времени ее сверхъестественные способности не поддавались идентификации даже с помощью магического зрения смотрящих. Это уже само по себе вызывало подозрения: никто из «самородных» колдунов и экстрасенсов Базового мира подобным навыком не обладал. Более того – они даже представить не могли, что это может зачем-нибудь понадобиться, ибо понятия не имели ни о смотрящих, ни об Ордене, ни о Вторых, ни о крошечниках. «Камышина» же, выходит, понятие имела и, тем самым, привлекла к себе особое внимание.

Как правило, вселяющиеся в людей крошечники старались не высовываться, а потому в ряды так называемой «магической братии» не лезли, так как понимали: если что, там будут искать в первую очередь. Эта же полезла. Так может, она не крошечник? Может, анхор с секретной миссией? Идентификация объекта была в данном случае делом сложным и опасным. Самым разумным решением со стороны Андрея Климовича (так звали глазастого смотрящего) было бы сразу же выйти на ближайшего стража и передать подозрительную дамочку ему, что называется, с рук на руки. Вот только смотрящий этот, к несчастью для себя, отличался повышенным честолюбием (что было им, в общем-то, противопоказано) и решил для начала разузнать побольше сам, чтобы выдать потом объект анхорам в почти что подарочной обертке – с полным досье. Хорошо хоть, у него хватило разумения попросить одного из коллег подстраховать себя.

Зато не хватило на другое – держаться от объекта наблюдения на предельной дальности. Смотрящим было не привыкать выслеживать крошечников и наводить на них силовые структуры – анхоров и Орден. Но то *обычных* крошечников. А на сей раз пришлось иметь дело с чем-то принципиально иным. Многие поколения смотрящих в лучшем случае лишь слышали о подобных созданиях путаные и не слишком-то соответствующие действительности рассказы. Климович, влекомый стремлением доподлинно выяснить – кто же перед ним, подошел недопустимо близко. И поплатился жизнью. Слишком поздно он понял, что имеет дело вовсе не с анхором, работающим под прикрытием. «Камышина» оказалось оболочкой для создания, исконно враждебного человечеству. И тьма пожрала неосторожного смотрящего. Хорошо хоть его напарник сумел уйти незамеченным. При всем желании, помочь своему товарищу он не мог, так как епархией смотрящих всегда были только поиск и наблюдение, но не бой. Стало ясно одно: они столкнулись с крошечником необычайно сильным и хитрым. Но с каким именно, выяснилось позже.

Дальнейшее наблюдение велось намного более скрытно и осторожно. И оно принесло свои плоды. Выводы, к которым пришли смотрящие, просто потрясли их: в Камышиной поселилась матка – разновидность крошечников, способная, накопив определенное количество энергии, порождать «личинки» других пустотных сущностей. «Колдовская» профессия реальной Камышиной оказалась квартирующей в ее теле гостье из Пустоты очень даже на руку: обращающиеся к ней за приворотом клиенты получали особое зелье, в котором содержался зародыш сущности крошечника. Когда объект страстных воздыханий клиента выпивал зелье, он становился носителем, иначе говоря, своеобразным инкубатором для развивающегося нового пустотного создания, которое начинало постепенно прибираться к рукам. А так как крошечники развивались быстро, то максимум через месяц они устанавливали полный контроль над телом человека-носителя. Первой жертвой такого создания, как правило, становился клиент

«колдуньи», так как он постоянно крутился поблизости, в расчете на то, что приворот удался, и здорово раздражал. Таким образом, прятались концы в воду: ведь установить связь «Камышиной» с человеком-носителем теперь становилось практически невозможно.

Опасность подобной оккупации трудно было преувеличить, а при мысли о том, что «колдунья» могла оказаться далеко не единственной маткой в Базовом мире, у смотрящих темнело в глазах. Об этом немедленно следовало поставить в известность анхоров. Но, как на грех, все местные стражи куда-то запропастились. Ходили слухи, что их подрядили на какое-то сверхважное и сверхсекретное дело, о котором смотрящим и знать-то не полагалось. Но последние чувствовали, что медлить в данном случае никак нельзя. Оставался только один вариант – Святой Орден.

Вот такая цепочка событий и привела ударную группу инквизиторов к офисному зданию на улице Первомайская, где «Камышина» встречалась со своим клиентом.

* * *

– Значит, так! – решительно произнес Сергей Шестаков. – Со мной пришла женщина-эмпат из смотрящих. Она в два счета выяснит, кто именно является предметом страсти этого, как его?..

– Солодовникова, – подсказала Громова.

– Вот, вот. Один из вас отправится с ней, укажет объект и позаботится о том, чтобы с нашей союзницей ничего не случилось. Остальные – со мной на задержание.

– А сил хватит? – усомнился один из инквизиторов-мужчин. – Нас тут четверо, а одного вы забираете... Если эта «колдунья» так крута...

– Хватит, – заверил его Шестаков. – Я привел с собой еще двоих. В итоге получится шестеро. Четверо, включая меня, – первая линия, двое страхуют.

Долго объяснять план действий не потребовалось: все в группе были опытными бойцами, прошедшими через многие десятки операций, и потому понимали с полуслова.

Вскоре появился и клиент: Роман Солодовников быстрым шагом вышел из здания. На лице его легко читалось плохо скрываемое нервное возбуждение. Даже без красноречивого кивка Громовой Шестаков бы догадался, кто он такой. Повинуясь молчаливому жесту старшего инквизитора, один из присутствующих в комнате бойцов Ордена и эмпатка оперативно двинулись за ним. А через несколько секунд комнату покинули и остальные. Впереди шли Шестаков и Громова, отставая на пару шагов – еще двое инквизиторов из группы, что вела наблюдения за домом. А те, кого привел Сергей Александрович, составили арьергард и должны были вмешаться, если, по меткому выражению Шестакова, «дело дойдет до триариев».

Перемещались они быстро и слаженно – так, чтобы, в случае чего, не перекрывать друг другу сектор магического удара. При этом ауры свои тщательно маскировали: ни к чему, чтобы matka учуяла их раньше времени и насторожилась. Комната 55 располагалась на пятом этаже, а стена офисного здания с той стороны была гладкой, так что вариант с попыткой ухода матки через окно представлялся весьма маловероятным: на кромешников, находящихся внутри человеческого тела, действуют ограничения, связанные с этим самым телом. «Модернизировать» его, подобно анхорам и кригам, они не умеют, разве только могут заметно увеличить физическую силу, живучесть да устойчивость к повреждениям. Но вряд ли настолько, чтобы без последствий спрыгнуть с пятого этажа на асфальт. Конечно, враг может и покинуть тело, чтобы уйти по воздуху, но на такое он пойдет, лишь оказавшись в совершенно отчаянном положении. В общем, отсылать «резервистов», чтобы перекрыть единственный альтернативный путь отхода, не стоило: это означало просто так, непонятно ради чего лишить группу захвата двух серьезных боевых единиц, которые, случись непредвиденное, еще не факт, что сумеют вдвоем справиться с маткой или, хотя бы, удержать ее до подхода основных сил.

Нет уж, лучше действовать по первоначальному плану – двигаться скрытно и стремительно, чтобы не дать противнику возможности и времени выкинуть какой-нибудь фортель.

Данное конторское здание оказалось быстро состарившейся панельной «свечкой» о шестнадцати этажах родом из восьмидесятых годов прошлого века. Оно располагало двумя скрипучими лифтами, один из которых с незавидной периодичностью оказывался в состоянии ремонта, и единственной лестницей с изрядно выкрошенными бетонными ступенями. Практически идеальный вариант для инквизиторов. Заглянув в лифтовой закуток, Шестаков слабым импульсом греминического заклятия заставил двух железных полуинвалидов подъемного труда впасть во временную кататонию. Про себя инквизитор извинился перед людьми, которые могли в этот момент застрять в лифтах и мысленно же пообещал непременно вызволить их, как только заварушка с маткой придет к своему логическому завершению.

Итак, ударная группа Святого Ордена бодреньким аллюром принялась подниматься по ступенькам на пятый этаж. Теперь уж пустотная тварь никуда от них не денется. В этой блаженной уверенности они пребывали ровно до тех самых пор, пока не достигли четвертого этажа. А вот дальше начались проблемы.

Сперва они ощутили импульсы творимой волшбы. Это уже было плохо, так как означало, что они обнаружены, и враг пытается что-то предпринять. Инквизиторы ускорили шаг, с разгону влетев на лестничный пролет, ведущий к промежуточной площадке между четвертым и пятым этажами. Но едва оказавшись на ступенях, влипли, причем в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова.

Двигаться сразу стало невероятно тяжело, как если бы они пытались идти по горло в болотной жиже, ибо резко уплотнившийся воздух сопротивлялся каждому движению. Дыхание почти остановилось, как и все остальные естественные процессы. Даже мысли шевелились еле-еле, словно пробиваясь сквозь густую патоку и залипая в ней каждую секунду. Любое движение тут вообще не приветствовалось: не для того эта зона создавалась. Казалось, забастовало само время, устав от бешеного ритма жизни. Впрочем, нет, не забастовало: полная неподвижность для этой великой реки абсолютно противоестественна. А значит, время *заставили* замереть, насильно запихав в клетку этого странного состояния с помощью магической Силы.

– «Стазис!» – еле двигая губами и языком выдавил из себя Шестаков, первым сообразивший, во что они вляпались.

Слова прозвучали медленно, тягуче и тихо, с трудом преодолевая чуждую магию, которая была направлена на то, чтобы утвердить в зоне действия заклятия полную тишину и неподвижность. Естественно, обычные люди и вообще все прочее застыло тут мгновенно, как только начали действовать чары, но обладающие Силой инквизиторы могли еще сопротивляться. Правда, Шестаков чувствовал, что это ненадолго, и если немедленно не предпринять контрмеры, обездвиживающая все и вся магия скоро одолеет их.

Бороться, во что бы то ни стало бороться! Кажется, пришло время выложить на стол первый козырь из тех, которыми снабдил Шестакова командор перед началом операции с маткой. Заключался он в амулете, висевшем на цепочке и прилежавшем непосредственно к груди Сергея Александровича. Старший инквизитор мысленно сосредоточился на нем и «влил» в артефакт немного Силы, пробуждая его.

Эффект не заставил себя ждать. Краткой обжигающей вспышкой ответив на пробуждающий импульс, артефакт начал излучать, и его излучение словно смывало липкие путы магии кромешника, освобождая от них сначала самого командира группы захвата, а затем и его спутников. Дышать и двигаться сразу же стало существенно легче. Не настолько, конечно, как вне зоны действия чар, но, по крайней мере, теперь инквизиторы уже могли проявить вполне личную боеспособность.

Разумеется, Шестаков понимал, что вспышка от амулета не осталась незамеченной маткой, которая наверняка поняла, что идея обездвижить противника «стазисом» провалилась.

Так что теперь она наверняка готовится применить что-нибудь другое. Главное – не дать ей на это достаточно времени...

– Вперед! – хриплым и даже слегка каркающим от напряжения голосом приказал Сергей Александрович. – Скорее!

Дважды повторять ему не пришлось – инквизиторы и сами понимали, что медлить в сложившихся обстоятельствах смертельно опасно. В результате, два лестничных пролета, несмотря на сопротивление вязущего воздуха, они преодолели за десять секунд.

Вот и пятый этаж. С площадки в обе стороны вели два коридора, отделенные от лестницы тяжелыми дверями. Но правая была открыта, и буквально в метре за ней застыла на полушаге женщина со стопкой листов бумаги в руках. Один из них, очевидно, в момент активации «стазиса» выскользнул из ее рук, но до пола так и не долетел, зависнув в воздухе в процессе свободного падения. В дальнем конце коридора у кулера стоял мужчина в деловом костюме. Впрочем, сейчас он, скорее, напоминал экспонат музея восковых фигур. Свой кофе он, видимо, выпьет еще не скоро, хотя сам задержки и не почувствует.

Но виновница творившегося безобразия, как четко ощущал Шестаков, находилась как раз в противоположном коридоре, где, собственно, и располагалась комната 55, то есть за закрытой дверью. Последняя выглядела довольно массивной. Такую даже в обычных обстоятельствах двумя пальцами не откроешь. Теперь же это превратится в незаурядное испытание физической силы. Рвать придется, что называется, во всю моченьку: «заморозившись» в закрытом состоянии, дверь будет стремиться в нем же и остаться, а уплотнившийся воздух будет ей в этом всемерно способствовать.

Тем не менее, выбора особого не было. С глубоким вздохом Шестаков крепко ухватился двумя руками за массивную ручку двери и знаком приказал самому дюжему из своих спутников помочь ему. Взявшись вдвоем, они изо всех сил дернули неподатливую дверь на себя. Открывалась она медленно, словно нехотя, но едва ее удалось оторвать от косяка, как еще двое инквизиторов присоединились к уже сражающимся с дверью товарищам. Под объединенным натиском четверых дверь подалась и раскрылась.

За ней примерно в десяти шагах за порогом, в глубине тускло освещенного коридора стояла темная фигура. Лица ее не было видно, и это вполне мог оказаться кто-нибудь из обычных людей, кого «стазис» застиг посреди коридора, но Шестакову почему-то так не показалось.

– На пол! – резко выкрикнул он, уже падая.

Остальные с похвальной оперативностью последовали его примеру, и не зря, поскольку темная фигура оказалась той самой маткой, на захват которой они сюда прибыли. А с таким серьезным противником успех им могли обеспечить лишь опыт руководителя и беспрекословное подчинение вкупе с мгновенной (в идеале) исполнительностью остальных членов группы.

То, что произошло дальше, наилучшим образом проиллюстрировало вышеозначенный тезис. События понеслись вскачь. Из рук темной фигуры вырвались две черные энергетические «змеи». Первая, миновав вовремя упавших инквизиторов, безвредно рассеялась в пространстве, зато вторая свою жертву нашла. Один из четырех инквизиторов, решивший, по-видимому, сочетать уклонение с постановкой защитного экрана, не успел толком сделать ни того, ни другого. Уйти с «линии огня» кромешника ему не удалось, а не полностью созданный защитный экран остановить «змею» тоже не сумел. Смертоносная энергия «змеи» сквозь нанесенную рану хлынула внутрь организма и достигла сердца в считанные секунды, остановив его биение раньше, чем инквизитор успел осознать, что произошло и предпринять что-нибудь для своего спасения.

Однако его оставшиеся в живых товарищи не растерялись. Понимая, что сейчас не время для скорби, они вступили в бой, даже не успев подняться на ноги: волны золотистого сияния боевой магии Святого Ордена устремились к матке. Та ответила черным энергетическим шаром, который, столкнувшись в воздухе с фронтом заклятия инквизиторов, взорвался. Из

него вылетел добрый десяток черных «змей», правда, более тонких, чем две первых, и все они устремились к орденцам.

Сама матка стояла все в той же позе посреди коридора. Вначале ее черная энергетическая суть выходила за пределы физического тела, однако под натиском магии инквизиторов сжалась и укрылась в телесной оболочке. Здесь не получилось противостояния типа «атака против блока». Прошли удары с обеих сторон, и противники сейчас отчаянно пытались преодолеть их последствия. Матка согнулась от боли и всю свою энергию бросила на борьбу с «волной света». Инквизиторы же, «обернув» руки светлым ореолом, яростно отбивались от черных «змей», порожденных взорвавшейся энергосферой. Те же вели себя, словно мыслящие существа: извивались, совершали выпады и уклонения, всячески стремясь добраться до плоти своих противников. Впрочем, возможно, в каком-то смысле так оно и было. Как сообразил Шестаков, матка, похоже, метнула в них полусформировавшимися зародышами кромешников, которых она еще не успела распределить по человеческим телам.

Но зародыши есть зародыши, и инквизиторы, будучи испытанными бойцами, стали своих жутких противников одолевать. Искусно «фехтуя» руками, защищенными своеобразными наручами из света, воины Ордена рассеивали черных «змей» одну за другой. Вот только матка со своей проблемой справилась, все же, раньше и метнулась вперед вдоль стены, явно намереваясь проскочить мимо инквизиторов, еще занятых битвой.

Она двигалась стремительно, куда быстрее обычных людей. Видать, сумела-таки «разогнать» захваченное тело хотя бы в тех пределах, что были доступны кромешникам. Но этого вполне хватало, ибо инквизиторы, также отличившиеся незаурядными боевыми качествами, за ней фатально не успевали. Во-первых, потому, что до сих пор сражались с недобитыми еще «змеями», а во-вторых из-за действующего «стазиса», который, все же, тормозил их движения, но, казалось, совершенно не мешал матке. Последнему, впрочем, удивляться не стоило – ведь все серьезные маги неизменно придерживались неписаного правила: применяешь объемную магию – умей себя от нее защитить, ибо сам можешь оказаться в зоне ее действия.

Шестаков краем глаза заметил, как оглушенная сильным ударом матки оседает на пол Громова. Он взвыл от ярости, развоплотил, наконец, последнюю из противостоявших ему «змей» и ударил боевым заклятием вслед прорывающейся кромешнице. Мимо! Магический удар лишь рассыпал вокруг золотистые искры, да пустил трещину по стене, с которой, когда действие «стазиса» закончится, наверняка отвалится изрядный кусок штукатурки. А матка, между тем, была уже в дверях.

«Уходит!» – мелькнула гневная и отчаянная мысль у старшего инквизитора. Но не тут-то было! Лестницу озарило золотистое сияние – это навстречу пустотной твари хлынула «волна света» двоих «резервистов». Матка замерла, пытаясь справиться с новой напастью, и эта задержка дорого ей обошлась. Шестаков и оставшийся на ногах инквизитор из передового отряда атаковали ее сзади.

Тварь бешено сопротивлялась, билась в сжимающемся коконе золотистого света. Тьма вновь полезла наружу из человеческого тела, и теперь противница утратила последнее сходство с женщиной. В тисках заклятия инквизиторов конвульсивно содрогалось нечто, напоминавшее огромного черного паука.

Однако, как выяснилось, праздновать победу бойцам Ордена было еще рановато: сопротивление матки вдруг резко усилилось. Паучье «тело» внезапно оказалось заключенным в глобулу тьмы, которая начала расширяться, преодолевая давление светового аркана Ордена. Четверо инквизиторов удвоили усилия, работая на пределе собственных возможностей, но все равно добились лишь того, что рост глобулы прекратился, и она стабилизировалась на некотором среднем размере, диаметром около полутора метров. Сложилась патовая ситуация: ни одна из сторон не могла взять верха. Теперь все зависело от того, у кого из противников раньше иссякнет Сила. И вряд ли можно было с уверенностью сказать, что этим кем-то станет матка:

слишком давно Орден не сталкивался с ей подобными, а потому пределы возможностей этого врага инквизиторам известны не были.

Шестаков про себя от души выругался: пустотная тварь оказалась куда более крепким орешком, чем он рассчитывал. Делать нечего – придется выкладывать на стол и остальные козыри, припасенные им для этой операции. Первым и главным из таковых было новое заклятие «узы Пустоты», руну которого его заставил выучить командор буквально два дня назад. По его словам этот аркан не был изобретением Ордена – магистры получили его от самого Покровителя. В бою против кромешников «узы Пустоты» еще ни разу не применялись, и Шестаков должен был стать в этом деле первопроходцем, благо, повод представился более чем веский.

Впрочем, тут имелась одна загвоздка: простому инквизитору в одиночку это заклятие было не по силам. Применить его мог либо старший, выйдя на потолок своих возможностей, либо несколько рядовых, предварительно составив «энергетическое кольцо», объединяющее их Силу. В данном случае не имелось возможности составить «кольцо»: в горячке боя отвлекаться на объединение энергий инквизиторы не могли. А уж о том, чтобы справиться с этим арканом в одиночку, Шестаков и мечтать не мог – слишком много Силы он уже потратил на бой с маткой. Вот тут еще раз пригодился все тот же амулет, который уже применялся для преодоления «стазиса». Перед началом операции он был под завязку залит заемной Силой. Часть ее уже израсходовалась, но и оставшегося, по расчетам старшего инквизитора, должно было хватить с лихвой. Обычно заряд подобного артефакта расходовался под ноль после доброго десятка операций, тем более, что далеко не каждый раз в нем возникала надобность, но сегодня, похоже, придется потратить его весь и сразу.

И Сергей Александрович вновь потянулся к амулету. Сила уже пробужденного артефакта с готовностью полилась в его носителя, и, как только Шестаков понял, что для «уз Пустоты» ее уже достаточно, незамедлительно привел этот аркан в действие.

Почти всякое заклятие имеет свою форму. Все потому, что у магов не получается изобрести нечто абстрактное. Даже для представителей высших сил это слишком сложно, а уж для человеческого мозга, пусть даже и выведенного магическими способностями на чрезвычайно высокий уровень развития, такое является запредельной задачей. Покровитель, конечно, – не человек, но и высшим существам, как правило, не хотелось связываться с составлением заклятий, не имеющих формы. Преимущество последних состояло в том, что для них чрезвычайно трудно подобрать контр-аркан, но в подавляющем большинстве случаев овчинка выделки не стоила.

«Узы Пустоты» выглядели как золотистая удавка, захлестнувшая антрацитово-черную глобулу матки. Резкое усиление давления – и шар тьмы лопнул, «расплескав» свое энергетическое содержимое во все стороны. Не имей заклятие инквизиторов внешней сферы, им бы от этого могло крупно не поздоровиться. «Надо учесть на будущее!» – отметил про себя Шестаков. Когда заполненная энергией мрака оболочка исчезла, петля «уз» захлестнулась уже на паучьем «теле» матки. Против этого у исчадия Пустоты уже не нашлось веских аргументов. Поддавшись натиску «уз», кромешница снова ушла внутрь своей материальной оболочки, но теперь оказалась в ней заточена. Ни выйти из нее, ни применить свою Силу, ни даже использовать особые физические возможности, приданные ею своему телу в результате модернизации, ей уже не удастся. По крайней мере, до тех пор, пока действуют «узы». А снимать их в ближайшее время старший инквизитор не собирался, тем более что энергии на свое поддержание заклятие требовало не очень много.

«Стазис» тут же рассеялся без следа. К счастью, в левом коридоре, где происходила схватка, людей в момент активации первого заклятия матки не было. Шестаков принялся командовать:

– Все в порядке – я ее держу! Делайте отвод глаз всем подряд и обеспечьте, чтобы сюда в ближайшее время никто не сунулся. Так. Теперь приведите в чувство Громова и позаботьтесь

о нашем погибшем товарище. Перенесите тело в комнату 55. Там мы немного побеседуем с госпожой «Камышиной».

Пока инквизиторы выполняли все эти распоряжения, Сергей Александрович, словно собачку на поводке, подвел кромешницу на невидимом лассо «уз Пустоты» к комнате, где «колдунья» принимала клиентов. Одно прикосновение ладони к замку – и дверь распахнулась. Оба вошли внутрь, после чего Шестаков активировал «круг тишины». Конечно ментальное воздействие инквизиторов не позволит никому в ближайшее время подойти к комнате, но все же следовало подстраховаться, ибо дальнейший разговор уж никак не предназначался для посторонних ушей.

Оказавшись в комнате, Сергей Александрович усадил «Камышину» за стол, но не туда, где она обычно располагалась, принимая клиентов, а на место для посетителей, то есть спиной к двери. Сам же устроился напротив нее. Кромешница хоть и была в человеческом теле, но суть свою не скрывала (просто в этом на данный момент уже не было смысла): на Шестакова смотрели абсолютно черные глаза с проблесками зеленых искр. Но этим и ограничивались ее возможности во время действия «уз Пустоты». Кого-то излишне впечатлительного «черный» взгляд пустотного создания мог бы, пожалуй, и до обморока довести, но старшего инквизитора он даже не смутил: в его жизни бывали вещи и пострашнее. Чувствовалось, что кромешница внутри буквально кипит от дикой злобы, но лицо (если не считать глаз) этого почти не выдавало. Оно было абсолютно спокойно, а губы даже кривились в насмешливо-презрительной полуулыбке.

Старший инквизитор дождался, когда в комнату внесут тело их погибшего товарища, убедился, что Громова пришла в себя, и только после этого молчаливым жестом приказал коллегам выйти в коридор, оставив его наедине с узницей.

– Ну что, поговорим немного? – предложил Шестаков.

«Камышина» пожала плечами.

– О чем, инквизитор? Я ничего не скажу. Если тебе уже приходилось допрашивать *наших*, ты понимаешь, о чем я. Дохлый номер!

– Приходилось, – невозмутимо подтвердил Сергей Александрович, – и не раз. Но тогда у меня не было вот этого.

Он лишь слегка натянул петлю «уз», и кромешницу просто скрючило от боли. С губ ее сорвался звук, очень похожий на шипение разъяренной змеи. Впрочем, она быстро овладела собой.

– Нравится? – поинтересовался Шестаков.

– Щекотно, – ухмыльнулась «Камышина».

– Ну, так я могу попробовать доставить тебе еще большее удовольствие: тут сделаем посылнее, а здесь подольше. Глядишь – и вместо улыбки ты у меня засмеешься. Как тебе такой вариант? Но есть альтернатива: можно просто ответить на мои вопросы.

Матка фыркнула:

– И что тогда? Отпустишь на все четыре стороны?

– Смерть тоже бывает разная. Тебе могу обеспечить быструю и почти безболезненную.

– Смерть есть смерть. Финал один, только процесс отличается. Что же до боли... Я терпеливая. И ты даже не подозреваешь, насколько.

Шестаков недобро усмехнулся.

– Ты тоже кое-чего не подозреваешь. У аркана, которым я тебя держу, довольно много функций. И подавление твоей Силы – далеко не самая главная из них. Легкое ментальное воздействие на структуру заклęcia – и строгий поводок сменится рабским ошейником, который заставит тебя выполнять мои приказы. Будешь помогать ловить *ваших*. Как тебе такая перспектива?

Вот тут матку проняло. Лицо ее перекошилось от ненависти.

– Блефуешь, инквизитор! – буквально выплюнула она.

– Могу продемонстрировать. Сейчас ты станешь вылизывать мои ботинки, все осознавая, но будучи не в состоянии противостоять моей воле. Хочешь?

– Попробуй!

В голосе кромешницы звучала неприкрытая угроза, но вот как раз она-то и являлась блефом: пока действовали «узы Пустоты», пленница *ничего* не могла сделать, как бы ни старалась. Улыбка инквизитора стала шире: он знал, что получит удовольствие от того, что сейчас делает. В конце концов, за все свои гнусные деяния в Базовом мире, за многочисленные отнятые жизни, включая последнюю жертву – бойца Святого Ордена, матка заслужила тысячекратно более жестокую кару.

Шестаков настроил сознание на волну действующего заклятия «уз» так, как его учил командор, и внес небольшие изменения. Ощувив, что нужная перемена произошла, он просто отдал мысленный приказ.

Матка, видимо, почувствовала, что творится, и попыталась наброситься на своего врага, но «узы» удержали ее на месте, причинив, к тому же, нешуточную боль. А через секунду стала действовать и повелевающая часть аркана. Кромешница оказалась во власти неведомой силы, которая пригнула ее к полу и поставила на колени. Пустотная тварь бешено сопротивлялась, но противостоять мощи «уз» была не в состоянии. Шестаков вытянул под столом ноги в тяжелых зимних ботинках, и кромешница во всех деталях узрела то, на чем ей придется навести глянец собственным языком. Давно захваченное тело, улучшенное и еще недавно такое послушное, сейчас напрочь отказывалось подчиняться. Осталось сделать всего лишь шаг на коленях и...

– Хватит! – почти прорычала матка.

– Не понял, – отозвался Шестаков. – Еще раз и почетче!

Давление аркана не уменьшалось.

– Прекрати это, слышишь?! Что ты хочешь знать?

– Будешь отвечать на вопросы?

– Да! Будь ты проклят!

– Вот и ладненько, – Сергей Александрович спрятал удовлетворенную улыбку и отменил ментальный приказ.

Он встал из-за стола и, медленно обойдя его, забрал гостевой стул, на котором еще недавно сидела «Камышина». Вернувшись на место, он поставил его напротив своего кресла и, удобно устроившись в последнем, водрузил ноги на стул. Продемонстрировав таким образом, кто тут является хозяином положения, Шестаков спокойно встретил пылающий ненавистью взгляд своей визави.

– Можешь сесть, – не особо маскируя свой издевательский тон, предложил он, – если найдешь куда.

– Премного благодарна! Но я лучше постою. – Способность к сарказму вернулась к кромешнице удивительно быстро.

– Дело твое. – Тон Шестакова резко сменился, став жестким и требовательным. – Итак, начнем. Сколькими своими выродками ты уже успела осчастливить человечество?

– Многими, – нагло ухмыльнулась матка. – Слишком многими!

– Поточнее, – нахмурился Шестаков.

– Несколько десятков.

– Лжешь!

– А ты проверь! Полови их, да посчитай. Только все это зря. Как ты ни старайся, всех не переловишь. А однажды ночью кто-нибудь из моих, как ты выразился, «выродков» явится за тобой и пожрет твою душу!

– Ну, это мы еще посмотрим, – хладнокровно ответил Шестаков. Угроза кромешницы его впечатлила не слишком: сколько он уже таких слышал за свою долгую карьеру – и не сосчитать. И ничего, жив еще. – Имена носителей можешь назвать?

Ухмылка мигом исчезла с лица «Камышиной»:

– Не наглей, инквизитор! Есть пределы моей готовности к сотрудничеству – то, на что я никогда не пойду, чем бы ты мне ни угрожал. Твой последний вопрос как раз из этой категории.

Вспыхнувший гнев побуждал Сергея Александровича немедленно прибегнуть к репрессивным мерам, чтобы поставить на место зарвавшуюся кромешницу, но он сдержал свой порыв. Кто знает – может, после вторичной порки матка озлится и пойдет на принцип. Тогда уж от нее точно ничего больше не добьешься. В конце концов, применить ментальную составляющую «уз» никогда не поздно. Пока же можно перейти к менее критичным вопросам, оставив главное напоследок.

– Кого ты отдала своему последнему клиенту?

– Своего отпрыска.

– Дурочку-то не включай! – рявкнул Шестаков. – Кого именно? Какой вид? Имей в виду – заператься нет смысла: клиента твоего вместе с заветным зельем мы перехватим. За ним уже идут мои люди. У твоего порождения нет шансов.

– Тогда какая тебе разница, что он из себя представляет?

– Есть разница, раз спрашиваю! – старший инквизитор начал потихоньку терять терпение.

– Ну, допустим, десмод.

Рука Шестакова с удивительной силой сжала подлокотник кресла. Впрочем, на лице его не дрогнул ни один мускул, так что матка вряд ли догадалась, сколь сильное впечатление произвел на него ее ответ.

– А если без «допустим»? – как можно небрежнее поинтересовался инквизитор.

– Точно десмод.

– Занятно, – задумчиво проронил Шестаков. – Несколько веков о таких созданиях не было ни слуху, ни духу, а тут вдруг сразу оптом! С чего бы?

– Спрос есть, – снова усмехнулась матка.

Мысли Сергея Александровича по поводу нового вопроса прервал звонок сотового. Первым его побуждением было сбросить вызов, но практически тут же он передумал: узница его никуда не денется, а вот неважных звонков на этот номер быть не может. И Шестаков нажал кнопку приема.

– Да?

– Мы вычислили объект страсти Солодовникова, – без предисловий начал инквизитор, отправленный сопровождать эмпатку. – Смотрящая четко определила. Ошибки быть не может.

– Имя?

– Медникова Елена.

– Что?! – Шестакова словно обухом по голове ударили. На сей раз ему было настолько не до сдерживания эмоций, что все они отразились на его лице. Столько совпадений сразу? Так просто не бывает!

– Медникова Елена, – повторил инквизитор, решивший, видимо, что старший его не расслышал.

– Да, понял, спасибо. – Мозг Сергея Александровича лихорадочно работал над тем, какую выгоду можно извлечь из столь невероятного стечения обстоятельств. И что-то уже забрезжило...

– Значит, берем парня в оборот и конфискуем зелье?

– Нет, – хриплым от сдерживаемого волнения голосом огорошил его Шестаков.

– Простите?

Шок собеседника воспринимался даже через трубку. Тот, видимо, просто не мог поверить своим ушам.

– Вы слышали приказ. Что бы он ни делал, ему не препятствовать. Только наблюдать.

– Вы уверены?

– Более чем.

– Ясно, – в трубке послышались гудки отбоя.

Внутри у Шестакова все клокотало. Пусть коллега считает его бессердечным чудовищем (а по его сухому, словно песок Сахары, тону можно было сделать только такой вывод). Пусть смотрит на него в невыразимом удивлении, почти шоке, matka. Пусть. Все это дело стремительно теряло для старшего инквизитора свою значимость. В его голове теперь крутилось лишь одно имя и одно слово: «Елена Медникова» и «десмод». Кажется, он таки дождался своего шанса. Кто-то там, наверху, сподобился сдать ему сразу два крупных козыря. Дело за малым: разыграть их наилучшим образом в главной игре, которую он ведет – игре против Э-мага.

Игорь и Моргана

*Индонезия. Северное побережье острова Сулавеси.
19 декабря 2010 года.*

В пылу битвы в Норвегии, а затем и безумной телепортационной гонки у них с отцом не было возможности договориться о том, как они будут искать друг друга в случае, если им придется разделиться. Но Моргана крепко полагалась на кровные узы, способные служить для хорошего поисковика маяком не хуже GPS навигатора. Ей-то в свое время стоило немалого труда маскироваться от поискового луча матери, но она справилась. Игорь Логинов подобными талантами не обладал, да и от кого ему скрываться? Моргана, единственная из его кровной родни, обладала магическими способностями, а прятаться от нее Э-магу не было ровным счетом никакого резона. Раньше, когда она только познакомилась с Игорем Логиновым, для того, чтобы найти его, ей приходилось ориентироваться на вспышки Э-магии или применять «недальнобойный» и ненадежный аурный поиск. Но эти времена остались далеко позади: теперь особая надчувственная связь между отцом и дочерью укрепилась необычайно, и в подобных сложностях необходимости не было.

Так что, изрядно попетляв по миру, чтобы уж наверняка сбить погоню со следа, и окончательно удостоверившись в отсутствии всякого «хвоста», Моргана могла смело приступать к вычислению местоположения Э-мага. В своих надеждах молодая криганка не обманулась. Астральный «огонек», испускающий родной теплый свет, отыскался сравнительно быстро и легко. Правда, находился отец за полмира от нее на Малайском архипелаге, но для телепортации расстояния проблемой не являлись.

Памятуя о том, что отец там с Алисой, Моргана не стала перемещаться сразу к нему, а предпочла материализоваться на некотором расстоянии. Они там, небось, милуются вовсю по случаю чудесного избавления, и ее внезапное появление будет весьма некстати. К чему разрушать идиллию?

Моргана появилась на морском берегу примерно в двухстах метрах от небольшого бунгало. Еще не рассеявшаяся поисковая тяга однозначно указывала на этот домик, как на место пребывания отца. Молодая криганка не спеша двинулась туда. Неподалеку от бунгало она наткнулась на Даниру, которая бродила вокруг и явно не знала, куда себя деть. При виде дочери Э-мага ламия не выразила никаких эмоций. Просто молча кивнула и попыталась улизнуть в сторону леса. Но Моргана ее остановила.

– Погоди-ка! С отцом все в порядке?

Та молча кивнула.

– Он в доме?

Снова кивок. Ламия словно в одночасье разучилась говорить. Неизвестно почему Моргану это встревожило.

– С Алисой? – задала она последний вопрос.

Данира только отрицательно покачала головой, обнаруживая явное желание куда-нибудь смыться. В другое время Моргана не поленилась бы допросить ламию с пристрастием, чтобы выяснить причины столь внезапной немоты, но тут ей стало не до того. Отец в домике. Один, без Алисы. Странное поведение Даниры. Все вместе давало очень неприятную картину. Тревожную.

Не раздумывая более ни секунды, она направилась к бунгало и распахнула входную дверь. Отец сидел в плетеном кресле, откинувшись на спинку и прикрыв глаза, похоже, пребывая либо в сильной задумчивости, либо в полной прострации.

– Па? – негромко окликнула его Моргана.

Э-маг раскрыл глаза, и дочь даже вздрогнула. Таких *мертвых* глаз у своего отца она не видела с того злосчастного февральского дня, когда он узнал о гибели лучшего друга и отправился вершить страшное возмездие над его убийцами. Однако при виде ее Игорь Логинов улыбнулся короткой, теплой улыбкой, а в потухших глазах его блеснули искорки жизни. Правда, совсем небольшие.

– Дочка. Рад, что с тобой все в порядке.

– А вот с тобой, я вижу, не очень. Что случилось, па? Где Алиса?

– Ушла.

– Что?! – Моргана не поверила своим ушам. – Как ушла? Куда?!

– Полагаю, пешком на ближайшую железнодорожную станцию.

– Полагаешь?!

– Ну, видишь ли, она не сочла нужным поставить меня в известность о своих планах.

– То есть, она тебя бросила?! – удивление Морганы росло как на дрожжах и с каждой секундой разговора обретало все более гневную окраску.

Как можно после всех этих проникновенных речей, безумной любви в глазах, ревности и страдания, наконец, всего, что отец сделал для нее, просто взять и уйти без всяких объяснений?! В голове не укладывалось.

– Пожалуй, что так, дочка, – ответил, немного помедлив, Э-маг на ее последний вопрос.

– Но почему?!

– Думаю, что после событий в Норвегии память вернулась к ней. В полном объеме. Похоже, сильнейший стресс и шок в сочетании с последовавшей затем положительной Э-магией дали тот эффект, которого не удавалось достичь до сих пор только моей Силой.

Голос Игоря Логинова был спокойным и даже каким-то отстраненным, словно у врача, высказывающегося на консилиуме о сложном пациенте. Только это не могло обмануть Моргану: ее Э-детектор работал превосходно. Внутри у отца все свилось в тугую узел боли, горечи и отчаяния. За это она готова была удавить Алису Хохлову голыми руками.

– Вот тварь! – в сердцах вырвалось у Морганы. На язык просились выражения и покрепче, коих за время пребывания в Базовом мире она успела узнать более чем достаточно. Но молодая криганка сдержалась: отец подобного от нее не терпел. Однако закипающая ярость от этого только усиливалась. Моргана так крепко сжала кулаки, что острые ногти буквально впились в ее ладони. – Я отыщу ее, и тогда...

Для того чтобы ощутить в ее голосе угрозу, вовсе не требовалось быть Э-магом. Игорь Логинов, конечно же, ощутил.

– Не стбит, дочка. Я ее не виню. Догадываюсь, какие чувства сейчас раздирают на части ее душу. Прошлое столкнулось с настоящим, и ужиться они, видимо, не смогли. Пойми, ее мировоззрения до и после падения в Байкал слишком различаются. Черное стало белым и наоборот. Пока эти два мира существовали по отдельности, все было нормально, но когда они встретились... – Э-маг руками изобразил мощный взрыв. – Мало найдется людей, способных вынести подобное. Ее душа сейчас – арена яростной битвы, и я не нахожу в этом бегстве ничего странного, постыдного или достойного осуждения. А если уж совсем честно, то для нее так, наверное, будет даже лучше. Ведь жизнь с Э-магом, сама знаешь, только со стороны кажется мечтой, в то время как на деле... Твои чувства мне тоже понятны, хотя объективной ты не можешь быть по вполне очевидным причинам.

– Для нее будет лучше, говоришь... – с горечью произнесла Моргана. – А для тебя?

– Я... Я переживу. Случались в моей жизни вещи и похуже. Я отпускаю ее, и ты отпусти.

Но ледяной комок боли в его груди тяжелым эхом отдавался через Э-детектор Морганы внутри нее самой. Так плохо отцу давно не было. И теплая положительная Э-волна поднялась из глубины ее души, излившись на Игоря Логинова. Причем, волна эта каким-то невероятным образом выжала слезы из ее глаз, доселе их не знавших.

– Папа! – вдруг совсем по-девчоночьи всхлипнула Моргана и бросилась к отцу.

Они застыли в объятиях друг друга, излучая положительные волны, и не произносили больше ни слова. Потому что попросту в них не нуждались.

Такими их и застала Данира, осторожно заглянувшая в хижину. Отец и дочь молча обнимались, глядя в пространство, а по лицу Морганы беззвучно катились слезы. Окружающий мир для них исчез или, точнее, сжался до небольшой сферы пространства, заключавшей в себе их обоих и тишину. Все прочие тут были абсолютно лишними.

И ламия так же молча шагнула назад, аккуратно прикрыв за собой дверь.

* * *

Из воспоминаний Игоря Логинова

Когда мы, наконец, разомкнули свои объятия, в глазах Морганы, к моему великому изумлению, еще не высохли слезы. Признаться, до сего момента я не думал, что она способна плакать. Несмотря на то, что процесс «очеловечивания» моей дочери шел семимильными шагами, этот свойственный людям способ выражения эмоций, как мне казалось, оставался для нее недоступен. Однако я ошибался.

Пока мы одаривали друг друга положительными волнами, боль, кромсающая мою душу, несколько притупилась. На Моргану же все это оказало совершенно неожиданное воздействие, словно все невыплаканные ранее слезы копились в ней до этого момента, а сейчас, прорвав плотину, полились неудержимым потоком, умывая и облегчая ей душу. Я еще никогда не видел свою дочь такой. Она бывала разной: веселой, позитивной, хладнокровной, гневной, но не *такой*. Станным образом, для меня вид ее слез обернулся осязаемым дополнительным терапевтическим эффектом.

Я положил руку ей на плечо.

– Ну, ну, девочка моя, хватит. Все уже в порядке.

– Да? По тебе не видно, – между всхлипываниями ответила она.

– Ну, ладно, почти в порядке. Но я оклемаюсь, можешь не сомневаться. Выдержу, переболею и снова стану прежним. В первый раз что ли?

Уверенность этих слов я подкрепил еще одной положительной волной. Подействовало – поток слез стал ослабевать.

– Мне кажется, – наконец произнесла она, – что настолько сильно тебя зацепило впервые. Ты, возможно, еще и сам не отдаешь себе в этом отчета, но я-то все чувствую очень четко.

– Может быть, ты и права, – задумчиво проговорил я, – но сути дела это не меняет. Да, сейчас мне плохо, но я справлюсь. *Должен* справиться. Нельзя же расклеиваться из-за одного любовного провала, иначе какой из меня, к черту, Э-маг?! Кроме того, ты ведь не откажешь отцу в помощи?

Слезы мгновенно высохли на лице Морганы, и оно сделалось внимательным и сосредоточенным.

– Что я могу сделать?

– Мне понадобится новая цель. И, кажется, я нашел ее, – с каждым словом тон мой делался все более уверенным и жестким, а в глазах, похоже, появилось что-то, от чего моя дочь даже слегка поежилась. – Я хочу найти этих пустотных тварей и устроить им аутодафе. Сжечь их проклятые души так, чтобы от наполняющей их тьмы и воспоминания не осталось! Понимаешь?

Глаза Морганы сощурились, и она медленно кивнула. Поняла. Свято место пусто не бывает. Сильное чувство просто так не исчезает, и оставленный им зияющий провал стремится заполниться чем-то столь же сильным. Откуда уходит любовь, туда зачастую приходит ненависть. Не самый, конечно, хороший вариант, но в моем случае ничего лучше сейчас не найти.

– Ну как, ты со мной?

– Мог бы и не спрашивать! – Моргана даже фыркнула.

Я поймал себя на том, что улыбаюсь. Только улыбка моя для трех оставшихся в живых харров была весьма недобрым знаком.

Смена караула

Екатеринбург. 20 декабря 2010 года

– Как обстановка?

Инквизитор и смотрящая повернулись к Шестакову, и по выражению их глаз он смог оценить, что стрелка индикатора отношения к нему сместилась в минусовую зону. Впрочем, к подобной реакции подчиненных на свои непопулярные приказы старший инквизитор уже успел привыкнуть. Но повисшая после его вопроса пауза, все-таки, была непозволительно долгой.

– Не слышу ответа, – подпустив в голос ледка, произнес Сергей Александрович.

Смотрящая демонстративно отошла в сторону, предоставляя право говорить бойцу Святого Ордена: дескать, это твое начальство – ты с ним и разбирайся.

– Объект еще не напоил женщину зельем, – откашлявшись проговорил инквизитор. – К счастью, он не отличается особой решительностью. Есть еще время остановить его.

Произнося эти слова, боец Ордена прямо вперил осуждающий взгляд в старшего инквизитора, так что насчет его мнения по данному вопросу не возникло ни малейшего сомнения. Однако Шестакова оно волновало в последнюю очередь.

– Что же, – хладнокровно заявил он, – сути дела это не меняет. Решение уже принято. Можете быть свободны.

– Как?! – инквизитор был поражен.

– Очень просто. Роман Солодовников и объект его страсти – больше не ваша забота. Я сам займусь ими. Благодарю за проделанную работу и – до свидания.

– Последний раз прошу вас – одумайтесь!

– Или что? – прищурившись, взглянул на него в упор Сергей Александрович.

– Или я вынужден буду доложить все командору.

– Ваше право, – пожал плечами Шестаков. – Вряд ли он скажет вам что-либо иное. У меня в этом деле карт-бланш.

Уверенность, с которой он это сказал, окончательно выбила почву из-под ног его оппонента.

– Но мы же должны защищать людей! – произнес он в отчаянии.

– Можете мне поверить, – четко и внушительно проговорил старший инквизитор, – что именно на это и направлены все мои усилия. Более ничего объяснять вам я не намерен. Данная операция для вас закончена. Возвращайтесь к своим руководителям за новым заданием. Вас тоже касается, – он бросил острый взгляд на смотрящую. – Можете не сомневаться, Орден высоко оценил вашу помощь в деле с маткой. Не смеем более отвлекать вас от собственных, несомненно, очень важных обязанностей.

Смотрящая вспыхнула, коротко кивнула и покинула наблюдательный пункт. Немногим позже, бросив на Шестакова уничтожающий взгляд, за ней последовал и боец Ордена, и старший инквизитор остался, наконец, в одиночестве. Пусть младшие чины считают его распоследним негодяем, но какая разница, если в итоге он добьется цели? А ведь цель эта такая, что оправдывает *любые* средства.

Тихонько вздохнув, он выглянул в окно, из которого была прекрасно видна обедающая в кафе напротив Елена Медникова. Однако Солодовникова рядом с ней пока не наблюдалось. Итак, теперь Шестакову оставалось только набраться терпения и надеяться, что этот рохля хоть раз в жизни проявит решительность и доведет начатое дело до конца. Если он поторопится, Шестаков, возможно, «расщедрится» на стирание ему памяти. В противном случае придется отдать его на съедение крошечнику, который разовьется в Елене Медниковой. Так или иначе,

это ничтожество не должно более путаться под ногами, а никакой лучшей участи Солодовников и не заслужил.

Хотя... Не-е-ет, никакого стирания памяти! На десмода, которого этот червяк носит в своем пузырьке, у Шестакова очень большие планы, а до воплощения их ему (десмоду) требуется еще дожить. Чтобы дожить, нужно питаться, причем на энергетическом уровне. Так уж пусть лучше его пищей станет Солодовников, чем кто-либо другой. Цивилизация Базового мира в его лице ничего не потеряет, а за сделку с посланницей Пустоты придется ответить. И то, что он не знал, с кем связывается, его не оправдывает: Солодовников пошел на приворот и уже одним этим заслужил наказание. Пусть не такое суровое, но все же. Да, неудачный для этого типа расклад. К тому же, он еще и нежелательный свидетель... Теперь, как ни крути, а ему не жить.

Приняв окончательное решение, Сергей Александрович успокоился и приготовился к долгому ожиданию.

Дневник Елены Медниковой

20 декабря.

Боже, как меня достал этот Роман! Самое неприятное, что он только ходит кругами, заглядывая в глаза преданным собачьим взглядом, и не предпринимает никаких решительных действий, которые позволили бы, например, резко отшить его. Про таких говорят: «ни два, ни полтора». И он меня, если честно, уже просто бесит. Но не подойдешь же к нему, в самом деле, и не скажешь: «Отвали и прекрати на меня пялиться!» Грубо, хоть и справедливо. Однако я пока не готова к такой отповеди. Но еще несколько дней в том же духе – и, пожалуй, решусь. Подумать только, ведь когда-то я считала занудным Игоря Логинова! Вот уж действительно – все познается в сравнении.

Вот же блин – опять вспомнила! И зачем, спрашивается? Забыть, забыть, вычеркнуть из памяти эти страницы жизни! Правда, это сказать легко, а сделать... Ведь те две истории, которые почти два года назад в течение одного месяца произошли с Игорем и Олегом, способны и нимфоманку монашкой сделать. Я, конечно, от мужчин не бегаю, но пока, честно говоря, с головой окунуться в новые серьезные отношения мне как-то страшновато. И немудрено, если в памяти столь живы события той кошмарной зимы 2009-го. А вообще, с этим надо что-то делать: я, между прочим, не молодею. Страшно сказать – в марте мне двадцать восемь стукнет!

Но если честно, сейчас в моем окружении и глаз-то положить толком не на кого – сплошная серость. А я пока не в том положении, чтобы рассуждать: «третий сорт – не брак». Ценить себя надо, вот что! Будешь себя любить и мужчины полюбят. Я пока что очень даже ничего себе. И зеркало – самое объективное тому доказательство. Не все еще потеряно, так что клевать на всяких там Романов Солодовниковых... Брр! Как говорится, не дождетесь! Игорь по сравнению с ним Брэд Питт был. Особенно если ту ночь на турбазе вспомнить...

Так, стоп! Хватит ностальгировать! Воспоминания о той зиме плохо действуют на нервную систему и мешают спать. И чего они вдруг всплыли? Вспомнила! Меня еще с середины дня странное чувство гложет. Показалось мне, будто видела я сегодня в толпе Егорова, того самого эфэбешника, который меня на турбазе шантажировал. И чего, интересно ему, гниде, от меня опять надо? По-прежнему на Игоря охотится? Так я к нему теперь и на пушечный выстрел не подойду: сестрица его рыжеволосая мне тогда очень внятно все объяснила. Как говорится, спасибо – не надо! Только ведь он вряд ли отстанет – компромат-то у него на меня до сих пор имеется, а в тюрьму ой как не хочется!

Впрочем, чего я так разнервничалась? Может и не он это вовсе, а померещилось мне: что можно разглядеть мельком и в толпе? Могла бы и не заметить, да в последнее время нервы стали пошаливать. От теней шарахаюсь. А все из-за Романа этого, будь он неладен! Надеюсь, ему сейчас икается! Нет, с ним точно надо будет в ближайшее время поговорить и расставить все точки над *i*. Вот подожду до конца недели и...

21 декабря.

Наверное, в Африке слон сдох. Да не один, а целое стадо. Роман сегодня отловил меня на улице и предложил пообедать вместе. Я уже давно решила в случае столь удачной оказии отшить его самым резким образом, но тут так растерялась, что вовремя не сообразила, как следует действовать, и ляпнула «да». Представляете такую дуру? Видимо, меня сбила с толку его решительность. В общем, по дороге в кафе я сперва ругала себя на все корки за глупость, но затем во мне пробудился даже какой-то странный интерес: как же он собирается меня завоевывать? Хотя, на что тут можно рассчитывать? На бурю и натиск? На виртуозное донжуанское обольщение? Щазз! Максимум – сбивчивые и достаточно банальные признания, произнесенные тихим, срывающимся голосом.

Кафешка, в которой я обычно обедала в середине рабочего дня, была заведением средней руки, на самообслуживании. Только я собралась встать в очередь к раздаче, как Роман удивил меня вторично – выразил желание поработать официантом. Выяснил, что я хочу заказать и через несколько минут сам это принес и сам оплатил, пока я занимала столик. Ладно, галантность есть – запишем ему плюс. Ма-а-аленький такой плюсики! Крошечный. Мне раб без надобности. Мне мужик нужен – сильный и надежный. Чтоб как за каменной стеной и без постоянного адреналина, как, скажем, с Игорем. Хватит с меня триллеров! Страсть бы, конечно, тоже неплохо, но на безрыбье, как говорится... Надо исходить из прагматичных критериев. Этот же, с позволения сказать, поклонник, не отвечал ни одному из них. И я сама не понимала, какого черта теряла с ним время. Впрочем, почему «теряла»? Я просто обедала, а оплативший мой обед Роман заслужил хотя бы того, чтобы я терпела какое-то время его присутствие и краем уха слушала, что он мне говорит. Тем более, было принято твердое решение в конце решительно ему отказать.

Но в любом случае сто́ит дождаться конца обеда. Вдруг ему удастся меня еще чем-нибудь удивить? Однако удивлялки на сегодня закончились. Дальнейшее происходило типичном для него стиле и было предсказуемо до тошноты. Роман не только не торопился сказать то, ради чего, видимо, затевался весь обед, но и, казалось, всячески оттягивал начало объяснения, словно боялся его. Впрочем, наверняка так оно и было. Солодовников пытался вести непринужденную беседу, но получалось у него так плохо, натужно и неуклюже, что, право, лучше бы он молчал. Мне было скучно, и спасала только еда, которая, к счастью, в этом кафе была очень даже неплохой. Роман же был ощутимо напряжен, и напряжение это с каждой минутой только росло.

Дело дошло до чая. Я отхлебнула из чашки, и мне показалось, что вкус у напитка немного необычный. Ароматизатора, что ли, добавили? Вообще-то, в этом заведении такое не практиковалось. Правда, второй глоток не подтвердил первичных ощущений. Показалось, наверное. Только Роман, пока я пила, смотрел на меня так странно... Меня даже посетила заведомо бредовая мысль, что он добавил в напиток яда или приворотного зелья и теперь ждет эффекта. Очень в этом сомневаюсь, потому что и то, и другое было поступком. Низким, подлым, но поступком, а Роман производил на меня впечатление человека, в принципе не способного совершить что-нибудь, выходящее за рамки его мелкого, серого, насквозь отформатированного мирка. Так что ничего в этом чае не было, равно как и в самом Роме.

Между тем, обед подходил к концу, а он так ничего и не сказал. Точнее, наговорил-то этот ничтожный тип выше крыши, но все его слова были пустыми и незначащими, словно куча мусора. Или, если быть к нему, все же, снисходительной, их можно сравнить с кучей опавших сухих листьев. Я уж начала прикидывать, как бы мне самой вывести разговор к нужной теме – то есть высказать моему собеседнику свое категорическое нежелание больше тратить на него время. Роман же, как мне казалось, все больше нервничал, и в глазах его периодически вспыхивало недоумение, как будто не происходило того, что должно было произойти обязательно. Такая ситуация уже начинала понемногу тревожить и меня, ибо внушала подозрение, что в параноидальных мыслях насчет яда или зелья в чае есть рациональное зерно.

Когда смятение моего сотрапезника стало проявляться еще более явно, я уже не выдержала:

- Роман, что с тобой?
- А? Да ничего, я в порядке. Просто... Видишь ли, Лена, я... Как же тебе сказать...
- Не надо, – перебила я его. – Не затрудняйся с формулировками. Я и так знаю, что ты хочешь мне сказать. Но это не имеет никакого значения.
- Почему?

– Я вижу, что у тебя есть ко мне чувства. Однако ничем не могу на них ответить. А потому все твои дальнейшие попытки бессмысленны. Что бы ты ни сказал или ни сделал, ничего не изменится.

– Но, Лена, ты очень много для меня значишь!

– Понимаю. Но это ведь не моя проблема, не так ли? Будь добр, разберись со своими чувствами сам и меня в процесс не вовлекай.

На него было жалко смотреть. Но во мне помимо жалости проснулось и презрение, которое сразу стало доминировать: мужчина не должен быть такой тряпкой.

– То есть ты предлагаешь остаться друзьями? – беспомощно произнес Роман.

– Друзьями? – При этом слове у меня вырвался короткий нервический смех. – А мы что, ими были? Если да, то этот момент как-то ускользнул от моего внимания. Мне кажется, ты не слишком адекватно оцениваешь ситуацию. И вот что я тебе скажу: чем меньше мы в дальнейшем будем общаться, тем лучше.

Я решительно поднялась из-за стола, извлекла из кошелька 150 рублей и положила их на стол.

– Вот. Этого должно хватить для оплаты моего обеда.

Он сделал вялую попытку возразить, но я резким раздраженным жестом пресекла ее на корню.

– Счастливо оставаться и приятного аппетита!

С этими словами я отвернулась и поспешила прочь. Последнее пожелание в сложившейся ситуации, пожалуй, можно было счесть тонкой издевкой: к своему обеду он так и не притронулся, а характер нашего прощания мог окончательно отбить у него аппетит. Но что поделать – наблюдать дальше это ничтожество было выше моих сил. Солодовников выглядел не просто побитым – он буквально на куски рассыпался, будто известняк под ударом кувалды. Полностью раздавленное существо, которое не пожалеть хочется, а изгнать подальше от людей, словно его никчемность была заразной и могла прицепиться к кому-нибудь еще.

Я вышла из кафе вполне довольная собой. Изрядно нервировавший меня в последнее время балласт был сброшен, и теперь, по идее, жизнь моя должна пойти на подъем. Хорошо бы... Только в груди почему-то осталось странное и неприятное ощущение, словно со мной произошло что-то плохое, а я не могу понять, что.

Вот сижу сейчас, записываю все в дневник и пытаюсь сообразить, в чем дело. Увы, пока безуспешно... Так, кто-то в дверь звонит. Кого еще принесло на ночь глядя? Ладно, пойду открою, а допишу потом... Или завтра...

Кромешник на поводке

Екатеринбург. 21 декабря 2010 года

Прежде чем позвонить в дверь квартиры Елены Медниковой, Сергей Александрович Шестаков все для себя тщательно спланировал. Отныне для него начинается новая жизнь, в которой он постоянно будет находиться бок о бок со смертельным врагом. После того, как он спеленает «узами Пустоты» того кромешника, который проник в тело молодой женщины с выпитым ею зельем, они сделаются неразлучны.

Десмод внутри Медниковой еще не настолько силен, чтобы постоянно держать ее под контролем и полностью определять все ее действия. Главенствовать он будет лишь время от времени, когда нужно будет утолить голод, после чего станет отпускать вожжи, сохраняя у своего носителя иллюзию независимости, правда, с неприятным нюансом в виде периодических провалов в памяти. Стандартный *modus operandi*⁴ для нововселенного создания Пустоты. Постепенно, конечно, оно станет все больше прибираться к рукам оккупированное тело, выдавливая или поглощая душу его хозяйки, пока, наконец, не сделается единоличным владельцем облюбованной материальной оболочки. Правда, с десмодом, насколько помнил инквизитор, ситуация довольно-таки быстро достигает точки невозврата.

Задачей же Шестакова на данном этапе было взятие этого процесса под свой полный контроль. А следовательно, ему нужно было держать под неусыпным надзором и Медникову-десмода, и Медникову-человека. Причем, второе на начальном этапе может оказаться даже более сложной задачей. Если «узы Пустоты» можно поставить на постоянный режим (то есть, фактически, на автомат) и лишь регулярно тратить магическую энергию на поддержку аркана, то с человеческой ипостасью такое не пройдет. Полный ментальный контроль – не то заклятие, которое можно держать «фоном», лишь краем глаза за ним приглядывая. Оно нуждается в постоянном и пристальном внимании мага. А как прикажете поддерживать все это ночами? Ведь инквизитор – человек, и он тоже должен спать. Конечно, способности, которыми обладал Шестаков, позволяли ему проводить без сна до недели подряд, но затем наступало сильное переутомление, которое на время полностью исключало старшего инквизитора из действительности.

Сергей Александрович и раньше не был большим любителем ментального насилия над обычными людьми, прибегая к нему только в случае крайней необходимости. А уж нужды в длительном поддержании полного контроля у него до сих пор не возникало ни разу. Теперь же такая перспектива просматривалась довольно отчетливо: ведь неизвестно насколько затянутся поиски Э-мага, ради которого, собственно, и была затеяна вся эта многоходовая и не слишком-то чистоплотная операция. Но обратить на все это время Елену Медникову в абсолютную ментальную рабыню представлялось немислимым как по моральным причинам, так и по чисто технологическим.

К счастью, у Шестакова был способ привести ее в состояние покорности и другим способом, практически не требующим применения магии: ведь уже однажды сработавший на ней психологический рычаг воздействия по-прежнему был актуален. Так что Медникова последует за ним повсюду и никуда не денется. Ему останется лишь контролировать темную начинку ее тела, появившуюся в нем несколько часов назад.

В общем, к моменту, когда палец старшего инквизитора надавил кнопку дверного звонка ее квартиры, он уже четко знал, каким образом будет действовать.

⁴ *Modus operandi* (лат.) – образ действия.

* * *

На двери конечно же имелся глазок, а потому Медникова наверняка увидит того, кто явился к ней в гости столь поздним вечером. Увидит и вряд ли захочет открывать. Конечно, статус сотрудника Федеральной Службы Безопасности, которым Шестаков по-прежнему обладал в ее глазах, может заставить ее открыть, но лучше, все-таки, подстраховаться.

Хозяйка квартиры подходила к двери крадучись и свет в прихожей не включала, дабы маленький лучик из глазка не выдал ее присутствие. Ее наивные уловки могли бы повеселить инквизитора, если бы не серьезность ситуации. Сергей Александрович почувствовал ее присутствие задолго до того, как она оказалась возле двери, и, разумеется сразу отсек тот момент, когда молодая женщина приникла к глазку.

– Елена Дмитриевна, откройте! Капитан Егоров, ФСБ.

Этот призыв вкупе с подавляющим волю ментальным импульсом сработал безотказно. Подчинившись телепатическому приказу инквизитора, она открыла все замки и отступила в сторону, позволяя ему войти. Но в этот же момент внутри нее активизировался некто чужой, темный и смертельно опасный. И этому созданию инквизитор явно не понравился. Глаза Елены начала заполнять серая мгла, сигнализирующая о том, что контроль над телом берет десмод. Еще секунда – и он атаковал бы Шестакова на энергетическом уровне, однако Сергей Александрович не дал ему такой возможности и метнул в кромешника свой заранее подготовленный аркан – «узы Пустоты». Лицо женщины исказилось, а тело скорчилось в каком-то подобии судороги, но несколько секунд спустя все прекратилось: энергопетля подчиняющего заклятия полностью сковала Силу десмода и привела монстра в подчиненное состояние.

Вот теперь можно было и отпустить сознание женщины: главная цель достигнута, и пора приступать к психологической обработке. Шестаков аккуратно закрыл за собой входную дверь и снял ментальный контроль с хозяйки. Она, видимо, не ощутила своего краткосрочного выпадения из реальности. Все мысли ее сейчас занимал сам незванный гость, на которого Елена смотрела глазами загнанного оленя.

– Что вам опять от меня нужно?

– Все то же, Елена Дмитриевна, все то же. Ведь наш договор двухлетней давности вы, помнится, так и не выполнили, а в тюрьму при этом не попали. Видите, какой я добрый? А на добро принято отвечать добром.

Страх, похоже, заполнил ее всю.

– Я не виновата! Я действовала так, как вы сказали, но тут вмешалась его сестра. Она такая же, как и он, если не хуже. Она бы убила меня на месте, если бы... В общем, я оказалась бессильна.

– Я знаю. Однако сделки нашей это не отменяет. Вам, как юристу, хорошо известно, что срок давности по делам об убийстве – десять лет, а прошло пока всего два. Вы по-прежнему можете загреметь за решетку как соучастница, а мне по-прежнему нужен Игорь Логинов.

– Но я понятия не имею, где он сейчас может быть!

– Что же, в таком случае, мы поищем его вместе. Поиски людей – моя специальность.

– Но я-то вам зачем?! – в отчаянии воскликнула Медникова.

– А ваша роль начнется, когда мы его отыщем.

– Но ведь эта рыжая меня к нему и близко не подпустит! Да и он теперь уже не поверит. Последние слова она произнесла с неожиданной горечью.

– Ничего, рыжую я отвлеку, а насчет доверия Игоря Логинова – это целиком ваша задача. Если бы возможно было обойтись без вашей помощи, я бы так и поступил.

– Но я не могу... – умоляющим тоном произнесла Елена.

– Придется смочь, – голос инквизитора прозвучал так, словно затвор передернули. – Выбора особого у вас все равно нет. Либо вы идете со мной, либо... Подумайте, Елена Дмитриевна: на зоне вам придется очень плохо. Вы – красивая молодая женщина, привыкшая к безбедной, комфортной жизни. А там... Можете не сомневаться: у матерых уголовниц вы будете пользоваться ба-альшой популярностью!

Медникова вспыхнула, но секунду спустя так же резко побледнела и отступила к стене.

– Как же я вас ненавижу! – вырвалось у нее.

– Вполне вас понимаю, – хладнокровно отреагировал Шестаков. – К вам я также не испытываю особо теплых чувств. Но в этом деле мы с вами – в одной лодке, и чтобы выжить, грести придется изо всех сил. Причем, обоим.

На глазах Елены выступили слезы, но она резким и даже злым движением стерла их. Пару секунд Сергею Александровичу даже казалось, что сейчас она пошлет его куда подальше, и придется-таки применять ментальное насилие, но затем ее плечи поникли, а взгляд опустился в пол. Сдалась. Старший инквизитор едва сдержал облегченный вздох.

– Что я должна делать?

– Для начала – уволиться с работы. В деньгах вы не будете знать недостатка, благо, бюджет, выделенный на данную операцию, это позволяет. А вот поколесить по миру придется изрядно, и к отъезду вы должны быть готовы в любой момент.

– Но у меня загранпаспорт просрочен.

Шестаков широко улыбнулся.

– Елена Дмитриевна, я вас заверяю: из наших с вами проблем эта – самая ничтожная. – Тут на его лицо набежала легкая тень, затем улыбка вернулась, но уже чуть кривоватая и неприятная. – Ах да, чуть не забыл. Завтра, после того как вы подадите заявление об уходе, нужно будет сделать один телефонный звонок хорошо знакомому вам человеку...

Обратная связь (из воспоминаний Игоря Логинова)

Индонезия. Северное побережье острова Сулавеси.

21 декабря 2010 года.

– Ну, и каковы наши дальнейшие планы? – спросила Моргана. – Только не говори мне про стратегию. Ясно, что искать харров – это наша главная цель. Меня интересует тактика – как мы будем это делать? Они ведь по всему миру мечутся и что-то не торопятся начинать охоту за нами, словно наш Осколок им до лампочки!

– Все это очень хорошие вопросы, дочка, только решать их, полагаю, следует совместными усилиями, тем более, что в делах магических ты разбираешься куда лучше меня. Однако кое-какие идеи для обсуждения у меня, все же, появились.

– Я вся – внимание.

– Итак, мысль первая. Нет ли какого-нибудь способа отыскать Лилит? Насколько я понимаю, она сейчас с пустотными тварями неразлучна. Выходит, найдем ее – отыщем и наших врагов.

– Я уже думала об этом, – призналась Моргана, – но, к сожалению, безуспешно. Мать весьма талантливо умеет скрываться. Она лучше прячется, чем я ищу. Да и крошечники ее прикрывают. Нет, без ее генетического материала поиски – дохлый номер. Ее сейчас кто только не ищет – и анхоры, и Сайферовские ищейки. А ведь и те, и другие в этом деле дадут нам с тобой сто очков форы. Нет, па, боюсь, это безнадега.

– А если воспользоваться родством вашей с ней крови?

Моргана взглянула на меня с упреком.

– Думаешь, мне это в голову не приходило? Да в первую очередь! Но только ведь и она в свое время искала меня тем же способом. А если уж я смогла укрыться от ее поиска, то она от моего и подавно сможет.

– Это если Лилит захочет скрываться, – возразил я. – Понятно, что ей есть резон ныкаться от анхоров или Сайфера, но ты – совсем другое дело. Если я правильно понимаю ситуацию, для твоей матери важно, чтобы именно мы нашли ее, так как без нашей помощи она не в состоянии избавиться от своих пустотных конвоиров.

– Не знаю, – с сомнением покачала головой дочь. – Может, ты и прав, хотя подозреваю, что ничего у нас не выйдет. Ладно, попытка – не пытка. Попробуем. Однако ты говорил «мысль первая». Есть и вторая?

– Да. Но она, пожалуй, содержит в себе еще больше потенциальных сложностей. Итак, мы знаем, что Лилит связывается с нами, используя тело Даниры. Но пока это односторонняя связь, и мы не знаем, когда ждать следующего сеанса, да и будет ли он вообще. Что если нам попробовать наладить связь обратную – через ту же Даниру? В конце концов, между ламией и твоей матерью вполне может иметься некий тонкий астральный контакт. Этаким энергоинформационный канал, действующий в «спящем режиме». Если бы мы... – Тут я осекся, ибо Моргана смотрела на меня, раскрыв рот. – В чем дело? Я несу какую-то чушь?

– Чушь?! Да ты у меня гений, па! Мне ведь и в голову такое не пришло! И кто из нас после этого лучше в магии разбирается?! Твоя идея, конечно, нуждается в доводке, но сам принцип... Блин, мне уже не терпится попробовать! Нужно только погрузить нашу ламию в транс...

* * *

Даниру мы отыскиали на берегу примерно в сотне шагов от бунгало. В последнее время она старалась держаться от нас подальше, что было с ее стороны весьма разумно, ибо когда сразу два сильных Э-мага находятся в растрепанных чувствах, находясь рядом с ними, легко попасть под раздачу, даже если их гнев не будет направлен на тебя лично. Именно поэтому, увидев нас двоих, направляющихся к ней с самым решительным видом, ламия резко сникла. Она бы, пожалуй, попыталась и смыться от нас куда-нибудь подальше, если б не знала, что это бесполезно. Обреченный вид ламии говорил, что она не ждет от нашего внезапного интереса к своей персоне ничего хорошего. И, в общем-то, не сильно ошибалась.

И я, и Моргана привыкли уже относиться к ламии почти как к неодушевленному предмету, ходячему переговорному устройству, подчас забывая, что она живое разумное существо (причем, даже более высокоорганизованное, чем человек) со своими мыслями, чувствами и желаниями. Последние мы вообще в расчет не принимали, за исключением ее потребности в периодической энергоподпитке. И если меня нет-нет, да и царапала совесть по этому поводу, то Моргана, похоже, вовсе не заморачивалась на подобные «мелочи».

И я свою дочь вполне понимал. Данира, как личность, вряд ли способна была вызвать у кого-то симпатию. Про внешность речи нет – тут она всегда сногшибательна настолько, что большинство особей мужского пола при виде нее начинали, образно говоря, пускать слюни. Но у меня к чарам ламии, похоже, обнаружился иммунитет, а к тому же, я никак не мог простить ей того, что по ее вине произошло с Алисой. И тот факт, что сейчас эта женщина не со мной, в моем отношении к Данире ничего не менял. Тем более что во всем остальном ламия представляла собой полный кошмар на улице Вязов: жестокая, склочная, беспринципная и равнодушная ко всем, кроме себя любимой. Я, признаться, раньше думал, что такое количество отрицательных черт просто не может уживаться в одной личности, но, как выяснилось, ошибался. Из всего вышесказанного ясно, почему мы с Морганой очень мало считались с этой пьющей души криганкой. Собственно мы и таскали ее с собой вовсе не ради сомнительного удовольствия от ее общества, а лишь для того, чтобы она выполняла определенные полезные нам функции, о которых она, кстати, до сих пор даже не подозревала.

И вот теперь пришло время ей вновь послужить нашим целям.

Ламия невольно попятилась от нас.

– Что вы собираетесь со мной делать?

Моргана усмехнулась и неожиданно ответила почти цитатой:

– Ты не бойся: мы тебя не больно зарежем. Чик – и ты уже в Демарге!

Данира побелела как мел и сделала еще шаг назад, обнаруживая явное желание обратиться в бегство.

– Стоять, бояться! – рявкнул я, попутно бросая укоризненный взгляд на дочь: нашла время глумиться.

В мой приказ не было вложено ни грамма Э-магии, но, как уже говорилось, действие на ламию я оказывал просто цепенящее. Вот и сейчас она оступилась и приземлилась на пятую точку, глядя на меня, словно кролик на удава. Но ее ужас и паника были сейчас совсем некстати.

– Успокойся! – умиротворяющий тон был дополнен не очень сильной положительной волной. – Моргана просто шутит. Пора уж привыкнуть.

Моя дочь в подтверждение фыркнула:

– Одно название, что темная Вторая: никакого чувства юмора!

– Так, хватит! Данира, никто тебе тут не сделает ничего плохого. Нам просто нужно кое-что проверить. Не нервничай и посиди немного спокойно, ладно?

Свои слова я сопровождал непрерывным, медленно нарастающим потоком положительной Э-магии, который постепенно сводил на нет нервозность ламии. Я говорил и смотрел на Даниру в упор. Она чувствовала исходящие от меня волны и, в отличие от обычного человека, однозначно определяла их как Э-магию. На какое-то время внимание ламии оказалось полностью поглощено мною, чем не замедлила воспользоваться Моргана. Ее ментальная атака оказалась стремительной и чрезвычайно эффективной. В считанные секунды она полностью отключила сознание Даниры, введя ее в глубокий транс. Та опрокинулась навзничь.

Я отнес ее в сторону и аккуратно положил на траву. Затем поднял взгляд на Моргану, которая отчего-то замерла на месте, и кивнул в сторону бесчувственной ламии – мол, приступай.

– Па, я не хочу.

– Что за странные капризы?! Ты же сама рвалась устроить эксперимент!

– Эксперимент экспериментом, но с матерью общаться не хочу!

– Черт, Моргана, не время сейчас обиды вспоминать! Дело требует.

– Предлагаю компромисс: канал обнаружу, доберусь до нее, а дальше ты уж сам...

– А ты сможешь меня подключить к разговору?

– Если честно, не уверена, – призналась Моргана. – Слышать ты, скорее всего, будешь, но вот говорить...

– Ну, класс! – воскликнул я несколько раздраженно. – И как прикажешь выпутываться в свете твоих контр с Лилит?

Дочь молчала, опустив голову, и я чувствовал, что это баранье упрямство в ней на данный момент гораздо сильнее чувства вины передо мной. А лучше бы наоборот. И я решил попробовать по-другому:

– Я ведь спрашивал тебя, со мной ты или нет?

– Ну, спрашивал...

– А что ты мне ответила, помнишь?

– Помню... – Моргана выглядела теперь гораздо менее упертой.

– Я затеял все это в надежде только на твою помощь, а ты вдруг ни с того, ни с сего демарш устроила: «не буду, потому что не хочу!» Так ты мне союзник или нет?

– Но есть же еще другая твоя идея – насчет поиска с помощью родства крови. Может, лучше ее попробуем? – ее просящий тон был для меня словно белый флаг.

– Ты же сама в ней сомневалась.

– Я могу и ошибаться.

– Ну уж нет! – теперь уже уперся я. – Ламию мы подготовили, ввели в транс – самое время проделать этот опыт с отслеживанием канала. Действуй!

– Сатрап! – пробурчала Моргана, однако опустила на колени рядом с бесчувственной Данирой. Одну руку дочь положила на лицо ламии, а вторую протянула мне. – Тут потребуется «единение разумов». Помнишь, мы тренировали?

Разумеется, я помнил. Это было примерно год назад. Тогда мы еще мирно жили у Байкала и не помышляли ни о каких путешествиях и сражениях. Я, правда, иногда думал на эту тему, но именно иногда и мысли свои еще не озвучивал. Помню, что спросил тогда Моргану, зачем нам нужно «единение разумов», и получил ответ в стиле «анхор его знает – может когда-нибудь пригодиться». Вот и пригодилось.

Я послушно взял руку дочери в свою и тоже закрыл глаза: для предстоящего процесса требовалась полная концентрация, и любые отвлекающие зрительные образы были бы только помехой. Когда наши руки соединились, меня словно пронзил электрический разряд, а по всему телу пробежала сверху вниз волна тепла, сменившаяся волной холода. Потом возникло ощущение падения. Я будто проваливался в какой-то темный спиралевидный туннель, ведущий, в конечном счете, куда-то вниз на манер горки в аквапарке. Дух перехватило, но нена-

долго. Тело свое я ощущать перестал, как и тепло ладони Морганы. Мы проваливались в «туннель» вместе – впереди во тьме двигался чуть голубоватый огонек, и я понимал, что это – сознание Морганы.

Никаких признаков проникновения вглубь чужой сущности я не чувствовал. Вокруг не искрила ментальная энергия, не увеличивалась плотность «атмосферы», сквозь которую сложно было бы пробираться, не проносились мыслеобразы. Впрочем, обо всем этом я знал лишь теоретически (от Морганы) и сам, разумеется, никогда не испытывал, так как подобным умением не обладал. Правда, сейчас таким ощущениям и взяться было неоткуда: они приходились на долю Морганы, собственно и осуществлявшей проникновение, а я был всего лишь связан с ней надчувственным каналом, позволявшим воспринимать визуальную и слуховую информацию (точнее, ее ментальные аналоги), которую получала моя дочь. Именно поэтому насчет того, что ей удастся обеспечить мой прямой контакт с Лилит, а самой остаться в стороне, у меня были серьезные сомнения.

Между тем, мы продвигались все дальше и дальше, и меня помаленьку начало охватывать нетерпение – сколько можно в конце-то концов?! По моим ощущениям процесс длился уже никак не меньше получаса, и конца-края ему видно не было. Впрочем, я стойчески терпел и не отвлекал Моргану вопросами: наверняка канал связи с Лилит (если он вообще существует) – штука тонкая, тщательно замаскированная, а потому малозаметная, и отыскать его не так-то просто.

Внезапно огонек-Моргана впереди замер на месте. Неужто нашла?!

«Кажется, да, – пришел телепатический ответ дочери. – Смотри».

И тут я действительно увидел. Это выглядело словно нить, тускло, на самой грани восприятия светящаяся во мраке. Моргана несомненно ощущала канал как-то по-другому, более полно что ли – несколькими видами чувств сразу. Мне же была доступна лишь его визуальная ипостась. И это было еще одним признаком ограниченности здесь возможностей моего восприятия. Похоже, Моргане все-таки придется пообщаться с матерью, как бы она этому ни противилась.

Оставалось лишь проследовать вдоль этой «нити» до ее второго конца, на котором, как мы оба верили, находилась Лилит. И Моргана, немного помедлив, полетела дальше, а я, как примагниченный, последовал за ней. Движение ускорилось, и теперь мне казалось, я уже ощущал сопротивление, а вместо холода – жар, который пока не был обжигающим, но уже весьма чувствительным. Что-то будет, когда мы к Лилит приблизимся?

Однако через некоторое время нарастание жара прекратилось, и он стабилизировался на вполне сносном уровне. Между тем, наше путешествие вдоль «нити» затягивалось. Кроме того, сама она периодически выделяла серьезные коленца и петли, словно та, что находилась на противоположном ее конце, постоянно и резко меняла свое положение в пространстве. Впрочем, скорее всего, так оно и было. Волка ноги кормят, а харров сейчас можно было сравнить с небольшой волчьей стаей, нацелившейся на очень серьезную добычу. Причем, добыча эта обладала одной очень неудобной особенностью – была разбросана по всему миру, а те, кто ее стерег, спали и видели, как бы уничтожить дерзких охотников. И чтобы избежать расставленных на нее капканов, стая должна была работать скрытно, с обманными ходами и быть хотя бы на шаг впереди тех, кто эти капканы снарядил. Так, собственно, посланцы Пустоты и действовали. А Лилит «смертельными узами» была привязана к своим жутким спутникам надежнее, чем если б ее приковали к ним толстой цепью. И потому затягивать с ее поиском однозначно не стоило.

«Нить» виляла как сумасшедшая, и если б не Моргана, я бы давно уже ее потерял. Впрочем, без Морганы я вряд ли вообще смог бы ее обнаружить. Внезапно огонек, представляющий собой сознание моей дочери, замер на месте. Зрение и слух не позволяли мне определить при-

чину остановки. Правда, нити я тоже почему-то не видел. Просто потерял ее из поля зрения, или она, наконец, закончилась?

«Закончилась, – протелепатировала Моргана в ответ на мой невысказанный вопрос (что, впрочем, при «единении разумов» было совсем неудивительно). – Мать здесь. Твоя идея сработала – поздравляю! Однако мое нежелание с ней общаться остается в силе».

«Мы зашли уже слишком далеко, дочка, чтобы отступать, – так же мысленно возразил я. – Теперь попробуй связаться с ней и, если получится, подключи меня к разговору. Если же нет – придется тебе самой поговорить с ней. Не забудь – нас интересует информация о ближайших планах харров. Когда и где они окажутся в ближайшее время».

«Да помню я все! – с раздражением отозвалась Моргана. – Просто на мамашу у меня с некоторых пор аллергия, и с твоей стороны просто жестоко делать меня переговорщиком».

«Мы ведь все уже обсудили, – устало сказал я, – и, кажется, пришли к соглашению».

«Если то, что ты меня практически заставил, называть соглашением...»

«Моргана!»

«Ладно, ладно! Обещала – так сделаю. Но прошу занести в протокол – мне это не нравится!»

Она умолкла, и какое-то время ничего не происходило. Я мог только догадываться, что в этот момент дочь пытается достучаться до сознания матери, и терпеливо дожидался результата.

Ждать долго не пришлось. Несколько секунд спустя мое сознание уже восприняло яростное ментальное шипение Лилит:

«Какого анхора?! Моргана, ты что – совсем спятила?!»

«Вообще-то это была моя идея» – поспешил сказать я, но Лилит никак на мои слова не прореагировала. Либо просто не удостоила ответом, либо действительно не услышала. Если верно последнее, то, очевидно, я смогу работать лишь на прием, а вмешаться не сумею, и Моргане придется самой объясняться с основательно разозленной матерью. Подумалось, что дочка мне это еще припомнит, и как в воду глядел: негодная девчонка не стала откладывать столь важное дело в долгий ящик.

«План целиком папин, – вредным голосом сказала она, прекрасно понимая, что я ее слышу. – Если хочешь знать, я была против».

«Ну конечно, папин. – Воистину, сарказм Лилит можно было есть ложками, если только не бояться отравиться переполнявшим его ядом. – Тогда все понятно. А мозги вы с ним, видимо, по большим праздникам включаете?»

«Ну почему же? – Моргана, казалось, даже слегка обиделась. – Идея ведь, в принципе, сработала».

«Сработала, – Лилит, судя по ее ментальному тону, с каждой секундой все больше закипала. – А если бы ваш ментальный «звонок» услышали харры? Вы подумали о том, что они со мной в таком случае сделают? Все с вами ясно. В любом деле нет ничего хуже дилетантов! Вам повезло, что эти твари сейчас отвлеклись. Но это ненадолго, так что времени у нас мало. Надеюсь, тебе хватило разума притащить отца с собой?»

«Да. Мы связаны «единением разумов».

«И то ладно. Срочно подключай его к беседе».

«А... как это сделать?» – выдавила Моргана. Чувствовалось, что ей до смерти не хочется признавать свою некомпетентность хоть в чем-то. Особенно перед Лилит. И уже через секунду я понял почему: столь великолепного презрения был полон ментальный «голос» старшей криганки.

«Вот молодежь пошла! Ни анхора еще не знают и не умеют, а туда же – самостоятельности искать! Слушай внимательно. Сейчас сосредоточься и преврати свое сознание в энергоинформационный канал между мной и твоим отцом. Тогда он сможет не только слышать, но и говорить».

«Понятно».

Огонек сознания Морганы на мгновение замер, а потом буквально взорвался, подобно светомушкетерской гранате. Тьма астрального «туннеля» отпрянула в стороны, словно испугавшись, а я вновь ощутил последовательно электрический разряд, волну тепла и холода.

«Ау, Э-маг? Как слышно? Прием».

«Слышу тебя хорошо, Лилит. Я весь – внимание».

«Нет уж, *это я* вся – внимание! – яд и злость буквально фонтанировали из криганки. – Какого анхора вам потребовалось меня искать таким экзотическим способом?! Вы соображаете, чем я рискую?! Ведь договаривались же: если будет нужно и возможно, я связываюсь с вами сама!»

«Ты долго молчала».

«Значит, были причины! – отрезала Лилит. – Это не повод звонить во все колокола! Что за пожар, вообще?!»

«Ты хочешь избавиться от харров или нет? – понемногу начинал злиться и я. – Они что-то не слишком торопятся отбирать у нас Осколок. Можно ли, в принципе, обойтись без одной части Ключа?»

В ответ – тишина.

«Лилит, ты еще там?»

«Заткнись! – злобно прошипела моя собеседница. – Дай мне сосредоточиться. Нас, кажется, слушают».

«Кто? Харры?»

«Создатель упаси! – тут мой Э-детектор уловил с ее стороны эмоциональный эквивалент вздрагивания. – Если б так, я бы уже была покойницей: пустотные твари терпением не отличаются. Тут кто-то другой. Искусный и хитрый. Я никак не могу засечь его, и это меня нервирует».

«Что предлагаешь?»

«Надо отрезать нас от остального астрала, чтобы отцепить прослушку».

«Ты можешь это сделать?»

«Боюсь, нет. Во всяком случае, не сейчас, когда харры сравнительно близко. А вот ты со своей Э-магией вполне на это способен».

«Говори, как».

«Просто выжигай отрицательной волной весь астрал вокруг. Может и прослушивающий сенсор зацепишь. В этом случае тому, кто к нему подключен, не позавидуешь. Короче, действуй: время дорого!»

Меня не надо было просить дважды. Мой отрицательный резервуар был уже почти полон. Настолько, что я даже планировал на днях опорожнить его. Что же, к лучшему, что я этого не сделал: теперя скопившаяся внутри меня чертова уйма негатива, по крайней мере, будет употреблена на пользу делу. Мощная отрицательная волна хлынула из меня, и я тщательно «проутюжил» ею пространство вокруг себя, проявляя особую осторожность в тех секторах, где я ощущал Моргану, Лилит и энергоинформационный канал, идущий к телу Даниры.

Эта была волна третьего типа против нематериальных сущностей, так что, кто бы нас ни слушал, она для него должна стать весьма неприятным гостинцем. Мне даже почудилось в ближайшем астрале какое-то стремительное, словно испуганное движение. Впрочем, возможно, это была лишь галлюцинация, порожденная сильным желанием хоть что-нибудь почувствовать.

«Ну как? Порядок?» – спросил я Лилит, когда волна стихла.

«Вроде отцепили. – Однако уверенности в ее ментальном тоне не было. – Ладно, времени мало. Говори, что хотел».

«Чтобы освободить Тринадцатого обязательно собрать все части Ключа?»

«По идее – обязательно. Иначе Ключ не станет единым целым, и Темница не материализуется в физической реальности Базового мира. Однако есть нюанс. Все это нужно для того, чтобы освободить Его во плоти...»

«Постой, постой! – не удержался я. – Как это, «во плоти»? Его же тела лишили перед тем, как заточить!»

«Историю выучил, пятерка! – съязвила Лилит. – Но не все так просто. Развоплощение и заточение были частью одного ритуала, результатом одной цепочки чар, которая заложена как в саму Темницу, так и в Ключ. Поэтому, когда откроется Замбк, запустится обратный процесс, и Тринадцатый выйдет на свободу таким же, каким оказался на том злосчастном острове последней битвы, то есть, имея тело, Силу и энергию. Только злобы и ненависти в нем будет в разы больше, чем тогда... Однако мы отвлеклись. Вышесказанное станет реальностью только при полном обратном проведении ритуала. Но если семь или восемь из девяти Осколков покинут Базовый мир, а тем более – канут в Пустоту, пути Тринадцатого ослабнут до предела, и через некоторое время он сможет вырваться сам. Правда, ослабленному и бесплотному бывшему узнику придется еще прорываться в собственно Базовый мир, но это все равно будет чрезвычайно опасно. Духу Разрушителя ничего не стоит захватить себе любое тело, а тогда уж силы его начнут расти не по дням, а по часам. У вас, обитателей Базового мира и тех, кто еще выступит против него, появится небольшая фора по времени, но вряд ли она вам сильно поможет».

«Погано, – резюмировал я. – То есть, харрам, в общем-то, не обязательно отбирать у нас Осколок?»

«Желательно, но необязательно».

«Значит, мы должны сами найти их и уничтожить!»

«Браво! Гениально! – не скрывая едкой иронии отозвалась Лилит. – Уже придумал, как?»

«Понадобится точная и своевременная информация от тебя об их местонахождении и перемещениях. Или, хотя бы, полные сведения о том, где находятся оставшиеся Осколки».

«Хотя бы! – передразнила Лилит – А может, тебе еще дать ключ от квартиры, где деньги лежат?!»

На мгновение я даже опешил: меня слегка выбил из колеи язык, на котором изъяснялась криганка из высшей касты, и обилие употребляемых ею сленговых выражений и земных идиом. Но потом я сообразил, что поскольку общение ведется мыслеобразами, а не словами, мое сознание просто переводит мысли собеседницы в понятную и близкую мне форму, как бы осуществляя перевод. Интересно, а чего она вдруг вспыхнула? Что такого в моей просьбе?

«Разве с этим проблемы какие-то? – осведомился я. – Ведь у тебя наверняка есть нужные сведения».

«Есть. Но ты их получишь, только если другого выхода не останется. Лучше уж как раньше – дам знать непосредственно перед операцией захвата очередного Осколка. Мы, кстати, только что добыли еще один. Осталось три».

«Маловато, – констатировал я. – Только три попытки на все про все. Не пролететь бы нам с твоей секретностью».

«Это уж мне решать! – окрысилась Лилит. – Моя жизнь на кону!»

«Не только твоя. Сама знаешь, если харры добьются успеха...»

«Я сказала – нет! – уперлась криганка. – Или по-моему, или никак!»

«Ладно, – сдался я, понимая, что переубедить ее сейчас – только даром тратить время. – Как будем действовать?»

«По старому плану. А вы с Морганой не вздумайте еще раз повторить этот трюк со связью: слишком опасно, причем, не только для меня. Вам тоже может не поздоровиться. Кроме того, я понятия не имею, кто и каким образом может «подключаться» к этому каналу. А

потому – связь только по моей инициативе. Через ламию. Не отпускай ее от себя ни на шаг, так как «сеанс» может состояться в любой момент. Даже спи с ней, если понадобится».

После этих ее слов повисла легкая пауза, которую хитрюга Лилит истолковала совершенно правильно.

«Что, с этим проблемы какие-то?» – ехидно поинтересовалась она.

«Никаких», – холодно ответил я.

«Ну вот и отлично!»

«Но ты можешь сказать хотя бы, куда вы с харрами отправитесь в следующий раз?»

«Мы...»

Связь оборвалась так внезапно, словно кто-то ножом провод перерезал. Энергоинформационный канал, созданный Морганой, при этом тоже лопнул, доставив нам обоим весьма неприятные ощущения. Интересно, кто это сделал: пытавшаяся следить за нами «бабка-подслушка» в отместку за то, что я отрезал ее от канала информации, или сама Лилит, потому что к ней приблизились харры, и она боялась «спалиться»? Лучше бы второе, потому что сам факт обнаружения некоего умельца, способного по своему желанию подключаться к нашим контактам и разрывать их в любой момент, меня, мягко говоря, не радовал.

И наше объединенное сознание с максимально возможной скоростью по астральному «туннелю» устремилось обратно к точке входа – телу Даниры. Положительным в данной ситуации было только одно: мы с Морганой снова были в деле. Третьи «каникулы» оказались существенно короче вторых.

Ретроспекция 2 – Заточение

Базовый мир. Конец Войны Тринадцати.

Магическая буря все не унималась. Пока физическая реальность Базового мира выдерживала ее, но кто знает, как надолго хватит ее стойкости? Слишком могущественные сущности собрались сейчас на одном маленьком клочке суши посреди громадного океана, тогда еще не получившего название Тихого. Слишком большую мощь пускали они сейчас в ход в своем противостоянии, которое, по большому счету, уже двигалось к своему логическому завершению, ибо одна из сторон имела явное силовое превосходство.

Она, эта сторона, была представлена двумя полукольцами, составленными из магов, чья аура Силы была настолько могучей, что дух захватывало. В первом полукольце их было двенадцать, и возможности их существенно превышали те, которыми обладали стоявшие за их спиной. Последних было несколько больше (около полутора десятков) и роль им отводилась достаточно скромная – быть поставщиками энергии для находящихся в первом ряду. Их связывали невидимые обычным зрением энергетические каналы, по которым текла непрерывным потоком Сила: из заднего ряда в передний – к тем, кто затем щедро пускал ее в ход.

И все это обрушивалось на одного-единственного противника, который отбивался с яростью обреченного, каковым он, собственно, и являлся. Хотя аура Силы этого мага выдавала самый высокий среди собравшихся уровень возможностей, но подавляющее численное превосходство его врагов не оставляло ему шансов. Однако он все еще сопротивлялся, извергая волны ненависти столь могучие, что они способны были превратить мир на многие тысячи километров вокруг в безжизненную пустыню, а то и расколоть самую ткань реальности. Так бы оно и произошло, если б противостоящие ему не гасили эти волны своей Силой.

Окажись на этом острове сторонний наблюдатель, обладающий магическим зрением (чего, конечно же, быть не могло) он, пожалуй, здорово бы удивился. Ведь ауры противников не слишком отличались друг от друга. Разве что у того единственного, что противостоял многим, в психоэнергетической оболочке пробивались черные прожилки. На острове сражались великие маги. Впрочем, называть их магами было бы не совсем правильно, так как они являлись сущностями, значительно более одаренными, многогранными и мощными. Это были Демиурги – первое поколение детей Творца, помогавшее Ему создавать Сферу Миров. Но тот, с кем они бились, в этом процессе участия не принимал, хотя и являлся их собратом. Он вернулся из своих загадочных странствий слишком поздно, когда все уже было создано и поделено. Именно это привело к войне, финальные аккорды которой и гремели сейчас на мелком острове посреди безбрежной водной пустыни.

Война Тринадцати должна была вот-вот закончиться. Демиургам удалось отрезать его от всех союзников и загнать в ловушку в центре Базового мира, обложив своего смертельного врага силами тяжкими. Ведь за их спинами стояли светлые Вторые – вся их элита, и они сейчас исправно подпитывали Первых своей энергией. Тринадцатый же был один, и помощи ему ожидать не приходилось. Все его запасы магической энергии были истощены, и ему, которого враги именовали теперь не иначе как Разрушителем, предав забвению его истинное имя – Рагнар, оставалось лишь черпать силы исключительно в собственной ненависти. Благо ее имелось в избытке, так как возникала она из горького осознания неизбежности поражения.

Собратья не только не пожелали делиться с ним созданным, что еще можно было как-то понять, ибо они вложили в это собственные Нити Творения. Но они, вдобавок, не позволили ему создать что-то свое, мотивируя отказ тем, что структура Вселенной была уже завершена и являлась устойчивой и гармоничной. Любые новообразования могли только повредить. По крайней мере, так это было озвучено. На самом деле собратья просто боялись его, вернувшегося из Пустоты с нерастроченной мощью и яростью в глазах. Боялись, ибо не были уверены, не

изменила ли их собрата та черная безбрежность за Внешним ободом, и не станет ли его детище той самой уязвимой точкой, брешью в защите новосотворенной Вселенной, которая позволит Пустоте пожрать ее. Если честно, Тринадцатый и сам не был в этом уверен. Ведь что-то же побудило его в начавшейся войне прибегнуть к помощи *омтуды*! ЧТО, если не поселившийся в нем неведомый вирус Пустоты?

Впрочем, сейчас это уже было неважно. Он попытался отстоять свое право на творение и начал войну. Начал и проиграл. Теперь его ожидала либо смерть, либо развоплощение. Причем, скорее второе, потому что вряд ли собратья рискнут убивать такого, как он: о мощи посмертной волны, которая непременно при этом возникнет, можно только догадываться. Здесь, в Базовом мире, ткань Вселенной была самой прочной, но и ее стойкости может не хватить. В этом и заключался его шанс, так как ему, Рагнару, тринадцатому Демиургу, терять было нечего. Он мог разить насмерть, а его враги – только подавлять, если конечно, у них не было желания в течение долгих тысячелетий латать прорехи в ткани реальности и править безжизненными мирами.

Тем не менее, их натиск с каждой минутой становился все сильнее, ибо собратья пользовались не только собственной и заемной магической энергией. Они тоже ненавидели его душевной подсердечной ненавистью, ведь Рагнар воплощал собой то, чего они боялись – угрозу мирозданию, в котором они чувствовали себя очень комфортно и получили немалую власть. Никто не хотел расставаться со всем этим, а следовательно возмутитель спокойствия должен быть уничтожен или, точнее, нейтрализован.

Чудовищные тиски все сжимались, и все тяжелее становилось Тринадцатому сдерживать этот напор. Еще немного – и возможностей контратаковать у него уже не останется, и его окончательное поражение и развоплощение станет делом очень краткого времени. Кажется, настал момент кинуть на алтарь этого последнего боя все, что у него есть – весь заботливо сбереженный запас отрицательной энергии, который пополняется уже лишь отчаянием и обреченностью. Далеко не все, чем он располагал в энергетическом плане выплескивал Рагнар в своих яростных контрвыпадах. Тринадцатый понимал – у него будет возможность нанести лишь один удар, и он должен стать поистине чудовищным. Главное – не упустить момент: то ничтожное мгновение между тем, как враги полностью уверуют в собственную победу и тем, как эта победа воплотится в реальность. Именно тогда и только тогда у него появится шанс.

Защита Тринадцатого трещала по всем швам, и контратаковать он уже больше не пытался. Так избиваемый несколькими противниками падает на землю, сворачивается в позу эмбриона и отчаянно пытается прикрыть руками голову, когда куражащиеся враги, испытывая злобное упоение, оттягиваются по его ребрам и конечностям по полной программе. Именно такой момент настал и в этой битве, хотя и на неизмеримо более высоком уровне. Э-детектор Тринадцатого, несмотря на, казалось бы, категорически неблагоприятные для него условия, работал без сбоев и вовремя зафиксировал оттенки торжества в эмоциональном спектре врагов. Еще пара секунд – и то, во что уже уверовали двенадцать Демиургов, станет свершившимся фактом – они одержат полную и безоговорочную победу.

Именно в эту пару секунд Рагнар и нанес свой удар. Никогда – ни до, ни после той титанической битвы не видела Вселенная волны ненависти подобной мощи. Заметить обычным зрением отрицательную Э-магическую волну даже высочайшей интенсивности невозможно: само эмоциональное излучение невидимо. Виден только его результат: гибнущие или испытывающие страдания живые существа, разрушающиеся постройки, рассыпающиеся в пыль деревья... Но тут все обстояло несколько иначе. Возможно, из-за того, что излучаемая ненависть была просто запредельной по интенсивности, а может быть окраску ей придали остатки Силы Пустоты, выплеснутые Тринадцатым в этом последнем отчаянном ударе. Так или иначе, но внешний эффект его атаки на сей раз весьма впечатлял: словно овеществленное разрушение,

поток непроглядного мрака хлынул от Тринадцатого вперед и в стороны. Сектор поражения составил почти 180 градусов, и в нем оказались все до единого противники Рагнара.

Первые, разумеется, не ожидали подобного, но они бы не были высшими магическими сущностями Сферы Миров, если бы не попытались спастись. Даже объединенной собственной Силы двенадцати Демиургов не хватило бы, чтоб отразить такой удар (разве что им удалось бы интегрироваться в правильное «кольцо», но на это у Первых просто не было времени). Поэтому они прибегли к единственному способу, доступному им в данном случае – энерговампиризму высшего порядка.

Каналы, передающие энергию от стоящих во второй линии высших анхоров к Демиургам, работали исправно. И в критический момент Первые просто резко увеличили интенсивность поглощения, вытягивая помимо Силы магической еще и жизненную. И это помогло. Демиургам пришлось плохо, но они выстояли. Куда более печальной стала участь тех, кто находился за их спинами. Начать с того, что далеко не все выдержали столь резкий забор энергии. Трое или четверо анхоров просто рухнули замертво, опустошенные буквально досуха. А на остальных обрушилась обтекшая Демиургов, пусть существенно ослабленная, но все еще смертоносная волна ненависти Рагнара. И энергетически истощенные Вторые оказались не в состоянии защититься. В результате ненасытная тьма принялась забирать их жизни одну за другой.

Но именно в этот момент не выдержала, наконец, ткань физической реальности Базового мира, ибо на подобные нагрузки просто не была рассчитана. Остров уходил куда-то вовне, как будто организм мира отторгал пораженную страшной болезнью частицу своей плоти. И кто знает, чем бы закончился этот процесс, и где бы в итоге оказались все участники финальной битвы, не используя Демиурги максимум положительной энергии, содержавшейся в их резервуарах. Совместное усилие творения стольких могущественных сущностей в кратчайшие мгновения произвело эффект: вокруг проваливающегося острова возникла новая реальность. Вне Базового мира, Внутреннего обода, миров Щита – совершенно особое измерение, некий пространственно-временной карман, образовавшийся где-то в пределах центральной части Сферы Миров. Плоть от плоти Базового мира, он теперь уже не являлся его частью, и законы Земли там не действовали.

Вряд ли кто-либо из находившихся в этот момент на острове смог тогда сообразить, где именно они оказались, однако новая реальность, созданная в аварийном порядке, то есть без тщательного продумывания, уже начала диктовать свои правила. В частности, волна ненависти Рагнара погасла без видимой причины, словно сам воздух здесь поглощал Э-магию подобно губке. Тринадцатый же после этого выброса оказался полностью истощенным, неспособным более ни на какое сопротивление, ибо вложил в удар всего себя. У Демиургов Сила пока оставалась, правда в количестве чуть большем, чем ничего. Однако это можно было считать победой, пусть даже из разряда тех, которые много позже станут называть на Земле пирровыми.

Демиург Криил огляделся по сторонам. Среди светлых Вторых в живых осталось пятеро. Влодмир, Бракар, Сарк, Тэйн и Дитта. Лучшие из лучших – престолы, высшая каста. Скорее всего, как рассчитывал Криил, они даже не поняли, что произошло, не осознали, что старшее поколение просто пожертвовало жизнями их собратьев, чтобы спасти свои. Впрочем, по глубокому убеждению Первых, в этом состояла святая обязанность Возникших Следом (так Демиурги называли Вторых) – жертвовать собой ради того, чтобы остались в живых сотворцы Вселенной. Тем не менее, лучше бы они оставались в неведении – так, по крайней мере, можно будет рассчитывать на их полную лояльность в дальнейшем.

Впрочем, сейчас куда более актуальной была проблема, имя которой – Тринадцатый. Он стоял против своих все еще многочисленных врагов полностью опустошенный – даже без малой толики Силы. Она, конечно, со временем вернется, но этого времени никто ему давать не собирался. Рагнар. Побежденный... Обычный, вроде бы, человек, практически ничем не

отличающийся от коренного населения Базового мира. То, что делало его почти богом, временно ушло.

Демиурги вновь активировали свой магический пресс, удивляясь про себя, как туго идет магическая энергия. Все здесь словно сопротивлялось магии, не позволяя Первым развернуться в полную мощь. Кроме того, за каждое заклятие приходилось платить болью отката – явления доселе незнакомого тем, кто привык считать себя владыками всего сущего. Очевидно, из совместных усилий всех двенадцати Демиургов возникла совершенно особая реальность с невероятными законами, которые теперь уже было практически невозможно изменить.

Сопротивляться Тринадцатый не мог совершенно. Поэтому магический пресс легко поставил его на колени и пригнул к земле.

– Что будем с ним делать, братья? – первым подал голос Демиург Ликварн.

Симор, морщась от боли отката, сотворил несложное заклятие «круга тишины», оставив за его пределами, помимо Тринадцатого, еще и пятерку анхоров. Дальнейший разговор был не для ушей Возникших Следом.

– Голосую за смерть, – глухо произнес Диверн. – Он слишком опасен, чтобы оставлять его в живых.

– А посмертная волна? – возразил Деметарий.

– Почти уверен, что ее не будет. Все-таки, он полностью истощен. Волна не может зародиться там, где совсем нет Силы.

– «Почти», тут ключевое слово, – задумчиво проронил Криил. – Ты готов рискнуть всеми нами?

– Риск минимален. Я не чувствую в нем той Силы, что порождает волну.

– Но ты не уверен на сто процентов. Рагнар – Демиург, пусть даже не создавший ни одного мира. Однако Нить Творения, которой снабдил каждого из нас Создатель, и мощь которой он до сих пор не до конца растратил, все еще при нем. Неизвестно, как отреагирует эта локальная реальность на его гибель. Мы сотворили ее спонтанно таким маги-штурмом и не знаем всех ее законов. А если со смертью такого энергетического колосса, коим изначально является Разрушитель, нарушится равновесие этой реальности, и она сразу схлопнется, уничтожив при этом всех, кто здесь находится? И что тогда станет с нашей Вселенной, в которую мы вложили столько труда?

– Твои выводы ни на чем не основаны, брат Криил, – вмешался в разговор Ликварн. – Это домыслы, возникающие из незнания всех обстоятельств.

– Согласен, – усмехнулся Криил. – Но разве среди нас есть тот, кто знает *все* обстоятельства? Не забудьте, что рискуем мы, ни много, ни мало – всей Сферой Миров. Если есть хоть малейший шанс на то, что мои домыслы могут реализоваться, имеем ли мы право игнорировать это только потому, что нам очень хочется уничтожить Рагнара?

– Что ты предлагаешь? – спросил Симор.

– Развоплощение, – резко отозвался Криил, – и заточение в этом пространственно-временном кармане, коль скоро он тут так удачно возник в результате наших общих усилий. Лишенный Силы и плоти, он никогда не сможет самостоятельно вырваться отсюда.

– А если ему кто-то поможет? – Диверн все еще сомневался. – У него осталось множество сторонников.

– Мы сделаем так, чтобы сюда им прорваться было невозможно. Эта реальность достаточно успешно сопротивляется магии. Я думаю, каждый почувствовал, сколь трудно здесь творить заклинания. Это ее свойство можно еще усилить и перекрыть сюда доступ любым сущностям, сравнимым с нами по мощи.

– Предложение разумное, – произнес Ликварн, – однако потребует большого количества Силы. Ведь созданный нами мирок, похоже, будет сопротивляться любым изменениям, откуда бы они ни проистекали.

– Разве это нас остановит, если в результате мы сможем обезопасить себя навсегда от самого страшного врага, причем без всякого риска?

– Но недостаточно просто оставить его здесь, – подал голос Вигенторн. – Необходимо создать энергонепроницаемую крипту, заточить его дух туда, а потом запечатать как крипту, так и реальность высокоуровневым запирающим арканом.

– Предложение, конечно, хорошее, – с сомнением проронил Деметарий, – только тут и всей нашей Силы может не хватить. Насколько я понял эту реальность, она не позволит нам создать ничего подобного без магии крови и материального воплощения.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Симор.

– Проще говоря, чтобы сотворить Замбк нужной нам прочности и степени защиты, потребуется сотворить материальный ключ артефактного типа, и заложить в него все запирающие чары с помощью ритуала магии крови высшего порядка. Иначе ничего не получится. Ах да, еще один нюанс: Ключ должен быть создан из плоти этой реальности и, соответственно, Базового мира. Это позволит сделать запирающие чары поистине несокрушимыми.

– Отличный доклад, собрат Деметарий, – заговорил доселе молчавший Демиург Рэйп. – Но вижу в твоем плане три серьезных минуса. Первый – наличие Ключа в принципе предполагает возможность открыть замок. Не уверен, что нам это надо. Второй – Ключ, созданный по той технологии, которую предлагаете вы, будет обеспечивать невероятно высокую надежность запора, только если хранить его в непосредственной близости от Замка, то есть либо в этой реальности, что я считаю неразумным, либо в Базовом мире. А сто́ит ему покинуть Базовый мир, как запоры неизбежно начнут слабеть и станут слабеть тем больше, чем дальше Ключ будет находиться от Замка. Ну и третий. Ты упомянул магию крови. Инструмент, конечно, сильный и действенный, однако нашу кровь для этого использовать нельзя: слишком большая Сила выделится при таком ритуале, и я не уверен, что эта реальность выдержит подобное.

– Полагаю, у меня есть что сказать по этому поводу, – произнес Криил. – Отвечаю по пунктам. Первый. Да, Ключ, конечно, предполагает возможность открыть Замбк, однако нас никто не заставляет хранить его цельным артефактом. После наложения всех потребных чар и проведения ритуалов Ключ может быть расколот на части, которые надо поместить на хранение в различные места Базового мира, соблюдая при этом максимальный режим секретности. Отвечать за части Ключа будут, скажем, Вторые из касты хранителей знаний. Данный вариант дает частичный ответ и на вторую проблему. Ведь потенциальному освободителю Рагнара, чтобы ослабить его пути, придется отыскать не один артефакт, а несколько и, по крайней мере, вытащить их к внешним рубежам Сферы, пусть даже не собирая воедино. Думаю, никто не станет возражать, что задача эта высшей категории сложности. Теперь по поводу магии крови. Да, нашу кровь применять чрезвычайно опасно, однако у нас тут имеются Возникшие Следом. В их крови содержится достаточно Силы, чтобы придать ритуалу необходимую эффективность, и слишком мало, чтобы разрушить реальность при выбросе. А я не сомневаюсь, что любой из них без колебаний пожертвует толикой своей крови ради нашей общей победы.

Какое-то время после этой речи Демиурги молчали, по-видимому, переваривая аргументацию Криила, и Э-детектор говорил последнему, что общий фон настроения Первых был одобрительным. И он жестко задавил поднимающееся из глубины своего существа облегчение, ибо не один он умел здесь читать эмоции – таковым талантом обладали все Демиурги, а показывать им *это* свое чувство Криил считал излишним.

– По-моему, исчерпывающе, – резюмировал Симор. – Предлагаю взять озвученный план на вооружение и приступить непосредственно к его осуществлению. – Он повернулся к Разрушителю, легким жестом гася «круг тишины». – Тринадцатый из Первых, когда-то называвшийся Демиургом Рагнаром! За многочисленные преступления, совершенные против нашей Вселенной, сговор с исчадиями Пустоты и развязывание войны, поставившей на грань уничтожения всю Сферу Миров, ты приговариваешься к лишению плоти и вечному заточению сущ-

ности в специальной крипте, которая будет создана в данном измерении. Да будет твое имя в последний раз произнесено в этой Вселенной, предано проклятию и забвению! Отныне никто не имеет права называть тебя иначе, чем Тринадцатый или Разрушитель. Последнее титулование, позорное для того, кто был создан, чтобы творить, ты заслужил сполна. Тебе ясен приговор, Тринадцатый из Первых?

– О, вполне. – Лицо Разрушителя пробороzdила кривая улыбка, а в глазах застыла темная ненависть, впрочем, не содержавшая сейчас в себе никакой Силы. – Вольно же вам, «собратья», называть Тринадцатым, того, кого вы смогли одолеть лишь совместными усилиями, того, кто больше всех вас заслуживал права называться Первым! Но я не удивлен: слабым свойственно уничтожать тех, кто выше их, едва лишь представится такая возможность. Однако этот приговор – ошибка. Вам следует убить меня сейчас, пока еще есть такая возможность, а то как бы потом не пожалеть о собственной нерешительности!

Э-детектор Рагнара молчал, иначе он непременно получил бы удовлетворение от сознания того, что слова его достигли цели. Все Демиурги отлично владели собой, однако гнев, страх и сомнение, на миг промелькнувшие в эмоциональных спектрах большинства присутствующих, выдали, что прозвучавшая угроза была воспринята вполне серьезно.

Но Симор, взявший на себя ответственность говорить от лица всех, лишь покачал головой.

– Приговор окончательный, Тринадцатый из Первых, и никакие угрозы не смогут поколебать нашей решимости привести его в исполнение. Твоя душа будет до скончания времен находиться в этой крипте, мучаясь осознанием совершенного. Пусть сейчас тебе кажется, что никаких проблем это не доставит, но ручаюсь, что уже после нескольких тысяч лет заточения твое мнение изменится. И знай: даже раскаяние не облегчит приговора. Мне более нечего тебе сказать. Собратья, предлагаю немедленно приступить к исполнению нашего общего решения.

* * *

Несколько часов спустя.

Ритуал шел медленно. Энергия текла нестабильно, рывками, а все участники магического действия стояли мертвенно бледными от боли: эта реальность дорого брала со своих создателей за право творить магию высших порядков. Тем не менее, кусок породы, лежавший внутри кольца, составленного двенадцатью Демиургами, под действием филигранно направляемых ими магических потоков постепенно приобретал металлический блеск и форму ключа. Темное облако, представлявшее собой лишённую плоти сущность Тринадцатого, без движения висело в воздухе за пределами кольца под присмотром не участвовавших в ритуале Вторых. Анхоры свою задачу уже выполнили: каждый из них отдал достаточно крови, чтобы выделившаяся при этом Сила помогла преодолеть магическое сопротивление особого куска пространства-времени, где происходило судьбоносное событие. Теперь Вторые были лишь зрителями и надсмотрщиками, хотя последняя роль была чисто номинальной: Сила в сущности Тринадцатого по-прежнему отсутствовала, и сбежать он уже никуда не мог. Помимо чар, его сдерживала и растущая вокруг него крипта, стены которой воздвигались словно сами собой под влиянием тех же двенадцати Первых, стоящих в кольце.

Престол Влодмир смотрел на творящееся действие, пытаясь максимально запечатлеть в памяти ход процесса и разобраться в хитросплетениях заклятий Демиургов. Он, конечно, не питал иллюзий, что даже объединившись со всеми анхорами высших каст, ему удастся повторить нечто подобное, но почему-то чувствовал, что сейчас очень важно понять, на каких принципах построено создание тюрьмы для самого могущественного из Первого поколения. Было у него смутное предчувствие, что это знание может очень пригодиться в будущем.

И его напряженное внимание не пропало даром: кое-что стало проясняться, и это кое-что ввергло светлого Второго в пучину сомнений. Создаваемая структура была почти совершенной, но вот именно, что «почти». На самом деле кровь Вторых, которую все оставшиеся в живых престолы дали для проводимого ритуала, была отнюдь не только источником Силы, необходимым для преодоления магического сопротивления вновь возникшей реальности, как это казалось сначала. Она вписалась в построение самого заклятия на правах одного из компонентов, причем, едва ли не самого важного – связующего звена. Именно кровь Вторых стала тем «раствором», на котором держались стены крипты, и катализатором для превращения обычного камня с этого острова в могущественный артефакт – Ключ. Естественно, в каждом случае она была лишь частью того, что творилось, но частью немаловажной.

В этом-то и заключалась уязвимость структуры: то, с помощью чего создавалась и крипта, и Замбк и Ключ, могло послужить и для обратного процесса – уничтожения стен, снятия всех запоров и освобождения заточенного. Влодмир бросил мимолетный взгляд на Тринадцатого, которого уже почти скрыли стены растущей крипты. Даже сейчас, без малой толики Силы, он внушал трепет. Но Сила-то к нему вернется, а ненависть к тем, кто его заточил, будет только умножаться. И если, не дай Творец, однажды наступит такой страшный день, когда он вырвется на свободу... Престола всего охватывал ужас при одной лишь мысли об этом. А то, что какой-нибудь потенциальный освободитель Разрушителя решит для этого принести в жертву парочку Вторых, вовсе не казалось чем-то невероятным.

Учитывали такую возможность Демиурги, закладывая уязвимость в структуру Темницы, или просто упустили ее из виду? Последняя мысль показалась Влодмиру крамольной, и он поспешил отбросить ее в сторону. Первые наверняка все предусмотрели, и то, что кажется ему уязвимостью, на самом деле отлично вписывается в их планы. Просто сами их замыслы остаются для него непостижимыми. Впрочем, не исключен и еще один вариант. Демиурги, несомненно, понимали, что самые надежные запоры – те, что основаны исключительно на магии, но эта реальность, буквально пьющая Силу и отчаянно сопротивляющаяся всякому магическому воздействию на нее, накладывала свои ограничения, а потому без материальных компонентов создать здесь что бы то ни было попросту не представлялось возможным. Так что с присутствием в структуре Темницы вышеозначенной уязвимости им пришлось смириться, как с неизбежным злом. К тому же саму по себе эту уязвимость было не так-то легко использовать: настолько многоуровневая создавалась защита, и столько ограничивающих условий накладывалось.

Ритуал, между тем, продолжался, и Влодмир следил за ним с неослабевающим интересом. Причудливая вязь заклятий, виртуозное наложение энергетических связей, стяжек и противовесов, почти идеальная геометрия течения магических потоков, несмотря на то, что каждую йоту магии у этого странного куса пространства-времени приходилось вырывать буквально с боем, – все это завораживало престола и вводило его в состояние, близкое к священному трепету. Влодмир понимал, что до подобного совершенства ему – как до других Вселенных по Пустоте. По сравнению с этими заклятиями его собственное чародейство казалось примитивным огненным шаром, выпущенным каким-нибудь магом-недоучкой из миров Щита. Великим достижением можно было считать уже одно то, что ему удавалось разобраться хотя бы в общих принципах, на которых базировались творимые арканы.

Вот эта «спираль», к примеру, отвечала за расширение зоны действия Ключа на весь Базовый мир и крепче увязывала дочернюю реальность, в которой отныне будет находиться Темница Тринадцатого, с материнским миром. В случае же, если Ключ или его части (а Влодмира перед ритуалом уже посвятили в идею разбиения отпирающего Темницу артефакта на девять Осколков) выйдут за пределы закладываемой сейчас максимальной эффективности чар, запоры и стены крипты неизбежно начнут ослабевать. Выходит, хранить их придется в Базовом мире и только в нем.

А вот этот рунический символ будет играть роль сигнализации: если запоры Темницы окажутся близкими к разрушению или падут совсем, в небе Земли, миров Щита и ободов загорится знак беды – Руна Гибели. Изначально она создавалась для оповещения о вторжении из Пустоты.

Из следующего переплетения зачатий Влодмиру удалось понять только то, что они являлись подготовительными к запечатывающему аркану первого уровня – тому самому, который замкнет наглухо стены самой крипты. Однако должен быть еще и второй – запечатывающий саму новосотворенную реальность. Только накладываться он будет уже из Базового мира.

Так, а вот и сам запечатывающий аркан. От его сложности у престола перехватило дыхание. Три... нет, даже четыре уровня вложенности и почти запредельная геометрия связанности потоков. Для него самого потолком считалось два уровня, да и то при максимальном сосредоточении всех сил. Впрочем, так и должно быть. На то они и Первые... Однако выглядят Демиурги уже не слишком хорошо. Битва с реальностью дорого им обходится. Хорошо хоть ритуал подходит к концу. Точнее, первая его часть.

Вот и завершающие штрихи. Как всегда, безупречны. Крипта и Ключ приняли окончательную форму, стены Темницы сомкнулись вокруг Тринадцатого, полностью отгораживая от Сферы Миров то запредельное зло, которое он собой воплощал. Вроде бы все, но течение энергии отчего-то и не думает прекращаться. Видимо, Демиурги еще не совсем закончили эту часть ритуала. Идут новые сплетения потоков. Влодмир всмотрелся в них. Понятно было далеко не все, но основная направленность творимых чар стала ясна: Первые *меняли* эту реальность. Теперь их лица, несмотря на всю силу самоконтроля, были искажены болью – созданное изменение уже застыло в своем нынешнем состоянии и менять оное категорически не желало. Престол так и не понял, что же именно решили поменять в реальности Демиурги. У него появилась лишь смутная догадка насчет того, что ее делали еще более недоступной для вторжения извне.

Наконец, магия погасла. Все двенадцать Демиургов к этому моменту были уже абсолютно вымотаны. Интересно, где они возьмут Силу для второго этапа ритуала? Впрочем, его-то уж будут проводить там, где окружающая среда не станет оказывать столь яростного сопротивления магии. Правда, сперва надо будет еще отсюда вырваться...

Тут же, словно отвечая его мыслям, в голове возник телепатический голос Демиурга Криила:

«Готовь своих. Составим два концентрических кольца. Построение «игла прорыва».

«Будет исполнено!»

«Игла прорыва»... До сих пор этот массовый аркан применялся лишь для проникновения сквозь вражеские заслоны, препятствующие любому перемещению. А с преодолением границ реальностей ни у Первых, ни у Вторых пока еще в Сфере Миров проблем не было.

Сработали оперативно – на то и лучшие из лучших. На сей раз внешнее кольцо составили Демиурги: их, все-таки, осталось двенадцать, в то время как Вторых – всего пять. Мобилизовать пришлось все ресурсы и бросить их на прорыв. Вот только здесь нельзя было просто гвоздить собранной Силой, а требовалась именно игла – почти ювелирная работа, которая позволила бы им вырваться из этого мирка, не ослабив его границ, которым было предназначено стать как бы внешними стенами Темницы Тринадцатого. Впрочем, роль Вторых тут вновь была чисто вспомогательной – знай себе давай Силу, а уж направлять ее будут стоящие во внешнем кольце Демиурги.

Вскоре собранная Сила сфокусировалась в узкий луч, который пронзил границы пространственно-временного кармана, в котором они находились, и создал узкий канал, по которому они, доведя собственную плоть до низшей степени материальности, смогли бы перейти в Базовый мир. И вот, когда все собравшиеся оказались в этом канале, Влодмир, помимо привычного уже холода от проникновения сквозь межмировые барьеры, испытал и кое-что почти невероятное. Его обостренное предыдущим наблюдением сверхчувство теперь сооб-

щало, что изменения, ранее «запрограммированные» последней фазой ритуала Первых, начались за их спиной. Отложенная трансформация реальности! Это было невероятно, но являлось фактом! Демиурги, уходя, словно накрепко закрывали за собой дверь, чтобы никогда уже не возвращаться в это место, которое будет предано забвению, равно как и имя узника, который остался там, как хотелось верить, на веки вечные.

Проникновение длилось дольше, чем он привык, и плоть Второго, несмотря на сниженную материальность, успела даже слегка замерзнуть, когда над головой внезапно вновь засияло солнце Базового мира.

* * *

Они зависли на высоте около двадцати метров над поверхностью бушующего океана. Похоже, что буря, очевидно, порожденная исчезновением небольшого кусочка пространства Земли, ставшего теперь отдельным маленьким измерением, только начала затихать. И Первым, и Вторым потребовалась недюжинная реакция, чтобы «подхватить» самих себя в воздухе и активировать чары левитации, но справились все, несмотря на общий упадок сил.

Впрочем, здесь все маги чувствовали себя куда лучше, чем в мирке, который только что покинули, словно вышли в морозный лес из душной комнаты: здесь не приходилось яростно сражаться за возможность осуществить каждое чародейство. Поэтому у донельзя вымотанных высших сущностей Сферы Миров будто открылось второе дыхание. В Базовом мире они могли себе даже позволить творить заключительную часть запечатывающих новое измерение чар, параллельно без особого труда поддерживая заклинание левитации.

После прорыва Вторые вновь превратились в зрителей. Теперь от них не требовалось даже снабжать первых Силой. Только парить над бурлящим океаном и смотреть на то, как условно могущественнейшие сущности Вселенной создают заклятия высшей категории сложности.

Влодмир вновь стал вглядываться в хитросплетения магии Первых. Сарк парил рядом, тоже глядя за продолжающимся ритуалом во все глаза. В плане аналитической магии он ничуть не уступал главе светлых Вторых, если вообще не превосходил. Интересно будет потом обменяться с ним мнениями – как много он сумел разобрать в арканах Демиургов? Но это все потом: сейчас даже мыслеречь – табу.

Итак, снова запечатывающие арканы. Только уже другие – направленные на укрепление границ реальности. Эти межмировые барьеры должны были стать самыми мощными в Сфере Миров. После внешних рубежей, естественно. При том, что реальность Темницы теснейшим образом связана с Базовым миром, это кажется нонсенсом, но является фактом. Необходимость того требует. Кстати, теперь становилась более ясной и суть изменений, внесенных Первыми в физические законы покинутого ими только что измерения. Похоже, на нее наложены ограничения по суммарной мощи присутствующих там сущностей. В случае превышения установленных пределов реальность Темницы просто коллапсирует, уничтожив всех, кто там в этот момент окажется. А если учитывать, что там на постоянной основе будет находиться Тринадцатый, не только никому из Первых, но, почти наверняка, и Вторых высших каст там показываться не следует. Кроме того, сопротивляемость магии этого куса пространства-времени теперь стала настолько велика, что переместиться туда ни телепортацией, ни «прямым переходом» не получится. Да уж. Демиурги предусмотрели почти все. Почти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.